

interaction

интеракция

interview

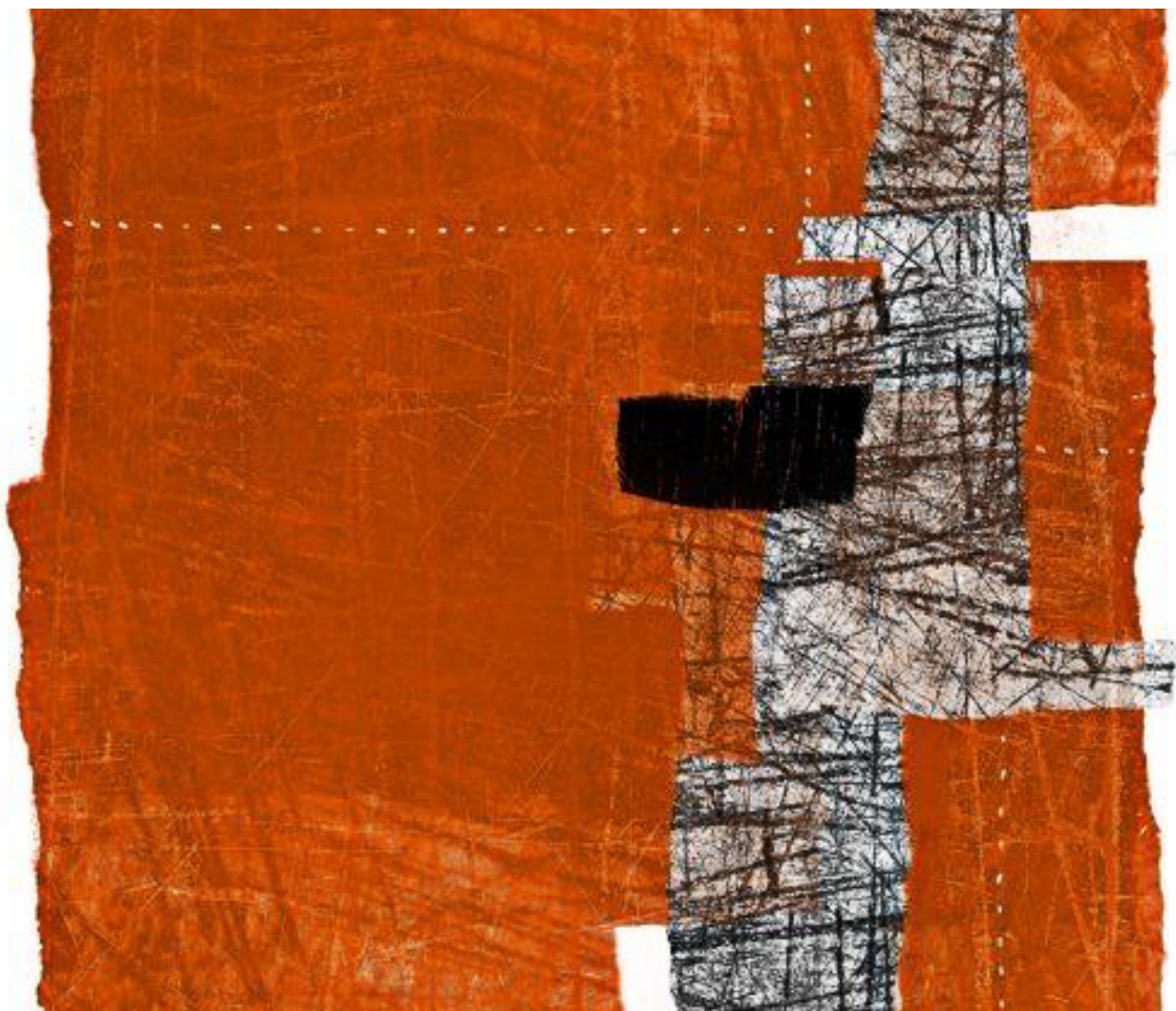
интервью

interpretation

интерпретация

INTER

1' 2025

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2025. Том 17. № 1
Interaction. Interview. Interpretation
2025. Volume 17. No. 1

ISSN (Online) 2687-0401

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2002 г.

Выходит 4 раза в год

2025. Том 17. № 1

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1

EDN: GEYJNI

Учредители	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) Российское общество социологов (РОС)
Издатель	Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН)
Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	А. В. Ваньке Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Технический редактор	О. Н. Салангина
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в [Перечень](#) ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
[Creative Commons Attribution 4.0 International Public License](#)

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

<https://ru.pinterest.com/pin/47147127344939471/>

автор коллажа Красная абстракция Молли Иверс (Molly Eivers)

9 772687 040006 >

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2025
© Interaction. Interview. Interpretation, 2025

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

- СУШКО Павел Евгеньевич** — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkore@mail.ru
- ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com
- ЧЕРНОВА Жанна Владимировна** — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru
- ЧЕРНЫШ Михаил Федорович** — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), mfche@yandex.ru
- ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна** — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru
- ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна** — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Leading researcher, SI RAS — FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAEVA — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Director, FCTAS RAS (Moscow, Russia), mfche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiarskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

[Anna V. STRELNIKOVA](#) — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

[Irina N. TARTAKOVSKAYA](#) — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

[Alexandrina V. VANKE](#) — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	9
Теоретические дискурсы и дискуссии	11
<i>Арсений Куманьков</i> Героям здесь не место: культура современных войн	11
<i>Сергей Старцев</i> Военная идентичность: как маскулинная идеология формирует отношение к насилию	22
Полевые исследования	42
<i>Акиф Гаджиев, Татьяна Даутова</i> Нарративные жанры и культурные ресурсы обыденных обоснований войны в Афганистане (1979–1989)	42
<i>Регина Матвеевко</i> Репрезентация солдатской смерти: дискурс-анализ военных некрологов в контексте СВО	63
<i>Дарья Осокина</i> Дискурс социальной политики как фрейм нового репертуара гендерных контрактов жен мобилизованных	87
Визуальная социология	108
<i>Елена Мещеркина</i> Рефотография как документация и осмысление «грязной войны» в Аргентине: фотопроект Г. Джермано «Отсутствие»	108

Contents

Editor's Letter	9
Theoretical Discourses and Discussions	11
<i>Arseniy Kumankov</i> No Country for Heroes: The Culture of Modern Wars	11
<i>Sergey Startsev</i> Military Identity: How Masculine Ideology Shapes Attitudes to Violence	22
Field Research	42
<i>Akif Gadzhiev, Tatyana Dautova</i> Narrative Genres and Cultural Resources of Ordinary Justifications for the Soviet War in Afghanistan (1979–1989)	42
<i>Regina Matveenko</i> Representation of Soldiers' Death: Discourse Analysis of Military Obituaries in the Context of the SVO	63
<i>Daria Osokina</i> Social Policy Discourse as a Frame of a New Repertoire of Gender Contracts for Wives of the Mobilized	87
Visual Sociology	108
<i>Elena Meshcherkina</i> Re-Photography as Documentation and Understanding of the "Dirty War" in Argentina: G. Germano's photo project "Absence"	108

Письмо редактора

Первый номер 2025 года целиком и полностью отдан доминирующей теме социального феномена войны. В статьях этого специального выпуска — войны современные, гибридные, локальные конфликты. Среди тем — тема профессионального военного насилия; универсальные солдаты с их специфической маскулинностью и инвалидностью; военные в транзите между институтом армии и гражданским миром; отражение судьбы погибших на фронте в некрологе; нарративные жанры повествования о войнах; женщины, которые ждут воюющих дома; попытка фотографии отразить исчезнувшее. Разнообразны и глобальны национальные и исторические контексты — «грязная война» в Аргентине в конце 70-х XX века, Афганская война 1979–1989 гг., СВО.

Сложность темы войны, ее социальных последствий, феноменов, с нею связанных, необходимость социальной реабилитации комбатантов с опытом локальных конфликтов, порождает поиск методологических решений, как это исследовать, какими инструментами, пробираясь по «заминированному» эмпирическому полю, в котором полно означающих, но сложно подобраться к означаемому.

Эта сложность вероятно продиктована дистанцией гражданской социологии по отношению к теме войны. Сложившееся разделение труда между ведомственной военной социологией и гражданской социологией оставляет последней в основном тему последствий, хотя важно задаться вопросом, как это делает социолог Маурицио Лаццарато в своем эссе, «Почему война¹». Теоретическая социология наследует Фуко, который обнаружил исключение проблемы войны из производства социального знания: критическая теория предполагала, что «знание и истина никогда не могут быть найдены на стороне насилия, беспорядка и войны» и «могут принадлежать только порядку и миру»². Но сравнительный анализ Карло Галли, (равно как и открывающая этот номер статья Арсения Куманькова³) показал, что возникновение глобальной войны вытеснило предыдущие типологии военных конфликтов: классические современные межгосударственные войны, посредством которых нации очерчивали территории и юрисдикции по отношению к своим врагам; и тотальные войны двадцатого века, где целью было не завоевание или ведение переговоров о пространстве, а полное уничтожение противника⁴. Возобладали хронические и неустранимые конфликты, которые распространяют насилие в другие сферы общества. Интересную мысль предлагает социальный философ Эдгар Ильяс в дискуссии с Маурицио Лаццарато о сути современных

¹ Lazzarato M. Why War? October 17th, 2024. URL: <https://illwill.com/why-war> (дата обращения: 10.03.2025).

² Foucault M. (2003) *Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France, 1975–76*, edited by Mauro Bertani and Alessandro Fontana, translated by David Macey, Picador, p.173.

³ Куманьков А. Д. Война в XXI веке. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020.

⁴ Galli C. (2010) *Political Spaces and Global War*, edited by Adam Sitze, translated by Elisabeth Fay, University of Minnesota Press.

войн⁵, — «противоречивым образом насилие остается безграничным, потому что оно не может производить политические формы, которые могут его сдержать». Предлагая метафору магмы в качестве позитивного образа для представления различных противоречий глобальных конфликтов, Эдгар Ильяс усматривает в ней тем не менее возможность добиться изменений, как в свое время Зигмунт Бауман обращался к образу текучей современности. Разжижение прежде застывшего и затвердевание текучего. Неустранимая реальность войны доказывает, что любое положение вещей может быть разрушено и преобразовано. Вопрос — как это изучать, какой язык описания предложить, какие социологические методы здесь адекватны?

Редактор номера
Елена Рождественская

⁵ Illas E. The Magma of Global Capitalist War February 16th, 2025. URL: <https://ilwill.com/the-magma-of-global-capitalist-war> (дата обращения: 10.03.2025).

Теоретические дискурсы и дискуссии

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.1

EDN: YQCUWR

Героям здесь не место: культура современных войн

Ссылка для цитирования:

Куманьков А.Д. Героям здесь не место: культура современных войн // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 1. С. 11–21. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.1>
EDN: YQCUWR

For citation:

Kumankov A. D. (2025) No Country for Heroes: Culture of Contemporary Wars. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 1. P. 11–21. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.1>

Куманьков Арсений Дмитриевич

Университет Майнца им. Иоганна Гутенберга,
Майнц, Германия

E-mail: kumankoa@uni-mainz.de

Статья посвящена эволюции феномена войны в контексте политических и социокультурных трансформаций последнего столетия. Взяв в качестве базовой модели концепцию Карла фон Клаузевица, автор прослеживает переход от регулярных межгосударственных войн XVIII–XIX веков, характеризовавшихся симметричностью и регулярностью, к современным конфликтам, отличающимся асимметричностью. Особое внимание уделено изменениям после Второй мировой войны, связанным с ростом значимости международного права, демократизацией западных обществ и появлением оружия массового поражения. Эти факторы, соотнесенные с повышением уровня жизни в развитых государствах, способствовали делегитимации войн как инструмента политики и породили феномен «постгероических» обществ, где индивидуальная жизнь ценится выше коллективистских идеалов. Вместе с тем эра ядерного сдерживания способствовала развитию прокси-конфликтов, в которых активное участие принимают негосударственные субъекты. На примере войны в Афганистане (2001–2021) автор демонстрирует характерные черты современных войн: размывание границ между гражданскими и военными объектами, сложность достижения

победы, а также растущую этическую ответственность за последствия военных операций. В статье фиксируются вызовы, которые современные войны ставят перед международным сообществом, включая разрушение инфраструктуры, дестабилизацию регионов и массовую миграцию. Автор поднимает вопрос о моральной ответственности государств за судьбу вовлеченных в конфликт граждан, критикуя циничный подход, при котором война сводится к минимизации стратегических рисков, а гуманитарные ее аспекты игнорируются. В результате автор подчеркивает, что современные конфликты редко завершаются традиционным образом — подписанием мирного договора, так как иррегулярные силы часто стремятся продлить войну ради извлечения выгоды, в то время как конвенциональные политические акторы не могут завершить войну исключительно на поле боя.

Ключевые слова: война; насилие; герой; победа; поражение; мир; государство; оружие массового поражения

Введение

Как и тысячелетия назад, война остается в сущности своей неизменной. Она представляет собой убийство, насилие и травмы, физические и социальные, остающиеся на десятилетия. Все также сильна власть войны над человеком, плененным насилием. Гомеровское: «Всем во мгновенье война им кровавая сладостней стала, Чем на судах возвращенье в любезную землю родную», — чрезвычайно точно фиксирует парадоксальную привлекательность войны. Несмотря на разрушительные и антигуманные последствия вооруженных конфликтов, люди продолжают приписывать войне наивысшую ценность, представляя ее как значимый и необходимый опыт, способный придать жизни глубокий смысл.

Вероятно, наиболее популярное определение войны принадлежит Карлу фон Клаузевицу, который писал о ней как о продолжении политики другими средствами. Он же предложил и более строгую дефиницию. Война для прусского генерала — это «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [Клаузевиц, 2007: 20]. Есть формальные определения войны: 1000 человек, погибших в год. В современных социальных и политических исследованиях под войной обычно понимают вооруженный конфликт, при условии, что в течение одного календарного года не менее 1000 человек становятся жертвами боевых действий (см. соответствующие разъяснения по этому вопросу Петера Валленштеена, многолетнего руководителя Уппсальской программы данных о конфликтах (Uppsala Conflict Data Program) [Валленштеен, 2009: 21–22].

Будучи постоянной спутницей человеческих сообществ, война, однако, как «подлинный хамелеон» (еще одно определение Клаузевица), постоянно меняется по мере развития технологий и военного искусства. Кроме того,

обновляется и культура войны — все, что связано с социальным значением войны, общественным ее восприятием, способами обоснования или основными линиями критики.

Старая добрая война

Дискуссия о современных войнах обычно подразумевает вооруженные конфликты, которые ведутся после окончания холодной войны. В то же время они вписываются в более продолжительный период войн после 1945 года. Считается, что до этого времени доминирующим типом войны была регулярная межгосударственная война. Ее описание мы найдем в работах классических теоретиков, таких как Карл фон Клаузевиц [Клаузевиц, 2007] или Антуан Анри Жомини [Жомини, 1939]. Место этого типа войны в конце XX века занимает иной феномен. Предложено множество различных терминов для его обозначения: новые войны [Калдор, 2015], постмодернистские войны [Gray, 1997], войны третьего типа [Holsti, 1996], войны четвертого, пятого или нового поколения [Lind et al., 1989], негражданские войны [Snow, 1996]. Исследователи, осмысляющие эволюцию войн с использованием подобных категорий, как правило, противопоставляют современные практики войнам «клаузевицеанского» типа, с кратко́го представления которых и следует начать.

Клаузевиц в основном своем труде «О войне» описывает вооруженные конфликты XVIII–XIX столетий, обращая внимание не только на стратегию, но и на социально-политические характеристики войн своего времени. В данный период европейская политика определяется укреплением институциональной структуры государства модерна. Государство выстроило систему управления социальными и политическими процессами, централизовав их и монополизировав администрирование ими. Среди прочего это позволило государству получить исключительное право на ведение войны, используя для этого регулярную армию, которая все больше стандартизируется и унифицируется. Основным военным противником в это время является другое государство, а не религиозные организации или отдельные субъекты. В этом смысле война становится симметричной (вне зависимости от размера территории, численности армии, экономического состояния государства взаимно признавали друг друга как равные по статусу структуры) и регулярной. Последнее означает четкое разграничение между участниками боевых действий и гражданскими лицами, а также однозначность стадий мира и непосредственно войны. Такая война ведется сообразно правилам и обычаям. Во всяком случае, предполагается их наличие и понимание обеими сторонами конфликта.

Причиной справедливой войны признается агрессия, будь то явная (например, отражение нападения) или скрытая (в случае значительной угрозы со стороны другого государства). Целью таких войн становится установление нового равновесия сил или возвращение к статус-кво. Они представляют собой серию военных операций, в ходе которых стороны стремятся победить противника через сражения и маневры. Завершается война заключением мирного

соглашения, после чего возможна нормализация отношений между бывшими противниками. Гегелевская «Философия права» содержит емкое описание войн эпохи модерна: «Вследствие того, что государства взаимно признают друг друга в качестве таковых, так же и в войне... сохраняется связь, в которой они значимы друг для друга как в себе и для себя сущие, так что в войне сама война определена как нечто должествующее быть преходящим... Поэтому войны новейшего времени ведутся гуманно и люди не испытывают ненависти по отношению друг к другу» [Гегель, 1990: 368]. Обратим внимание на вывод о гуманизации войны ввиду взаимного признания (симметричности) сторон и ее политического фреймирования, заменившего религиозное, которое, по мысли Гегеля и многих исследователей, провоцировало большую степень ожесточения и высокий уровень потерь.

Мировые, тотальные войны XX столетия следует также рассматривать как вариацию регулярных войн или абсолютизацию некоторых их принципов. Однако существенным отличием является потенциальное отсутствие в тотальных войнах каких-либо ограничений и, как следствие, разрушение границы между гражданской и военной сферами. Один из первых теоретиков тотальной войны Эрих Людендорф так характеризовал этот феномен: «Персональные и материальные силы отечества должны... быть до крайности напряжены и предоставлены для ведения войны [...] Народные и боевые силы так тесно внутренне переплелись между собой, что стали нераздельными. Боеспособность частей на фронте была в тесной зависимости от боеспособности народа внутри страны» [Людендорф, 2023: 7–8]. В результате вся нация оказывается мобилизованной, пусть даже и косвенным образом, когда гражданин не направляется в войска, но тем не менее его работа содействует ведению войны. Сама же война перестает быть продолжением политики, подчиняя себе все сферы жизни, в том числе и политику.

К новым войнам

Окончание Второй мировой войны ознаменовало начало новой эпохи в практике ведения войн. По совокупности причин великие державы стали воздерживаться от прямого столкновения друг с другом. Можно отметить в данном случае и развитие системы международного права и надгосударственных международных институтов, и проведение суда над поверженными агрессорами, ответственными за множественные военные преступления и преступления против человечности. Но, как представляется, куда большим значением обладают два фактора: во-первых, социально-экономическое развитие стран глобального Севера/Запада, во-вторых, появление оружия массового поражения (или уничтожения).

В середине XX столетия западные общества, т.е. население основных великих держав прошлого, претерпели существенную ценностную трансформацию, вызванную высоким уровнем экономического развития и демократизации этих обществ. Традиционные представления о героизме, самопожертвовании

во имя нации или идеологии, применении насилия в отношении соседних стран утратили свое былое значение. Ценность индивидуальной частной жизни начала восприниматься выше, чем ценность коллективистских идеалов. В то же время гражданам этих стран стала доступна возможность прожить жизнь благополучно, комфортно и достойно, не служа в армии и не участвуя в боевых действиях, а значит, не подвергая себя рискам и страданиям. В результате эти общества, названные американским военным теоретиком Эдвардом Люттваком «постгероическими», возможно, не стали более критичными по отношению к войне как таковой [Люттвак, 2021]. Но значительно сократилось число людей, готовых заниматься военной службой. Война при этом теряла легитимность как инструмент политики, будучи запрещенной на уровне международного права и риторики международных организаций. Другим эффектом дегероизации стала повышенная чувствительность к насилию в отношении членов этих обществ и жертвам среди них, будь то военные или гражданские лица (жертвы террористических атак).

Второй из отмеченных факторов — появление и дальнейшее развитие оружия массового поражения, по всей видимости, оказался наиболее значимым (это подтверждается постоянными угрозами и дискуссиями об опасностях применения ядерного оружия в ходе текущего конфликта России и Запада). Оружие массового поражения существенным образом изменило как военную стратегию, так и динамику международных отношений. Став ключевым элементом доктрины взаимного гарантированного уничтожения, оно заставило ведущие державы (обладавшие теперь не только развитыми экономиками или политическими амбициями, но и ядерными арсеналами) отказаться от прямых крупномасштабных вооруженных столкновений. Ядерное сдерживание, таким образом, предотвратило войну между социалистическим и капиталистическими блоками, «охладив» ее¹. Однако опыт холодной войны показывает, что войны как таковые не исчезли, но были переформатированы. Вместо объявления войн друг другу развитые государства стали активно вовлекаться в опосредованные (прокси) войны и использовать силу косвенным образом. Между собой при этом они могли заключать договоры о нераспространении или запрещении тех или иных видов оружия массового поражения. В результате значительная часть современных конфликтов оказались асимметричными² и вместе с тем глобализированными.

Государства как будто бы потеряли право и желание участвовать в войнах в том смысле, в каком они делали это в прошлом. Хотя США, Франция, Великобритания или СССР/Россия продолжали вести войны, они, как правило, представляли их в качестве ограниченных и не вполне военных операций. Отсюда многообразие форм для обозначения этих войн — оказание военной помощи, контртеррористическая операция, принуждение к миру, специальная

¹ О роли ядерного сдерживания см. [Powell, 1990]. Развернутая критика ядерного сдерживания и сохранения ядерных арсеналов представлена в [Wilson, 2008]. Об угрозах современной ядерной эскалации см. [Барановский и др., 2022].

² См. данные о количестве конфликтов разных типов на сайте Уппсальской программы данных о конфликтах. URL: <https://ucdp.uu.se/> (дата обращения: 13.01.2025).

военная операция. Война при этом становится задачей не армий, а военных советников или ограниченных контингентов. В этих условиях свободу участия в боевых действиях получают негосударственные субъекты, разрушающие столь ценную для государств модерна монополию на применение военной силы.

Асимметрия современных войн проявляется не только в вовлечении в конфликт негосударственных субъектов и иррегулярных сил, но также в применении гибридных методов ведения боевых действий и зачастую в отсутствии стратегического уровня управления, когда границы между гражданскими и военными целями оказываются размыты. Участие в войнах иррегулярных частей представляет собой существенную проблему, так как множественность центров сил и принятия решений делает конфликт хаотичным и трудноуправляемым, не позволяя нанести поражение одной конкретной армии или прийти к соглашению с военным или политическим лидером. В условиях множественности акторов уничтожение или примирение с одной из групп не означает окончания конфликта и принуждения противника к необходимости «выполнить нашу волю».

Другой стороной проблемы становится частое злоупотребление принципом различия между гражданскими и военными лицами и объектами. В каких-то случаях преднамеренный удар по гражданским целям является сознательно избранной тактикой (обычно использование ее считается террористической атакой). Однако гражданские лица становятся жертвами войны и безотносительно военной целесообразности. Повстанческие движения и преступные сети, участвующие в войнах, нередко ведут боевые действия без политических или идеологических целей, превращая войну в предприятие. Мэри Калдор называет подобную стратегию хищнической. Насилие используется не для решения военных задач, но как инструмент контроля над населением и извлечения ренты [Калдор, 2015: 128] (см. также [Мюнклер, 2018: 200]).

Я хотел бы указать на два значимых следствия из обозначенной трансформации войны — значение моральной составляющей и низкую вероятность достижения победы.

Постепенная делегитимация войны подразумевает возрастание ответственности за широкий спектр последствий военных операций (речь может идти как о непосредственно тактических последствиях, так и о политических, социальных, экономических, экологических, культурных) и за их влияние на судьбы вовлеченных в них военных и гражданских лиц. Этическая составляющая современной войны значительно усиливается. Если столетие назад война была способом обосновать свое присутствие в клубе великих держав, а правительства использовали своих граждан для решения этой задачи, мобилизуя их для участия в колониальных баталиях и мировых войнах, то сейчас великая держава может позволить себе лишь непродолжительные и победоносные войны, что означает столкновение с небольшими регулярными армиями, как это было, например, во время операции НАТО против Югославии в 1999 году. Масштабная военная кампания неизбежно приводит к умножению ее участников, вовлечению в нее различных иррегулярных

групп, что, в свою очередь, делает конфликт затяжным и дестабилизирует не только зону боевых действий, но и весь регион вследствие массовой миграции и разрушения местной инфраструктуры. Правительство, вступающее в войну, обязано будет объяснить, кто и почему должен в ней участвовать, каков допустимый уровень насилия и чем должна закончиться война. Западные постгероические общества, опаленные катастрофами мировых войн XX века, ценящие высокий уровень жизни и саму ценность индивидуальной жизни, не могут довольствоваться объяснениями о необходимости использования армий для балансирования сил и реализации национальных интересов в духе Realpolitik.

Кейс: Афганистан (2001–2021)

Показателен пример войны в Афганистане 2001–2021 годов, которая начиналась как кампания, нацеленная на решение высоких задач обеспечения международного мира и безопасности. Ее итогом должно было стать предание суду террористов, ответственных за планирование и осуществление атак на США 11 сентября 2001 года. Эта война объявлялась борьбой с мировым злом за свободу американского народа и всего человечества, угрозой которым выступал поддерживавший терроризм режим талибов. Операцию в целом положительно оценивало мировое сообщество, в том числе и Россия. Ряд стран поддерживали военные усилия США. Однако затяжной характер войны и способы ее ведения через какое-то время заставили усомниться в том, что кампания ведется должным образом и что она может быть успешно завершена.

Нерешенной осталась и ключевая задача военной кампании — довести ее до победы. Изначальным успехом было свержение режима талибов при задействовании относительно немногочисленных сил в конце 2001 года. После этого война часто объявлялась близкой к окончанию или даже завершённой. Президенты США сменяли друг друга и говорили о достигнутом прогрессе. Но война все продолжалась. И связано это не только со стремлением политиков исказить реальность, но с искажением самой реальности войны. Современная война перестала быть регулярной межгосударственной войной. То, что в прошлом приносило победу при столкновении регулярных армий, не срабатывает в новых войнах. Занятие территорий и лишение противника политической власти в традиционном ее понимании не означает больше достижения победы. Современная война не может сводиться к череде наступательных или оборонительных операций, посредством которых противник будет принужден к заключению мирного договора, ставящего точку в конфликте. Иными словами, современная война перестает быть войной в привычном смысле этого слова: вовлеченные в нее иррегулярные военные формирования под управлением полевых командиров не заинтересованы в том, чтобы содействовать окончанию конфликта. Продление кампании выгодно для них, поскольку обеспечивает им власть и независимое положение, а также позволяет вести хищническую экономику (торговать ископаемыми и ценностями

на черном рынке, заниматься рэкетом и наркоторговлей, похищать людей, перепродавать гуманитарную помощь). Выбор в пользу преимущественно военных средств в кампании в Афганистане, по сути, предопределил невозможность США и их союзников завершить войну победой.

Неслучайно Мэри Калдор — один из главных теоретиков новых войн — отозвалась на падение Кабула колонкой в *The Guardian*, озаглавив ее: «Главный урок Афганистана — „война с терроризмом“ — не работает»³. Диагноз Калдор точен: основу стратегии США составляло проведение боевых операций против бойцов и лидеров Аль-Каиды, Талибана и Исламского государства⁴, но анти-террористические рейды спровоцировали рост симпатии к антиправительственным силам. Американские военные нередко воспринимались местным населением, пострадавшим от войны, как агрессоры и, отметим присвоение западного языка войны, террористы: «Каждый обыск в доме, который проводят американцы, — это удар по мирному процессу. Они заходят в наши дома, нарушая наше личное пространство и терроризируя наших детей. Мы никогда им не простим этого» [Каиро, 2011: 291–303]. Правительственные же войска зачастую комплектовались из представителей полукриминальных группировок, которые участвовали в боях еще с 1980-х годов и поэтому были не готовы к подчинению централизованной системе управления. Такая полуавтономность создавала угрозы для населения. Все это не способствовало укреплению авторитета и легитимности местной власти и предопределяло затяжной характер кампании.

Но самое важное, что становится заметным в ходе американского военного присутствия в Афганистане: современная война — это ответственность за судьбу региона и его населения. Откровенно циничны в этом отношении заявления уже бывшего президента США Джо Байдена, будто у США не было миссии заниматься государственным строительством в Афганистане, целью было лишь найти и наказать тех, кто напал на Америку 11 сентября, и не допустить использование Афганистана в качестве базы для террористических группировок. Люди, срывающиеся с вылетающих из кабульского аэропорта самолетов, — образ, который закольцовывает историю. Эта трагедия напоминает о людях, бросавшихся из окон горящего и рушащегося Всемирного торгового центра. Бесславный вывод войск, оказавшийся поражением и на моральном поле битвы.

События в Афганистане демонстрируют нам, каким может быть типичный военный конфликт в XXI веке, когда государства опасаются открытых столкновений друг с другом, но ведут прокси-войны либо борются с негосударственными субъектами на территории какого-либо государства. Современная масштабная война — это с большой долей вероятности путь к поражению, развалу государства или даже целого региона, поражению как в военном,

³ Kaldor M. (2021) The Main Lesson from Afghanistan is That the “War on Terror” Does Not Work. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/aug/24/lesson-afghanistan-war-on-terror-not-work> (дата обращения: 13.01.2025).

⁴ Все названные организации признаны террористическими и запрещены в Российской Федерации.

так и в политическом и моральном смысле. Это не означает, что желательным было бы возвращение к «старым добрым» войнам регулярного типа с тотальной мобилизацией, разрушением целых стран и многомиллионными жертвами. Но от людей, принимающих решение о применении военной силы, явно требуется более ответственное отношение к войне и международной безопасности. Война в Афганистане, начатая США и союзниками для борьбы с терроризмом, в результате которой возникает угроза свободе, здоровью и жизни сотен тысяч человек, сама становится террористической и ведет к поражению.

Литература / References

- Каиро А. 30 лет в Афганистане. Фотоотчет Альберто Каиро (фото из архива МККК) // Международный журнал Красного Креста. 2011. С. 291–303.
- Kairo A. (2011) 30 Years in Afghanistan. ICRC Photo Archives Account by Alberto Cairo. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta* [International Review of the Red Cross]. P. 291–303. (In Russ.)
- Барановский В. Г., Бужинский Е. П., Загорский А. В., Никитин А. И., Ознобищев С. К. Избежать ядерной войны. Проблемы эскалации/дескалации вооруженных конфликтов при приближении к «ядерному порогу» // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 114–134. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.09> EDN: BKFFGS
- Baranovsky V. G., Buzhinsky E. P., Zagorsky A. V., Nikitin A. I., Oznobishchev S. K. (2022) Avoiding Nuclear War. Problems of Escalation/De-Escalation of Armed Conflicts When Approaching The “Nuclear Threshold”. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 6. P. 114–134. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.09>
- Валленштеен П. Интервью // Международный журнал Красного Креста. 2009. Т. 91. № 873. С. 21–22.
- Wallensteen P. (2009) Interview. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta* [International Review of the Red Cross]. Vol. 91. No. 873. P. 21–22. (In Russ.)
- Гегель Г. В. Ф. Философия права / Пер. с нем. Б. Г. Столпнера, М. И. Левиной. М.: Мысль, 1990.
- Hegel G. W. F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of Right]. Transl. from Germ. by B. G. Stolpner, M. I. Levina. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Жомини Г. Очерки военного искусства. М.: Воениздат, 1939.
- Jomini H. (1939) *Ocherki voennogo iskusstva* [The Art of War]. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
- Калдор М. Новые и старые войны / Пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Kaldor M. (2015) *Novye i starye voyny* [New and Old Wars]. Transl. from Eng. by A. Appolonov, M. Dondukovskij. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara. (In Russ.)
- Клаузевиц К. фон. О войне / Пер. с нем. А. К. Рачинского. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007.
- Clausewitz C. fon (2007) *O vojne* [On War]. Transl. from Germ. by A. K. Rachinskij. Moscow: Eksmo; SPb.: Midgard. (In Russ.)
- Людендорф Э. Тотальная война. Выход из позиционного тупика. М.: Яуза-пресс, 2023.
- Ludendorff E. (2023) *Totalnaya vojna. Vykhod iz pozitsionnogo tupika* [The Total War. Breaking the Positional Deadlock]. Moscow: Yauza-press. (In Russ.)
- Люттвак Э. Стратегия: логика войны и мира. М.: Издательство АСТ, 2021.
- Luttwak E. (2021) *Strategiya: logika voyny i mira* [Strategy: The Logic of War and Peace]. Moscow: Izdatelstvo AST. (In Russ.)
- Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках. М.: Кучково поле, 2018.

- Münkler H. (2018) *Oskolki voyny: Evolyutsiya nasiliya v XX i XXI vekakh* [War Splitters: The Evolution of Violence in the XX and XXI centuries]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Gray C. H. (1997) *Postmodern War: The New Politics of Conflict*. New York: Guilford Press.
- Holsti K. (1996) *The State, War and the State of War*. Cambridge: Cambridge University Press.
DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511628306>
- Lind W. S., Nightengale K., Schmitt J. F., Sutton J. W., Wilson G. I. (1989) The Changing Face of War: Into the Fourth Generation. *Marine Corps Gazette*. Vol. 73. No. 10. P. 22–26.
- Powell R. (1990) *Nuclear Deterrence Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Snow D. (1996) *Uncivil Wars: International Security and the New Internal Conflicts*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.
- Wilson W. (2008) The Myth of Nuclear Deterrence. *The Nonproliferation Review*. Vol. 15. No. 3. P. 421–439. DOI: <https://doi.org/10.1080/10736700802407101>

Сведения об авторе:

Куманьков Арсений Дмитриевич — кандидат философских наук, исследователь, Университет Майнца им. Иоганна Гутенберга, Майнц, Германия.
E-mail: kumankoa@uni-mainz.de. **РИНЦ Author ID:** 819095; **ORCID ID:** 0000-0002-8951-4707; **ResearcherID:** I-8518-2015.

Статья поступила в редакцию: 13.12.2024

Принята к публикации: 23.02.2025

.....

No Country for Heroes: Culture of Contemporary Wars

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.1

Arseniy D. Kumankov Johannes Gutenberg University Mainz, Mainz, Germany
E-mail: kumankoa@uni-mainz.de

The article explores the evolution of the phenomenon of war in the context of political and sociocultural transformations over the past century. Using Carl von Clausewitz's concept as a foundational model, the author traces the transition from the symmetric and regular interstate wars of the 18th and 19th centuries to contemporary conflicts marked by asymmetry. Particular attention is paid to changes after World War II, including the growing importance of international law, the democratization of Western societies, and the advent of weapons of mass destruction. These factors, combined with rising living standards in developed countries, contributed to the delegitimization of war as a political tool and gave rise to "post-heroic" societies, where individual life is valued above collectivist ideals.

At the same time, the nuclear deterrence era fostered the development of proxy conflicts, actively involving non-state actors. Using the example of the war in Afghanistan (2001–2021), the author highlights key features of modern warfare: the blurring of boundaries between civilian and military targets, the difficulty of achieving decisive victories, and the growing ethical responsibility for the consequences of military operations. The article identifies challenges posed by contemporary wars to the international community, including infrastructure destruction, regional destabilization, and mass migration.

The author raises the issue of states' moral responsibility for the fate of civilians caught in conflicts, criticizing the cynical approach that reduces war to minimizing strategic risks while ignoring its humanitarian dimensions. The author concludes by emphasizing that modern conflicts rarely end traditionally with the signing of peace treaties, as irregular forces often seek to prolong wars for profit, while conventional political actors find it impossible to resolve conflicts solely on the battlefield.

Keywords: war, violence, hero, victory, defeat, peace, state, weapon of mass destruction

Author Bio:

Arseniy D. Kumankov — Candidate of Philosophy, Researcher, Johannes Gutenberg University Mainz, Mainz, Germany. **E-mail:** kumankoa@uni-mainz.de. **RSCI Author ID:** 819095; **ORCID ID:** 0000-0002-8951-4707; **ResearcherID:** I-8518-2015.

Received: 13.12.2024

Accepted: 23.02.2025

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.2

EDN: OXDNEK

Военная идентичность: как маскулинная идеология формирует отношение к насилию

Ссылка для цитирования:

Старцев С. В. Военная идентичность: как маскулинная идеология формирует отношение к насилию // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 1. С. 22–41. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.2> EDN: OXDNEK

For citation:

Startsev S.V. (2025) Military Identity: How Masculine Ideology Shapes Attitudes to Violence. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 1. P. 22–41. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.2>

Старцев Сергей Вячеславович

Национальный исследовательский институт
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: ssstartsev@hse.ru

В статье исследуются механизмы формирования и поддержания военной идентичности на примере участников специальной военной операции в Украине. В исследовании рассматриваются два регистра военной идентичности — нарративный и телесный. Эмпирическую базу составили 15 глубинных интервью и 3 заполненные телесные карты, созданные бывшими комбатантами. Анализ показывает, что устойчивость военной идентичности поддерживается двумя ключевыми элементами: специфической маскулинной идеологией и характерными отношениями с насилием. Маскулинная идеология проявляется через постоянное стремление к испытаниям, отказ от оседлой жизни и формирование закрытой солидарности в рамках гомосоциального сообщества — гендерно сегрегированной группы с особыми социальными связями между лицами одного пола. В его среде создается специфический тип социальности, характеризующийся радикальным эгалитаризмом и четким разделением на своих и врагов. Исследование также обращается к факторам, потенциально дестабилизирующим военную идентичность: ранениям, инвалидизации и пленению. Парадоксальным образом эти события могут не только подрывать, но и укреплять военную идентичность через

стремление вернуться к боевым действиям или поиск альтернативных способов поддержания маскулинности. Полученные результаты углубляют понимание процессов формирования и трансформации идентичности участников боевых действий, что имеет важное значение для осмысления проблем их последующей интеграции в гражданское общество.

Ключевые слова: военная идентичность; маскулинность; военная маскулинность; маскулинная солидарность; инвалидизированная маскулинность

Благодарность: Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в рамках проекта «Опыт локальных конфликтов: переработка, ресоциализация, инвалидность».

Конгруэнтность личности и войны

Вооруженные конфликты играют не менее значимую роль в формировании социальных смыслов и групп в обществе, чем гражданские¹ социальные структуры [Joas, Knöbl, 2012]. Однако в силу особенностей идеологии академических организаций эта тематика остается недостаточно изученной в социологических исследованиях [Malešević, 2010].

Тем не менее опыт участников боевых действий может иллюстрировать интересные для социальных наук процессы. Война сама по себе, хотя и является традиционной формой человеческой активности [Freud, 2015], требует от комбатантов особой формы не только физической, но и когнитивной подготовки, для которой необходимы как физические, так и социальные усилия [Мосс, 1996].

Судя по всему, человек не имеет биологических предпосылок для участия в институционально организованном и продолжительном насилии, что подтверждается исследованиями как биологических, так и социальных систем [Knauft et al., 1991; Collins, 2009]. Участие в боевых действиях предполагает сложное сочетание различных навыков: от стратегического планирования операций до умения справляться с иррациональностью войны. Эта иррациональность проявляется намного чаще, чем следование плану: дружеский огонь, проблемы со связью и неразбериха боя, несмотря на значительный технологический прогресс в ведении войны, все еще остаются обычными для любых сражений [Mann, 2023]. Способность находить решения в высокострессовых ситуациях и состояниях возбуждения подтверждает, что война как праксис комбатантов требует специфического состояния ума и тела.

¹ Мы используем слово «гражданский» не в привычном политологическом или социологическом значении свободных ассоциаций и общественных проявлений, а как то, что противоположно военному.

В связи с этим главным остается вопрос: какой аналитический инструмент может быть уместен для описания этих состояний? Какое условие необходимо для того, чтобы, с одной стороны, реагировать и адаптироваться к условиям внешней, социально экстраординарной среды — боевым действиям, а с другой — придавать форму и смысл собственному внутреннему опыту? Мы полагаем, что ответом может послужить идея военной идентичности.

Идентитарная социология — дискуссионная область социологического знания. Критики этого подхода указывают на то, что идентичность часто ошибочно рассматривается как фиксированное понятие, неспособное к трансформации и изменениям. Например, Р. Брубейкер [Брубейкер, 2002] и И. Тавори [Tavory, 2019] предлагают вместо идентичности использовать более специфицированные и уточненные термины — идентификацию или категорию членства, по их мнению, лучше подчеркивающие специфические особенности, которая упускает идентичность как концепт. В действительности они спорят с воображаемыми защитниками концепции фиксированной, застывшей идентичности. Сторонники идентитарной социологии всегда подчеркивали изменчивую и нестабильную природу идентичности, обусловленную множеством разнообразных процессов как вне группы, так и внутри нее [Snow, McAdam, 2000; Stryker, Owens, White, 2000; Van Stekelenburg, 2013]. Идея идентичности сама по себе имеет широкие способы аналитического употребления, и разные исследователи спорят по поводу границ идентичности, ее конечности, трансформации, стабильности или генезиса. Так или иначе, имеет смысл говорить о некоторых консенсусных аспектах идентитарной социологии: социологи и социальные психологи, изучающие различные формы социальной и личной идентичности, отмечают, что идентитарный проект не является единственным в биографической структуре человека — как правило, мы говорим о полифонии идентичностей, находящихся в конфликтных, комплиментарных или наслаивающихся отношениях [Roccas, Brewer, 2002; Kang, Vodenhausen, 2015]. Отдельные идентитарные проекты могут принимать форму мастер-статусов — доминирующих социальных позиций, которые определяют основную идентичность человека и структурируют все остальные аспекты его жизни. Опираясь в большей степени на концепцию Т. Парсонса, а не на подходы Г. Беккера или Э. Гоффмана, рассматривающие данный термин скорее в негативном ключе, как фактор, «загрязняющий» остальные идентитарные стороны жизни [Hunt, 2007], мы понимаем мастер-статус как ключевую социальную роль, формирующую целостность всего экзистенциального пространства бытия и на которую накладываются другие идентичности. Эти статусы могут стать основополагающими для биографического проекта как отдельных людей, так и целых групп. К примерам таких мастер-статусов, или сильных идентитарных оснований, относятся религиозная принадлежность [Tavory, 2019], участие в социальных движениях [Carroll, Ratner, 1996], а также события, формирующие весь социальный опыт человека, например участие в боевых действиях [Schütz, 1945].

В данном тексте мы фокусируем внимание на том, как складывается военная идентичность, какие силы работают на ее устойчивость, а какие,

напротив, угрожают стабильности военизированного идентитарного проекта. Мы считаем, что военная идентичность является примером мастер-статуса и поэтому может с помощью аналогии и метонимии отсылать к другим основополагающим аспектам социального существования [Geertz, 1992] — понятию гендера, долженствования, обязанности и группообразования².

Методология исследования

Для того чтобы ответить на вопрос о природе военной идентичности, мы сконцентрировались на опыте участников специальной военной операции в Украине, начавшейся в 2022 году. В рамках проведенного исследования были собраны данные посредством полуструктурированных биографических интервью с 16 участниками боевых действий. Все информанты в рамках нашей целевой выборки получили ранения различной степени тяжести, включая случаи ампутации конечностей. По статусу участия в боевых действиях информанты распределились следующим образом: трое были призваны по мобилизации, трое участвовали в составе контрактных вооруженных сил на основании командировки, остальные присоединились к боевым действиям добровольно. На момент проведения интервью некоторые из участников исследования уже полностью завершили свое участие в боевых действиях. Все участники были проинформированы о целях исследования, а также о том, что будет вестись запись разговора с последующей расшифровкой и анонимизацией полученных транскриптов.

В ходе работы мы столкнулись с проблемой того, что традиционное требование нейтральности исследователя при реализации качественных проектов вступает в противоречие с необходимостью создать доверительный контакт с информантом. Это противоречие становится особенно очевидным при изучении чувствительных тем, таких как участие в военных конфликтах, где существует устойчивый разрыв между ценностями академического сообщества и мировоззрением информантов. Строгое следование принципу нейтральности в таких случаях может препятствовать получению данных.

Мы решили сделать акцент на альтернативном подходе, основанном на честности, авторефлексии и процессуальной объективности, который позволяет преодолеть «стену сопереживания» и установить продуктивный контакт даже при значительных расхождениях во взглядах. Исследователю не обязательно жертвовать своими ценностями или притворяться тем, кем он не является, — наоборот, открытое выражение собственной позиции и готовности к диалогу помогает «очеловечить» разговор и получить более качественные данные. При этом важно в общении соблюдать баланс между исследовательской объективностью и эмпатической открытостью. Подробнее процесс интервьюирования и методическая рефлексия описаны в другой статье [Старцев, 2024].

² Подробнее о теоретических взглядах на военную идентичность мы писали ранее [Старцев, 2024].

Методология исследования выстраивалась, исходя из фокуса на двух особенностях репрезентации военной идентичности: нарративной и телесной. Это два из множества проявлений идентитарного ландшафта наряду, например, с дискурсивными практиками и поведенческими особенностями. Однако именно эти два измерения — нарративное и телесное — представляются нам основными для «вмещения» других проявлений идентичности.

В социологической традиции исследования нарративной идентичности реализуются через анализ того, как выстраивается вербальная связь между конструкциями идентитарного проекта человека или группы [Richardson, 1990]. П. Рикер в работе «Я-сам как другой» [Рикер, 2008] выделяет три таких нарративно формирующих элемента: персонажи, сюжет и события. Сюжет объединяет все элементы и требует от рассказчика нарративной компетенции, осваиваемой через социальную жизнь. При создании сюжета рассказчик выбирает события, которые должны связывать прошлое с настоящим и иметь культурное символическое значение [Ricoeur, 2002]. В биографических исследованиях военнослужащих нарративная идентичность позволяет понять, как солдаты объединяют социальные взаимодействия в рамках военной среды в целостную концепцию собственного «я» [Goodley, 2022]. Для того чтобы зафиксировать это измерение идентичности, мы использовали нарративные и биографические интервью, которые помогали информантам сформировать жанр и направленность их рассказа — истории о самом себе от рождения, через войну переходящую в настоящий момент.

Второе измерение идентичности участников боевых действий мы связываем с их телесностью. Этот параметр в контексте участников боевых действий впервые заметил М. Мосс в своем эссе «Техники тела» [Мосс, 1996]. Он писал, что английские и французские солдаты используют разные моторные техники строевой ходьбы, стрельбы, хвата лопаты и прочее. В современных рассуждениях о солдатах и войне опыт зачастую описывается как телесно закрепленный и воплощенный (*embodied*), плотно зафиксированный в телесном измерении³. Особое внимание в контексте военной телесности нужно уделить ее инвалидизированной форме: ранения представляют собой вызов для солдата с точки зрения его утверждения собственной маскулинности, так как всегда в той или иной мере связаны с утратой сил и слабостью комбатанта [Mosse, 2000]. С другой стороны, инвалидизация актуализирует вопрос о контракте между солдатом и государством: инвалидизированное тело оказывается тем удостоверением «имеющего право», которое предъявляется государству как социальному гаранту [Edele, 2008].

В ходе реализации исследования мы столкнулись с тем, что, хотя социология уже приняла тело как конвенциональный объект своего интереса, вопрос адекватных методов телесно-ориентированных исследований все еще стоит остро — вполне очевидно, что тело и нарратив являются вещами если не различной природы, то различной формы [Crossley, 2012], а значит,

³ Описание идеального солдата неразрывно связано с описанием такого же идеального тела, которое, в свою очередь, закаляясь в боях, закаляет также и дух [Mosse, 1990; Mosse, 1998].

привычное интервью имеет низкую эффективность в контексте тела как объекта социологического внимания. Л. Вакан, например, предлагает использовать собственное тело исследователя как познающий инструмент — пропускать через себя, «энактивировать»⁴ (enactivism) исследуемую практику, тем самым фиксируя детали зарождающегося в исследователе специфического телесного габитуса [Wacquant, 2006; Wacquant, 2015]. Подход этот, без сомнений, амбициозный и привлекательный с точки зрения получения незабываемых впечатлений в ходе полевой работы. Однако с точки зрения практической реализации ситуация оказывается более трудной, если речь заходит об изучении тех видов человеческих практик, которые непосредственно связаны со смертельным насилием и гибелью [Lee, 1993]. Именно в связи с этими условиями мы приняли решение поэкспериментировать с нестандартными методами качественных исследований, а именно с методом телесного картирования (body-map storytelling).

Телесное картирование — это метод качественного исследования, при котором участники создают изображения человеческого тела в натуральную величину, используя художественные техники для визуального представления аспектов своей жизни, тела и окружающего мира. Метод был впервые применен в конце 1990-х годов в ЮАР для работы с ВИЧ-положительными пациентами [Gastaldo et al., 2022]. В основе метода лежит создание карты тела в масштабе 1: 1 на большом листе бумаги или картона с использованием различных художественных материалов — от карандашей и красок до элементов коллажа. Визуальный материал обязательно сопровождается вербальными комментариями (testimonio), с помощью которых задаются ключи для интерпретации использованных символов и образов. Метод выполняет несколько важных функций: терапевтическую, помогая участникам осмыслить свой опыт; информационную, способствуя лучшему пониманию телесного опыта; исследовательскую, генерируя качественные данные; просветительскую, повышая осведомленность о различных проблемах; и биографическую, стимулируя рассказывать истории жизни. Телесное картирование обычно используется как дополнительный метод к интервью или фокус-группам. Данные могут анализироваться через тематический анализ нарративных элементов или через кодирование всех элементов карты, как визуальных, так и вербальных. Основное преимущество метода заключается в возможности получить экстралингвистическую информацию и работать с темами, которые сложно вербализовать, такими как телесность, здоровье и болезнь, травматический опыт⁵. В данном тексте будут представлены результаты трех телесных карт, которые создавались участниками исследования в рамках пилотирования инструментария.

Выбранный метод позволил зафиксировать телесное измерение военной идентичности; ухватить то, что по тем или иным причинам остается

⁴ Энактивизм — это подход в когнитивной науке, согласно которому познание возникает через активное взаимодействие организма с окружающей средой, где разум не просто обрабатывает информацию, а непрерывно формируется через телесный опыт и практические действия в мире.

⁵ Подробнее описание истории и методологии инструментария представлено в другой нашей работе [Старцев, 2022], а также в исследованиях других авторов [Jager et al., 2016].

непроговоренным в интервью в связи с пережитым опытом, который часто приводит информантов к самоцензурированию; а также провести дополнительную верификацию полученной в интервью информации, так как собеседники могут отличаться «ложной, сговорчивой объективацией» [Yanos, Horrer, 2008], то есть создавать ситуации, когда информанты во время интервью дают ответы, которые, как им кажется, хочет услышать исследователь, или стремятся соответствовать предполагаемым ожиданиям, вместо того чтобы делиться своим подлинным опытом.

Что поддерживает военную идентичность?

Военная идентичность идейно фундируется двумя основными элементами: специфической маскулинной идеологией с ее закрытой солидарностью и особым отношением к насилию, которое постепенно все меньше контролируется своим оператором — комбатантом [Жирар, 2019]. Маскулинная идеология, риторически выстраиваемая участниками боевых действий, запускает всю структуру этого идентитарного проекта. Она не ограничивается привычными фасадными стереотипами о «настоящем солдате» с его жесткостью и сдержанностью. Более важный аспект этой идеологии — неготовность принимать правила «оседлой» жизни [Higate, 2000]. Она проявляется в постоянных поисках испытаний и псевдовывозов для подтверждения собственной маскулинности; в ссылках на долженствование мужчины; стремлении оказаться в гомосоциальном сообществе с преобладающими «дружбой, пониманием, честностью и взаимовыручкой»⁶, а также в прочих элементах бесклассового общества равных, часто являющегося объектом фантазии в гражданском обществе. Все это характеризует специфическую маскулинную идеологию, лежащую в основе военной идентичности.

«Если здоровье позволяет, его берут в армию. Ну, я думаю, надо это сделать. Каждому пройти школу закалки. Ну, я считаю, что это долг. Каждый мужчина должен сходить» (Информант № 1);

«[Я пошел туда, потому что] ну, это такое, знаешь, на мужика было, вот смогу я или нет <...> хотелось там себе доказать, что я смогу, потому что тут уже все такое, рутина сплошная, короче» (Информант № 1);

«Вообще-то из древних легенд пишется: мужчина должен сначала пройти войну. Потом родить сына и посадить дерево. То есть, тогда как бы считалось, что тогда человек может стать настоящим, понимать

⁶ Неспроста многие милитаристские организации выросли из скаутских юношеских движений, в которых вся деятельность была направлена на выстраивание стабильного гомосоциального сообщества и утверждение ценностей, связанных с ним, как наиболее уютных и важных [Mosse, 1998].

жизнь и ценить ее и окружение, в котором он живет. То есть, может быть, даже предки, скорее всего, так и происходило, чтобы они могли это делать, ценить именно жизнь, рождение и понимание» (Информант № 14).

Эта идеология часто приводит к тому, что оседлая, семейная жизнь комбатанта становится второстепенной по отношению к боевому подразделению. Семья, например, больше не доминирует в идентитарном ландшафте, а идея «настоящего мужчины» начинает связываться не с безоружными маскулинными заслугами, а с тем, что позволит вывести собственную фигуру за пределы границ безгероического гражданского общества: ради семьи готовы терпеть окопные лишения, готовы на ранения и даже смерть для выплат семье, но не готовы присутствовать — экономически и эмоционально — в структуре домохозяйства в качестве отца, мужа или брата. В свою очередь условия вооруженных сил и боевых действий еще больше способствуют тому, что боевое подразделение заполняет все пространство социальных смыслов и запросов комбатанта [Shils, Janowitz, 1948]. Особенно это заметно в использовании категорий родства по отношению к сослуживцам — солдатская мифология в данном случае вновь работает на замещение гражданской семьи уже военной квазисемьей [Godelier, 1971].

«Как раз такая ситуация, она более людей сплачивает, они вместе переживают такие события, которые братья и сестры не переживают вместе. Почему они не могут братьями называться? Могут, конечно» (Информант № 5);

«А то, что вот ветеран боевых действий, да, в дальнейшем скидки там. Допустим, мать моя будет получать какие-то льготы, я буду получать льготы, сын мой будет получать льготы. У него такой отец» (Информант № 1);

*«<...> и попали на заграждение: тропа, железная дорога шла, а квадрики же летают. Пошли по тропе, парень идет в километре от меня, и хлопок, дымка — бум! Дымка осела, у **брата** руки нету, костень торчит, и правая рука» (Информант № 8).*

Тяга к «испытаниям», описываемая языком приключенческих романов⁷, демонстрирует понимание мужского призвания как пути, мобильности, освобождения от бытового закрепощения в рамках гомосоциального сообщества боевого подразделения. Этот авантюризм⁸ служит движущей силой маскулинной идеологии [Elsrud, 2006]. Она требует от своих носителей постоянного

⁷ Интересно заметить, что приключенческий роман в значительной мере зародился как жанр — эксплуататор историй и образов из истории англо-бурской войны.

⁸ Авантюризм сигнализирует о рискованном и сомнительном предприятии, деле, начатом без учета реальных сил и условий в расчете на случайный успех.

соотнесения себя с другими мужчинами, а также готовность идти на жертвы ради них, так как мужчина всегда готов к акту — на самом деле эгоцентричному — «героического жертвования» ради другого [Holt, Thompson, 2004]. Именно эта оглядка на сообщество, члены которого, «как и все остальные», идут в армию, становятся добровольцами и испытывают себя, обязывает прикладывать усилия к тому, чтобы стоять с членами этого сообщества в одном ряду. Об этом говорит и использование визуальных образов: в рамках одной из проведенных сессий телесного картирования участник исследования особо выделил правую руку как символ этого единства, а другой участник в качестве девиза своей идентичности выбрал фразу «своих не бросаем».

Рисунок 1. Символ мужского единства. Информант № 3

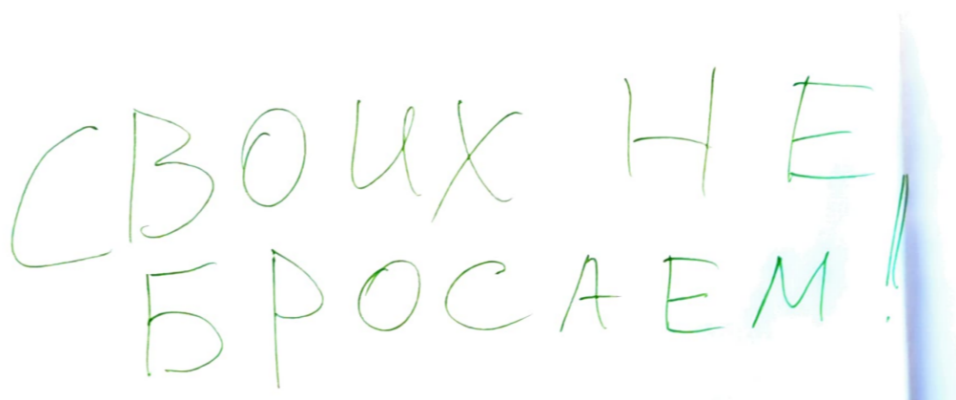

Рисунок 2. Девиз коллективного единства. Информант № 8

«Я сидел на улице в Сочи, и рядом мужики прошли, и я услышал, что они записываться добровольцами пошли. Ну, и я тоже решил после этого пойти, с друзьями пообщался, и **мы вместе вот так и решили поехать** — работы не было у меня, поэтому в тот же день пошел и записался» (Информант № 16);

«**Мой лучший друг записался**, и я поэтому как-то **не смог в стороне остаться**, поэтому тоже записался <...>. Конечно, всегда в голове были и Хемингуэй, и Ремарк, они представление о войне в том числе формировали» (Информант № 13);

«Во-первых, я потерял ногу, потому что **друга выручал своего**. И тут поступить по-другому ты не можешь. Я знал, что, если чувак взорвался, стой, цепляй, оттаскивай, ты попал на мину. Один подрыв — стой. Сыграл человеческий фактор, конечно же» (Информант № 8).

Еще один важный элемент, отличающий военную идентичность от всех прочих, — особые отношения с насилием, операторами которого становятся участники боевых действий. Это насилие, в отличие от любой другой, например бытовой, формы его проявления, характеризуется тем, что оно очень быстро отчуждается от комбатанта и последний теряет над ним эксклюзивный контроль — именно этим объясняется экспансивная способность насилия оседать за пределами военных институтов [Lutz, 2006]. Во многом потерю контроля над насилием можно объяснить тем, что Р. Жирар назвал миметическим кризисом: подражание агрессии противника и попытка ее усилить в своем ответе на изначальный импульс [Жирар, 2019], во-первых, усиливает границы идентитарного сообщества, а во-вторых, делает из носителей военной идентичности не только профессиональных операторов насилия, но и тех, на ком отпечатаны его следы. Такие следы превращают людей в исполнителей цикличного, рекурсивного насилия по отношению к другим, не только к противнику.

«[Вернуться хочу, потому что] это... ну, не месть, это, может, должок отдать. Кому-нибудь. Должок-то надо отдавать за ногу <у информанта ампутирована нога>. Поляку, например» (Информант № 1);

«Ну, я стал более раздражительным, да, меня бесит, например, что все медленные очень, вспыльчивым стал... да» (Информант № 11).

В сочетании с маскулинной идеологией такое группообразующее насилие часто приводит к формированию нового типа социальности, который бывшие комбатанты стремятся воспроизвести после демобилизации, — общества четкого разделения на друзей и врагов без промежуточных категорий. Война

становится пространством, где привычная внутренняя рефлексия минимизируется, именно это комбатанты описывают фразой «там все проще».

В результате этого в гражданских условиях создает новый социальный контракт, основанный на военном быте, где фронтовая общность, проявляющаяся в общей повседневности, совместных практиках принятия пищи и объединяющей задаче выживания, способствует становлению особого маскулинного братства со своими традициями и практиками. Стратегия радикального эгалитаризма и «общинного коммунизма», характерная для подобных тесных сообществ, оказывается наиболее эффективной в военных условиях и по аналогии переносится в правила гражданских институтов, однако при попытке такой интеграции возникают проблемы [Artemova, 2020; Boehm, Boehm, 2009]. Требования радикальной справедливости, понимаемой приватно и контекстуально, начинают восприниматься как право, основанное на статусе комбатанта, что создает яркий контраст между военной и гражданской идентичностями, поскольку военные достижения плохо конвертируются в гражданские позиции [Edele, 2008; Ashcroft, 2014].

«Там все настоящее как бы, там люди настоящие, ты сразу видишь там, кто есть кто, кто с гнильцой внутри, кто со стержнем <...>. Там нет такого, как здесь, что изворотливый кто-то, о своей шкуре думает, мы там все вместе, каждый друг за друга» (Информант № 9);

«Ну, для меня это звание [ветерана боевых действий], конечно, сейчас больше, чем деньги, вот эти вот копейки ихние. Да они же и не платят, они не хотят их платить. А вот этот позор, который они нам хотят присвоить. Нам этого не надо» (Информант № 1);

«Они просто не говорят тебе, что тебя там ждет, он когда сидит в кабинете в этом, сказки тебе рассказывает <...>. Никто не любит правды, потому что никто не любит справедливости» (Информант № 11).

Конструирование такого идеального сообщества объясняет устойчивость и продолжительность военной идентичности — она опирается на миф о «равном и взаимопомогающем сообществе», невозможном в гражданской жизни. Эти простые эгалитарные сообщества [Fried, 1960] отличаются от гражданских институтов, требующих более сложных социальных навыков, карьерных амбиций и встраивания в различные нюансированные социальные логики. Именно поэтому демобилизованные комбатанты часто воспроизводят в гражданском обществе силовые и парамилитарные сообщества [Манн, 2023; Волков, 2022], которые позволяют им строить социальную солидарность на их интерпретации окопных принципов справедливости, чести и долга.

Реконфигурация военной идентичности: инвалидизация и демобилизация

Ранение и инвалидизация представляют собой серьезный вызов для носителя военной идентичности, поскольку состояние исключения из нормальности заставляет прилагать сверхусилия по реформированию ранее ригидных категорий — маскулинности, понятия солдата, социального контракта, чести и долга [Geertz, 1992]. По этой причине критически важно обратить внимание не только на факторы, формирующие военную идентичность, но и на те, что ее подрывают и дестабилизируют.

Традиционные представления о связи физических увечий с риском и, следовательно, с маскулинностью [Connell, 2005] в контексте военной идентичности оказываются значительно более детализированными. Ряд исследователей действительно рассматривают ранение как дополнительное испытание в долгой череде вызовов, преодоление которых соответствует духу солдата, питаемому идеалами смелости и мужества. От комбатанта требуется стоически переносить увечья, которые становятся тем, что предъясвляется как визуальный символ того, что ему удалось пережить [Bösl, 2013]⁹.

В то же время ранение участника боевых действий нередко воспринимается как проигрыш, выход из гонки, что способствует демаскулинизации, категорически недопустимой в военном идентитарном проекте [Mosse, 2000]. На этом прекращается доминирующий модус существования, связанный с военизированной гегемонной маскулинностью, в результате чего неизбежно формируется «неполноценная», фрагментированная идентичность [Bulmer, Eichler, 2017]. Инвалидность в целом может интерпретироваться как демаскулинизация в связи с тем, что дискурсивный акцент делается на потребности на том, что раненые, как минимум, нуждаются в помощи и уходе¹⁰ [Mik-Meyer, 2015].

«Когда лежишь [после ранения в госпитале], там тоска тебя гложет все время. Или ты лежишь, не понимаешь, что с тобой происходит. Я понял только тогда, когда попытался встать с кровати, понял, что ноги нет. А так лежишь вроде, думаешь, пойдешь. Спросил через месяц: «Можно встать?». Укол поставили — просто постоять, я встаю, так высоко, таррахчу ногой. Тогда я понял, что у меня нет ноги» (Информант № 8).

⁹ Шрамы в качестве сигнификатора смелости и отваги активно использовались, например, когда были популярны дуэли [McAleer, 1997]. Это особенно важно еще и потому, что до дуэли допускались далеко не все, а лишь те, кто мог иметь право состязаться в мужестве [Mosse, 1998].

¹⁰ Неспроста разговоры об инвалидизации всегда где-то рядом с темой сексуальной (не) привлекательности инвалидизированного солдата [Salvante, 2020]. Сами информанты упоминали ряд случаев, когда первыми словами после ранения был вопрос о том, не задеты ли половые органы, а одна медицинская работница военного госпиталя в личном разговоре с нами упоминала, что пациенты запрашивали у нее оценку собственной привлекательности «как мужчин». Это приводит к противоречивому смешению: инвалидов одновременно инфантилизируют, но также и сексуализируют как героев. Почему инфантилизируют — они нуждаются в заботе как дети, а почему сексуализируют — речь о проблематизации их сексуальности, она поставлена под сомнение и нуждается в подтверждении.

Страх быть раненым в ходе участия в боевых действиях наблюдался и в конфликтах прошлого — это хорошо задокументировано у солдат Первой мировой войны. Комбатанты из всех стран считали, что ранение неизбежно приведет к их исключению из общества, отказу в конвенциональной маскулинной привлекательности и сексуальности [Cohen, 2001]. Ситуация усугублялась тем, что в процессе реабилитации раненым и инвалидизированным комбатантам нередко предлагались феминизированные занятия, напрямую связанные с традиционным репертуаром женских практик, например шитье и вязание [McBrinn, 2018].

Именно поэтому первой реакцией участников исследования, когда они до собственного ранения задумывались о нем, было предпочтение смерти, чем жизнь с инвалидностью [Reynolds, 2017]. Для этого в ходе повествования информантами делался акцент на том, что у солдата всегда должен быть припасен последний боеприпас на тот случай, если ранение будет унижительным.

«Если бы мне [оторвало половой орган], то я бы точно тут не думал [о смерти], это все, приехали» (Информант № 7);

«Конечно, я смотрел на пацанов, которые там без рук и без ног лежат, и я вот думал про все это тогда: “А вот что я на их месте бы сделал... гранату, наверное, припас бы”» (Информант № 5).

Инвалидизированные солдаты называли ряд стратегий с целью стабилизации собственной маскулинности, в первую очередь это возвращение в зону боевых действий. Именно там они могут быть полезны в любом качестве, и подобный компенсаторный акт становится однозначной демонстрацией того, что они все еще способны быть полноценными агентами процесса военного насилия, не нуждающимися в жалости. Это, вероятно, способ экстенсивной «починки» гегемонной маскулинности, лежащей в основании военной идентичности.

«Сейчас мне сделают протез, и я обратно вернусь, конечно. Да хоть бы я дрон буду водить, я там посмотрел уже курсы кое-какие, чтобы научиться <...>. Есть протезы, которые позволяют с тяжелым грузом ходить, — вот мне такой как раз и надо» (Информант № 4);

«По большому счету, что я там успел сделать? Ничего. Охота и наврстать» (Информант № 7);

«Да, мы здесь хохочем, что создадим бригаду инвалидов, пойдем. Все хотят» (Информант № 10);

«Да. Долг [заставляет вернуться обратно]. Я же мужик, я обязан защищать свою Родину и свою семью. Для чего нужен тогда мужчина?» (Информант № 2).

Анализируя влияние ранений на идентичность военнослужащих, можно обнаружить парадоксальную ситуацию. Хотя физические травмы, на первый взгляд, должны ослаблять военную идентичность через утрату боевой эффективности, в действительности они часто становятся катализатором ее укрепления. Это происходит через два взаимосвязанных механизма. Во-первых, полученные увечья становятся маркером принадлежности к военному сообществу, углубляя отчуждение от гражданского общества. Во-вторых, сама необходимость преодолеть последствия ранений воспринимается как продолжение испытаний маскулинности, что хорошо согласуется с описанной выше военной идеологией постоянного преодоления вызовов. В результате даже при наличии травматического опыта и объективной потребности в возвращении к мирной жизни физическая инвалидизация парадоксальным образом затрудняет переход между военной и гражданской идентичностями [Salvante, 2020].

Насильное лишение военной дееспособности может происходить не только в связи с ранением, но и в связи с пленением комбатантов. Вопрос пленения так же, как и ранения, тесно связывается в литературе с демаскулинизацией, «кастрирующим опытом» [Reiss, 2012]. Изъятие знаков отличия, личных вещей, разоружение, страх насилия по отношению к пленным [Struk, 2020], а также (что, наверное, не менее существенно) опасения быть обвиненным в трусости и предательстве чести и солдатского долга [Shils, Janowitz, 1948] — все это является причиной того отношения к плену, которое демонстрируют участники нашего исследования. Некоторые информанты говорили, что предпочли бы смерть плену и для этих случаев оставляли боеприпас. Это вновь возвращает нас к тому, что ранение и плен идентичны военизированной демаскулинизации.

«У нас в Бурятии парнишка приехал, его из плена, укрепку их взяли, на-шли, бросили, может, думали, что умер или умрет, но спасли. Но над ним они наиздевались <...>. Вот граната, которая для себя, даже ин-структоры нас прошивали, в плен не сдаваться» (Информант № 3).

В случае плена стратегией возвращения собственной чести, а значит и военизированной маскулинности, является отношение пленника к собственному положению как к битве в ином регистре, где от плененного комбатанта требуется реализовывать разные способы сопротивления: от полного саботирования трудовой деятельности до детального выполнения всех требований внутреннего распорядка с целью парализовать функционирование лагеря для военнопленных.

«Мы, конечно, считали себя солдатами там <...>. Кто-то думал, что с ними можно дружить, но мы им говорили, что если ты думаешь, что можешь себе какое-то место более комфортное вытянуть или какие-то условия полегче, то ты ошибаешься: они тебе не друзья, они такие противники, просто в другом месте и в другой форме чуть-чуть. Поэтому мы, конечно, не забывали о том, что война идет, и мы себя солдатами считать не переставали» (Информант № 14).

Подводя итог анализу влияния инвалидизации на военную идентичность, можно отметить, что ее компенсация осуществляется через два ключевых механизма, соответствующих базовым компонентам этой идентичности. Во-первых, маскулинная идеология с ее требованием постоянного испытания себя оказывается настолько сильной, что даже тяжелые ранения воспринимаются не как повод для возвращения к гражданской жизни, а как причина доказать свою состоятельность через возвращение в боевое подразделение в любом состоянии. Во-вторых, пережитое насилие встраивается в общую логику циркуляции военного насилия: полученные травмы трансформируются в мотивацию к реваншу, который воспринимается как необходимый элемент восстановления нарушенного символического порядка. Это создает условия для воспроизводства насильственных практик через новые роли и функции в военной системе. Таким образом, инвалидизация не только не разрушает военную идентичность, но, напротив, усиливает оба ее базовых компонента — и стремление к испытаниям, и включенность в нормативную систему военного насилия.

Заключение

Военная идентичность формируется двумя взаимосвязанными компонентами: особой маскулинной идеологией и специфическим отношением к насилию. Приверженность военизированной маскулинной идеологии проявляется в непрерывном поиске испытаний и сознательном отказе от размеренной гражданской жизни. Это создает основу для формирования закрытого мужского сообщества с собственными эксклюзивными правилами и ценностями. В рамках такого сообщества традиционные семейные связи отходят на второй план, уступая место отношениям внутри боевого подразделения, которые приоритизируют особенное отношение к риску и собственному занятию.

Боевое братство становится новой формой семьи, занимая центральное место в системе социальных отношений комбатанта. Это проявляется в использовании категорий родства по отношению к сослуживцам, где солдатская мифология работает на замещение гражданской семьи военной. Такое изменение социальных связей сопровождается становлением специфического типа социальности, характеризующегося радикальным эгалитаризмом и жестким разделением на своих и врагов. В условиях боевых действий эта социальная структура оказывается более привлекательной и когнитивно простой, чем запутанные гражданские иерархии, предполагающие, например, игру этикета как тонкого инструмента драматического представления своего «Я» или постоянные усилия в рамках малоперспективной прекарной занятости, сопровождающейся собственной биографической неустроенностью.

Особое значение в формировании военной идентичности играет отношение к насилию, которое постепенно отчуждается от своего оператора-комбатанта

через цикличное отщепление или миграцию насилия в гражданскую среду. В отличие от бытовых видов агрессии, военное насилие характеризуется способностью выходить за пределы военных институтов и оседать в гражданском обществе. Это во многом объясняется тем, что Р. Жирар назвал миметическим кризисом — подражанием агрессии противника и попыткой ее усилить, что приводит к формированию цикличного, рекурсивного насилия. Именно такой тип маскулинности служит фундаментом военной идентичности, закрепленной в боевых действиях, поскольку он отвечает базовым военным ценностям: героизму, самопожертвованию и строгой иерархии. При этом даже серьезные испытания, такие как ранения, инвалидность или плен, парадоксальным образом не разрушают, а укрепляют военную идентичность. Травматические события воспринимаются как новые вызовы, требующие преодоления и демонстрации силы духа. Инвалидизированные солдаты используют различные стратегии стабилизации собственной маскулинности, главной из которых является стремление вернуться в зону боевых действий в любом качестве.

Результаты исследования имеют важное значение для понимания процессов формирования и трансформации идентичности участников боевых действий, а также для осмысления проблем их последующей интеграции в гражданское общество. Полученные выводы подчеркивают необходимость разработки более эффективных программ реинтеграции военнослужащих в гражданское общество. Эти программы должны учитывать не только практические аспекты адаптации, но и глубинные трансформации идентичности, происходящие в результате участия в боевых действиях. Особое внимание следует уделить тому, как военная идентичность влияет на способность комбатантов переключаться между различными социальными ролями и встраиваться в гражданские институты, требующие более сложных социальных навыков и компетенций.

Литература / References

- Брубейкер Р., Купер Ф., Кучерова Д., Семенова А., Могильнер М. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61–115.
- Brubaker R., Cooper F., Kucherova D., Semenova A., Mogilner M. (2002) Beyond "Identity". *Ab Imperio*. No. 3. P. 61–115. (In Russ.)
- Волков В. Силовое предпринимательство. СПб.: Летний сад, 2002. EDN: [SOSLWY](#)
- Volkov V. (2002) *Silovoe predprinimatelstvo* [Violent Entrepreneurship]. SPb.: Letnij sad. (In Russ.)
- Манн М. Фашисты. СПб.: Питер, 2023.
- Mann M. (2023) *Fashisty* [Fascists]. SPb.: Piter. (In Russ.)
- Мосс М. Техники тела // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. С. 242–250.
- Moss M. (1996) Body Techniques. In: *Obshchestva. Obmen. Lichnost. Trudy po sotsialnoy antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology]. P. 242–250. (In Russ.)
- Рикер П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. EDN: [TSPVDN](#)
- Ricoeur P. (2008) *Ya-Sam kak drugoi* [Oneself as Another]. Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoy literatury. (In Russ.)

Старцев С. В. Интер-энциклопедия: метод картографирования телесности // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 4. С. 110–125. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.6> EDN: UIMIGI

Startsev S.V. (2022) Inter-Encyclopedia: Body Mapping Method. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 14. No. 4. P. 110–125. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.6>

Старцев С. В. Анализ установок исследователя в процессе изучения сензитивных тем: опыт интервьюирования участников военных конфликтов // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 3. С. 61–75. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.3.3> EDN: HEUFQL

Startsev S.V. (2024) Analysis of Researcher's Attitudes in the Study of Sensitive Topics: Experience of Interviewing Military Conflict Participants. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 30. No. 3. P. 61–75. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.3.3>

Старцев С. В. Между идентификацией и профессионализацией: оптики социологического рассмотрения военнослужащих // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2024. Т. 16. № 1. С. 75–99. DOI <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2024-16-1-75-99>

Startsev S.V. (2024) Between Identification and Professionalization: Sociological Perspectives on Military Personnel. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 16. No. 1. P. 75–99. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2024-16-1-75-99>

Журап Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром. М.: ББИ, 2019.

Zhirap R. (2019) *Zavershit Klauzevitsa. Besedy s Benua Shantrom* [Completing Clausewitz: Conversations with Benoît Chantre]. Moscow: BBI. (In Russ.)

Artemova O.Y. (2020) Equality as a Human Categorical Imperative. *Prehistoric Archaeology Journal of Interdisciplinary Studies*. No. 1. P. 64–91. DOI: <https://doi.org/10.31600/2658-3925-2020-1-64-91>

Ashcroft L. (2014) *The Veterans' Transition Review*. URL: <https://www.veteranswales.co.uk/images/ASHCROFT-TRANSITION-REVIEW-2014.pdf> (дата обращения: 10.01.2025)

Boehm C., Boehm C. (2009) *Hierarchy in the Forest: The Evolution of Egalitarian Behavior*. Cambridge: Harvard University Press.

Bösl E. (2013) "An Unbroken Man Despite Losing an Arm": Corporeal Reconstruction and Embodied Difference — Prosthetics in Western Germany after the Second World War (c. 1945–1960). *War and the Body*. London: Routledge. P. 167–180.

Bulmer S., Eichler M. (2017) Unmaking Militarized Masculinity: Veterans and the Project of Military-to-Civilian Transition. *Critical Military Studies*. Vol. 3. No. 2. P. 161–181. DOI: <https://doi.org/10.1080/23337486.2016.1180609>

Carroll W.K., Ratner R.S. (1996) Master Framing and Cross-Movement Networking in Contemporary Social Movements. *The Sociological Quarterly*. Vol. 37. No. 4. P. 601–625. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1996.tb01755.x>

Cohen D. (2001) *The War Come Home: Disabled Veterans in Britain and Germany, 1914–1939*. Berkeley: University of California Press.

Collins R. (2009) The Micro-Sociology of Violence. *British Journal of Sociology*. Vol. 60. No. 3. P. 566–576. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2009.01256.x>

Connell R. (2005) *Masculinities* (2nd ed.). Cambridge: Polity Press.

Crossley N. (2012) Phenomenology and the Body. In: *Routledge Handbook of Body Studies*. London: Routledge. P. 142–155.

Edele M. (2008) *Soviet Veterans of the Second World War: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991*. Oxford: OUP Oxford.

Elsrud T. (2006) Gender Creation in Travelling, or the Art of Transforming an Adventuress. In: *Tourism Consumption and Representation: Narratives of Place and Self*. Wallingford: CABI. P. 178–195. DOI: <https://doi.org/10.1079/9780851996783.0178>

- Freud S. (2015) Why War? In: *Conflict After the Cold War*. Abingdon: Routledge. P. 185–192.
- Fried M.H. (1960) *On the Evolution of Social Stratification and the State*. Indianapolis: Bobbs-Merrill. P. 713–731.
- Gastaldo R.A., Neveling J., Geissman J.W., Kamo S.L., Looy C.V. (2022) A Tale of Two Tweefonteins: What Physical Correlation, Geochronology, Magnetic Polarity Stratigraphy, and Palynology Reveal About the End-Permian Terrestrial Extinction Paradigm in South Africa. *GSA Bulletin*. Vol. 134. No. 3–4. P. 691–721. DOI: <https://doi.org/10.1130/B35830.1>
- Geertz C. (1992) Common Sense as a Cultural System. *The Antioch Review*. Vol. 50. No. 1/2. P. 221–241. DOI: <https://doi.org/10.2307/4612512>
- Godelier M. (1971) Myth and History. *New Left Review*. No. 69. P. 93–112.
- Goodley H. (2022) *What Does It Mean to Be a Soldier?: Negotiating Identities in the British Army*. London: King's College.
- Higate P. (2000) Ex-Servicemen on the Road: Travel and Homelessness. *The Sociological Review*. Vol. 48. No. 3. P. 331–347. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-954X.00219>
- Holt D.B., Thompson C.J. (2004) Man-of-Action Heroes: The Pursuit of Heroic Masculinity in Everyday Consumption. *Journal of Consumer Research*. Vol. 31. No. 2. P. 425–440. DOI: <https://doi.org/10.1086/422120>
- Hunt S. (2007) Master Status. In: *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Malden: Wiley-Blackwell.
- Jager A.D., Tewson A., Ludlow B., Boydell K. (2016) Embodied Ways of Storying the Self: A Systematic Review of Body-Mapping. *Forum Qualitative Sozialforschung Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 17. No. 2. P. 1–31. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-17.2.2526>
- Joas H., Knöbl W. (2012) *War in Social Thought: Hobbes to the Present*. Princeton: Princeton University Press.
- Kang S.K., Bodenhausen G.V. (2015) Multiple Identities in Social Perception and Interaction: Challenges and Opportunities. *Annual Review of Psychology*. Vol. 66. No. 1. P. 547–574. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010814-015025>
- Knauff B.M., Ablner T.S., Betzig L., Boehm C., Dentan R.K., Kiefer T.M., Rodseth L. (1991) Violence and Sociality in Human Evolution [and Comments and Replies]. *Current Anthropology*. Vol. 32. No. 4. P. 391–428. DOI: <https://doi.org/10.1086/203975>
- Lee R.M. (1993) *Doing Research on Sensitive Topics*. London: Sage.
- Lutz C. (2006) Making War at Home in the United States: Militarization and the Current Crisis. In: *The Anthropology of the State: A Reader*. Malden: Blackwell Publishing. P. 291–309.
- Malešević S. (2010) How Pacifist Were the Founding Fathers?: War and Violence in Classical Sociology. *European Journal of Social Theory*. Vol. 13. No. 2. P. 193–212. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431010362298>
- McAleer K. (1997) *Dueling: The Cult of Honor in Fin-de-Siecle Germany*. Princeton: Princeton University Press.
- McBrinn J. (2018) "The Work of Masculine Fingers": The Disabled Soldiers' Embroidery Industry, 1918–1955. *Journal of Design History*. Vol. 31. No. 1. P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1093/jdh/epw043>
- Mik-Meyer N. (2015) Gender and Disability: Feminizing Male Employees with Visible Impairments in Danish Work Organizations. *Gender, Work & Organization*. Vol. 22. No. 6. P. 579–595. DOI: <https://doi.org/10.1111/gwao.12107>
- Mosse G.L. (1990) *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. New York: Oxford University Press.
- Mosse G.L. (1998) *The Image of Man: The Creation of Modern Masculinity*. New York: Oxford University Press.
- Mosse G.L. (2000) Shell-Shock as a Social Disease. *Journal of Contemporary History*. Vol. 35. No. 1. P. 101–108. DOI: <https://doi.org/10.1177/002200940003500109>

- Reiss M. (2012) The Importance of Being Men: The Afrika-Korps in American Captivity. *Journal of Social History*. Vol. 46. No. 1. P. 23–47. DOI: <https://doi.org/10.2307/41678974>
- Reynolds J.M. (2017) "I'd Rather Be Dead Than Disabled"—The Ableist Conflation and the Meanings of Disability. *Review of Communication*. Vol. 17. No. 3. P. 149–163. DOI: <https://doi.org/10.1080/15358593.2017.1331255>
- Richardson L. (1990) Narrative and Sociology. *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 19. No. 1. P. 116–135. DOI: <https://doi.org/10.1177/089124190019001006>
- Ricoeur P. (2002) Life in Quest of Narrative. In: *On Paul Ricoeur*. London; New York: Routledge. P. 34–47. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203416815-5>
- Roccas S., Brewer M.B. (2002) Social Identity Complexity. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 6. No. 2. P. 88–106. DOI: https://doi.org/10.1207/S15327957PSPR0602_01
- Salvante M. (2020) The Wounded Male Body: Masculinity and Disability in Wartime and Post-WWI Italy. *Journal of Social History*. Vol. 53. No. 3. P. 644–666. DOI: <https://doi.org/10.1093/jsh/shz127>
- Schütz A. (1945) The Homecomer. *American Journal of Sociology*. Vol. 50. No. 5. P. 369–376. DOI: <https://doi.org/10.1086/219654>
- Shils E.A., Janowitz M. (1948) Cohesion and Disintegration in the Wehrmacht in World War II. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 12. No. 2. P. 280–315. DOI: <https://doi.org/10.1086/265951>
- Snow D.A., McAdam D. (2000) Identity Work Processes in the Context of Social Movements: Clarifying the Identity/Movement Nexus. In: *Self, Identity, and Social Movements*. Minneapolis: University of Minnesota Press. P. 41–67.
- Struk J. (2020) *Private Pictures: Soldiers' Inside View of War*. New York: Routledge.
- Stryker S., Owens T.J., White R.W. (eds.) (2000) *Self, Identity, and Social Movements*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press.
- Tavory I. (2019) *Summoned: Identification and Religious Life in a Jewish Neighborhood*. Chicago: University of Chicago Press.
- Van Stekelenburg J. (2013) Collective Identity. In: *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements*. Oxford: Wiley-Blackwell. P. 219–225. DOI: <https://doi.org/10.1002/9780470674871.wbespm039>
- Wacquant L. (2015) For a Sociology of Flesh and Blood. *Qualitative Sociology*. Vol. 38. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11133-014-9291-y>
- Wacquant L.J. (2006) *Body & Soul: Notebooks of an Apprentice Boxer*. Oxford: Oxford University Press.
- Yanos P.T., Hopper K. (2008) On "False, Collusive Objectification": Becoming Attuned to Self-Censorship, Performance and Interviewer Biases in Qualitative Interviewing. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 11. No. 3. P. 229–237. DOI: <https://doi.org/10.1080/13645570701605756>

Сведения об авторе:

Старцев Сергей Вячеславович — аспирант, кафедра анализа социальных институтов, департамент социологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** sstartsev@hse.ru. **ORCID ID:** [0000-0001-8152-1817](https://orcid.org/0000-0001-8152-1817).

Статья поступила в редакцию: 16.01.2025

Принята к публикации: 23.02.2025

Masculine Ideology and Attitudes towards Violence in the Construct of Military Identity

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.2

Sergey V. Startsev

HSE University, Moscow, Russia
E-mail: sstartsev@hse.ru

The article examines the mechanisms of formation and maintenance of military identity using the example of participants in a special military operation in Ukraine. Based on the concept of vocation as a key component of identity, the study examines two important dimensions of military identity — narrative and bodily. The empirical base consisted of 15 in-depth interviews and 3 completed body maps created by combatants, including wounded and demobilized military personnel. The analysis shows that the stability of military identity is supported by two key elements: a specific masculine ideology and a characteristic relationship with violence. The masculine ideology manifests itself through the constant desire for trials, the rejection of a “settled” life and the formation of closed solidarity within the homosocial community. In turn, violence, alienating itself from its operator, contributes to the formation of a specific type of sociality characterized by radical egalitarianism and a rigid division into friends and enemies. The study also addresses factors that potentially destabilize military identity — injury, disability, and captivity. Paradoxically, these events can not only undermine, but also strengthen military identity through the desire to return to combat or the search for alternative ways to maintain masculinity. The results obtained deepen the understanding of the processes of formation and transformation of the identity of combatants, which is important for understanding the problems of their subsequent integration into civil society.

Keywords: military identity, masculinity, military masculinity, masculine solidarity, disabled masculinity

Acknowledgments: *The research was carried out with the support of the Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, within the framework of the project “Experience of local conflicts: processing, resocialization, disability”.*

Author Bio:

Sergey V. Startsev — Graduate Student, Social Institutes Analysis Department, School of Sociology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia.
E-mail: sstartsev@hse.ru. **ORCID ID:** 0000-0001-8152-1817.

Received: 16.01.2025

Accepted: 23.02.2025

Полевые исследования

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.3

EDN: OEAIUB

Нарративные жанры и культурные ресурсы обыденных обоснований войны в Афганистане (1979–1989)

Ссылка для цитирования:

Гаджиев А., Даутова Т.Е. Нарративные жанры и культурные ресурсы обыденных обоснований войны в Афганистане (1979–1989) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 1. С. 42–62. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.3> EDN: OEAIUB

For citation:

Gajiyev A., Dautova T.E. (2025) Narrative Genres and Cultural Resources of Ordinary Justification of the Soviet War in Afghanistan (1979–1989). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 1. P. 42–62. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.3>

Гаджиев Акиф

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: akifka21@mail.ru

Даутова Татьяна Евгеньевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: te.dautova@gmail.com

В работе исследуются обыденные обоснования военных конфликтов и их культурные источники на материале интервью с ветеранами Афганской войны 1979–1989 годов. Рассматриваются исследования публичных легитимаций и обыденного восприятия войн. На основании обзора исследований взаимосвязи общественного мнения и решений об инициации и прекращении военных конфликтов мы делаем вывод о предписывающей силе обыденных представлений о военных конфликтах. В работе подвергается критике утилитаристский фокус, характерный для исследований публичных легитимаций,

а также ограниченное рассмотрение культурных ресурсов и представлений о должном в рамках исследования обыденного восприятия. Для преодоления обозначенных ограничений, мы обращаемся к сильной программе культурсоциологии, постулирующей тезис об автономии культуры и предлагающей инструменты для исследования обоснований — нарративные жанры и культурные ресурсы. Обыденные обоснования военных конфликтов исследуются на примере интервью с ветеранами Афганской войны. В результате анализа 22 интервью выделяются три нарративных жанра обыденных легитимаций и делегитимаций данного конфликта: социалистический романтизм, апокалиптический и скептический жанры. Для каждого из них характерен свой подход к работе с культурными ресурсами, различные взгляды на Афганский конфликт и отдельные его события, например, такие, как выход Советской армии из Афганистана. Обыденные обоснования демонстрируют относительную автономию от публичных легитимаций, способность самостоятельной работы с обширным культурным репертуаром в рамках российского исторического контекста.

Ключевые слова: обыденные обоснования; легитимация; нарратив; культурсоциология; Афганская война; ветеран войны

Благодарность. Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках проекта «Опыт локальных конфликтов: переработка, ресоциализация, инвалидность».

Введение

Несмотря на исчезновение из официального дискурса слова «война», военные операции, гуманитарные интервенции, вооруженные столкновения и насилие между государствами продолжают сопровождать нашу повседневность. Этот отказ от «войны» как слова, но не как явления, имеет несколько причин. Одна из них состоит в том, что вести вооруженные конфликты без общественной поддержки становится все труднее [Hollander, 2009]. Обычные люди, несущие бремя войн, осмысливают и оценивают их допустимость исходя, из собственных представлений о правильном и неправильном, основанных на знаниях об истории и культуре, примерах «хороших» и «плохих» войн [Smith, 1991; Smith, 2010]. В результате люди конструируют собственные оценки и обоснования происходивших и происходящих вооруженных конфликтов. На эти оценки, безусловно, влияет официальная легитимация¹, однако они обладают относительной автономией и, кроме того, могут иметь предписывающую силу

¹ Исходя из того, что в исследовательском сообществе нет сформулированного мнения относительно различий между понятиями легитимации и обоснования военных конфликтов, они употребляются как равнозначные.

относительно решений об инициации и прекращении войн [Cooper et al., 2010; Bloch-Elkon, 2007]. Мы исследуем, с опорой на какие культурные ресурсы конструируются обыденные обоснования войн в российском контексте. Под обыденными основаниями мы понимаем не только прямые обоснования, призванные доказать необходимость обращения к вооруженному насилию, но и рассуждения о морали в контексте боевых действий в целом.

Исследование обыденных обоснований военных конфликтов и их культурных ресурсов (таких как история страны, ее культура, представления о войнах и ценностях на войне) в российском контексте проводится на материале интервью с ветеранами Афганской войны. В рамках работы предлагаем обратиться к концептуальному аппарату сильной программы культурсоциологии. Мы задаемся следующим исследовательским вопросом: какие нарративные жанры распространены в рамках обоснований войны в Афганистане ветеранами-афганцами, какие культурные ресурсы они задействуют и как их интерпретируют?

Публичные легитимации и обыденное восприятие

Для изучения обоснований военных конфликтов обратимся к двум направлениям: исследованиям публичных легитимаций и обыденного восприятия войн.

Спектр исследований публичных легитимаций широко представлен работами, посвященными изучению пропагандистских нарративов, а также их влиянию на оценки военных конфликтов обычными людьми. Фокусируясь на риторических и коммуникативных приемах, используемых в нарративах легитимаций, ученые исследуют пропагандистскую роль публичных обоснований войн посредством критического дискурс-анализа [Mirhosseini, 2017; Maxey, 2020; Oddo, 2011]. В целях легитимаций войн предполагается свободное обращение к разделяемым в обществе ценностям и коммуникативным приемам для разжигания националистических настроений и готовности к применению насилия [McIntosh, 2021; Dexter, 2008; Liu, Shao, 2023]. Публичная сфера (СМИ, выступления политиков) рассматривается как часть машины военной пропаганды [Hiebert, 2003], направленной как на внутреннюю, так и на внешнюю аудиторию, и призванной нормализовать войну путем использования различных дискурсивных стратегий [Simonsen, 2019].

Сегодня все большую популярность приобретают работы, посвященные факторам обыденного восприятия военных конфликтов и их легитимаций. С помощью экспериментальных методов исследователи изучают влияние факторов обыденного восприятия легитимаций конфликтов: сложность риторических конструкций легитимаций [Cooper et al., 2010] и логику обоснования конфликта (например, инструментальную, моральную и юридическую) [Dill, Schubiger, 2021]. Также значимо направление исследований восприятия «законов войны». С опорой на моралистские теории изучаются факторы восприятия боевых действий, такие как вероятные издержки в виде потерь среди

мирного населения и солдат [Sagan, Valentino, 2018; Carpenter et al., 2021]. Исследования, обращающиеся к экспериментальным методам, демонстрируют большой потенциал в изучении обыденного восприятия войн и, в контексте этого, их обоснований. В следующем разделе мы рассмотрим ограничения подходов к изучению публичных легитимаций.

Утилитаристские предпосылки в исследованиях публичных легитимаций

В исследованиях пропаганды утилитаристская предпосылка к изучению войн способствует ограниченному рассмотрению их легитимаций. В научной литературе превалирует суждение о том, что все войны начинаются из рациональных соображений, а представления о нравственном и безнравственном занимают подчиненное положение относительно реальных (утилитарных) мотивов [Smith, 1991]. Сегодня этот подход находит место в работах утилитаристов, теоретизирующих современные войны. Войны представляют собой насилие, логично применяемое с ориентацией на экономическую или политическую выгоду [Kalyvas, 2006; Laitin, 2007]. Подобный подход проявляется в описанных выше исследованиях легитимаций. Основным методом в них выступает критический дискурс-анализ, а легитимации помещаются в отношении власти, где они — лишь инструмент навязывания государством своей воли по ведению войны [Hollander, 2009; Liu, Shao, 2023; Kornprobst, 2014; Maxey, 2020]. В этом контексте все апелляции к разделяемым ценностям в рамках легитимаций рассматриваются обособленно, без связи с распространенными представлениями о должном. Вместе с тем исследования общественного мнения иллюстрируют обратное: общественное мнение и СМИ способны оказывать взаимное влияние друг на друга в ходе политических кризисов, формируя обоснования в рамках принятия политических решений [Bloch-Elkon, 2007; Baum, Groeling, 2010]. Из этого следует, что представления обычных людей об обоснованности войн не возникают исключительно из актуальной военной пропаганды, а обладают определенной предписывающей силой относительно происходящих событий и их обоснований [Smith, 1991].

Исследования обыденного восприятия, основанные на дедуктивной логике, также фокусируются на рассмотрении конкретных факторов [Sagan, 2018; Carpenter et al., 2020]. Однако факторы, которые действительно могут быть важны для обыденного восприятия войн, могут игнорироваться. Изучение влияния факторов, выделенных исследователями в ходе аналитической работы, не дает полного представления, на что опираются люди, принимая решения относительно допустимости и недопустимости военных конфликтов, а лишь позволяет измерить силу обозначенных исследователями переменных. Мы полагаем, что и публичные легитимации военных конфликтов, и обыденное восприятие войн конструируются с использованием одних и тех же ресурсов или факторов, а потому исследование описываемых эмпирических объектов должно стремиться к выявлению этих ресурсов и факторов, а также

прояснению их роли. Для того чтобы исследовать конструирования обоснований войн и их влияние на обычных людей, необходимо отказаться от утилитарного взгляда и сосредоточиться на пространстве смыслов и ценностей, обосновывающих применение насилия – на культуре.

Сильная программа культурсоциологии в исследованиях обоснований военных конфликтов

Для разрешения проблемы ограничений указанных подходов в изучении обыденных обоснований и их ресурсов мы обращаемся к сильной программе культурсоциологии. Теоретические постулаты сильной программы располагают к преодолению ограничений утилитаристских подходов исследований пропаганды [Smith, 1991; Smith, 2010]. Главной характеристикой сильной программы является постулирование автономии культуры [Александр, Смит, 2010], ее независимого характера относительно других действующих сил, таких как властные диспозиции и экономический интерес. В работах, исследующих пропаганду, описываемые исследователями «гуманитарные нарративы» и «коммуникативные приемы» не соотносятся с бытующими представлениями о должном, а существуют лишь чтобы формировать и конструировать «аморфное» общественное мнение [Махев, 2020; Oddo, 2011]. Постановка в центр исследования культуры позволяет преодолеть ограничения исследований легитимаций и обыденных представлений, сфокусировавшись непосредственно на том, как обоснования конструируются с опорой на культурные ресурсы.

Традиционно исследования в духе сильной программы описывают, как нарративы и бинарные оппозиции составляют дискурс гражданского общества [Baioocchi, 2006; Saito, 2021]. В рамках традиционного подхода нарративы военных конфликтов уже становились объектом исследования Филиппа Смита, продемонстрировавшего функционирование культурных кодов в нарративных жанрах, где последние — структурированные культурой способы повествования о военных конфликтах. Публичные повествования об определенных событиях (в частности, войнах) ограничены набором имеющихся шаблонов и тропов. Они позволяют облекать последовательности фактов и событий в общие формы, предлагающие объяснительную перспективу [Smith, 2010]. Смит выделил четыре нарративных жанра публичного повествования о войне, находящихся в иерархических отношениях (от низкого к высокому): низкий мимесис, трагический, романтический и апокалиптический жанры. Низкие жанры характеризуются рациональными мотивациями, пониженным антагонизмом сторон, уровнем конфликта и незначительным масштабом действия, тогда как высокие обостряют моральную поляризацию между сторонами, усиливают значимость конфликта и идеалистичность мотиваций. Если низкие жанры никак не оправдывают войны, описывая их в рамках новостных сводок, высокие жанры направлены на их легитимацию и обоснование через придачу им моральной значимости. Выделение нарративных жанров и описание их специфики позволяют реконструировать внутреннюю логику обоснований войн.

Вместе с тем, в контексте исследования травмирующих событий и символических границ получил развитие другой подход, изучающий связь публичных нарративов с национальными культурами и обращение нарративов к различным национальным культурным ресурсам [Connor, 2012]. Исследователи концептуализировали это влияние различными способами — через понятие культурного контекста [Jacobs, 2000], национального культурного репертуара (схемы оценивания, специфичные для сообществ и мобилизуемые для конструирования и оценивания окружающего мира) [Lamont, Thévenot, 2013], национальных метанарративов, коллективной памяти и доминирующих воспоминаний о прошлом [Jacobs, Smith, 1997; Connor, 2012]. Обращение к последним способно расширить наши представления о том, какие культурные ресурсы служат опорой для конструирования представлений о войнах.

Ранее исследования культуры в духе сильной программы обращались к публичному дискурсу; мы же предлагаем использовать данный подход в изучении нарративных жанров, в которых функционируют обыденные обоснования военных конфликтов. На необходимость исследования нарративных жанров, производимых обычными людьми, указывал и сам Смит [Smith, 2010]. То, что устные повествования обычных людей структурируются контекстом, в котором происходит высказывание, описано, в том числе, философом Михаилом Бахтиным. Он определял речевые жанры как устойчивые и нормативные формы высказывания и делил их на первичные (устные) и вторичные (литературные) [Бахтин, 1996]. Высказывания, произведенные в первичных жанрах, формируются под влиянием уже существующих высказываний на эту тему, таким образом, обладая определенной консистентностью. Это подкрепляет наше намерение использовать подход сильной программы с выделением нарративных жанров, но опираясь на материалы интервью с обычными людьми, а не на публичный дискурс (речи политиков, новости и т.д.).

Мы предлагаем выделить жанры, в которых функционируют обыденные обоснования войн, и описать, с опорой на какие культурные ресурсы они функционируют. Жанр обыденного обоснования понимается как структурированная культурой устойчивая форма обыденного повествования о военных конфликтах. Под культурными ресурсами мы имеем в виду знания об истории и культуре страны, примеры «хороших» и «плохих» войн, представления о разделяемых обществом ценностях. Через выделение нарративных жанров и культурных ресурсов станет возможным описание устройства обыденных обоснований и того, как они конструируются в рамках национальной культуры.

Обоснование эмпирического объекта

Для описания того, как обыденные обоснования могут конструироваться в российском культурном контексте, мы обратимся к легитимациям Афганской войны 1979–1989 годов. Долгое время эта война была крупнейшим конфликтом, в котором участвовала страна: через нее прошли 620 тысяч советских солдат и офицеров. При этом война в Афганистане служит ярким примером конфликта,

оценки участников которого нельзя назвать устоявшимися, так как они претерпевали различные символические и материальные перемены [Данилова, 2005; Danilova, 2007]. Исторический фон войны, а также события, происходившие после нее, способствовали этим периодическим переоценкам. Современные события, такие как вывод американской армии из Афганистана (2020), также возвращают нас к истории прошлого конфликта с его неоднозначным ходом и результатами. Все это делает войну в Афганистане подходящим примером для исследования устройства обыденных обоснований в российском контексте.

В работе мы предлагаем исследовать обоснования Афганской войны, опираясь на интервью с ее участниками. Изучение мнения людей без опыта службы в горячих точках имеет вероятные ограничения: для них тема легитимаций войн может не являться такой значимой, как для непосредственных участников. Вопросы относительно справедливости и необходимости военного конфликта являются одним из источников напряжения и противоречивости в восприятии военного опыта, а публичная оценка войны как «хорошей» или «плохой» может быть связана с тем, как легко ветеран адаптируется к послевоенной жизни [Scott et al., 2022: 205–206]. Примечательность опыта ветеранов-афганцев в том, что они сталкивались с постоянными переоценками конфликта, связанными с изменениями политической обстановки [Данилова, 2005]. Предоставленные сами себе, они вырабатывали собственные оценки войны, где меняющийся политический фон, прошедшие и новые войны стали ресурсами для их обоснований. Другой особенностью опыта ветеранов-афганцев является их участие в движениях и объединениях, направленных на защиту их ветеранского статуса, получение льгот, а также формулирование публичных мнений относительно войны в Афганистане [Даутова, Рождественская, 2024; Тарасенко, Кулмала, 2016]. Приведенные особенности позволяют предположить, что обоснования ветеранов-афганцев являются не только отражением их личных взглядов, но и репрезентируют определенную часть гражданского дискурса относительно Афганской войны.

Методология

В качестве эмпирического материала мы использовали интервью, собранные в проекте, посвященном опыту ветеранов различных локальных конфликтов. В итоговую выборку вошли 22 интервью². Они носили полуструктурированный характер и были посвящены биографическому пути ветерана. Вопросы об оценках Афганской войны также были предусмотрены гайдом. Тематические полуструктурированные интервью собирались в 2022–2023 годах. Преимущественно информантами выступили ветераны из Москвы (15 человек), также есть представители Московской области (1), Центральной России (1), Урала (2), Сибири (1), Северо-Западного федерального округа (СЗФО) (1)

² На первом этапе было просмотрено 31 интервью. Отсутствие нарративных легитимаций в 9 из них отчасти связано с тем, что прямые вопросы об этом могли быть не заданы или же ответ не был сформулирован или развит информантом.

и Узбекистана (1). По статусу службы в Афганистане в выборку для анализа в данной статье вошли 14 кадровых военных и 8 солдат срочной службы. Информанты рекрутировались через ветеранские организации — централизованно через административное лицо в организации или при личном посещении исследователем. Часть контактов была получена через ранее опрошенных респондентов.

Итоговым продуктом анализа выступают нарративные жанры обыденных обоснований войны в Афганистане. Как уже было сказано выше, жанр обыденного обоснования мы понимаем как структурированную культурой устойчивую форму обыденного обоснования военного конфликта. Нами были отобраны фрагменты интервью, касающиеся обоснований войны в Афганистане (73 фрагмента). Эти фрагменты были закодированы с фокусом на: легитимациях — аргументах, обосновывающих необходимость войны или оспаривающих ее; культурных ресурсах, к которым обращаются ветераны; высказываемому отношению к войне; бинарных оппозициях (двоичных кодах, отвечающих за классификацию мира в соответствии с моральными критериями [Smith, 2010]), возникающих в нарративах. Затем из сочетания этих кодов и соображений внутренней консистентности были выделены нарративные жанры обоснований войны в Афганистане. Далее было проведено осевое кодирование [Страусс, Кобрин, 2001], сфокусированное на том, каким образом в рамках различных жанров информанты обращаются к определенным культурным ресурсам: в каком порядке происходит обращение к культурным ресурсам и как разные ресурсы интерпретируются в различных жанрах.

Вслед за Смитом мы полагаем, что нарративные жанры повествования о войне могут демонстрировать схожесть в культурных контекстах, имеющих общее культурное наследие — литературный канон, корпус религиозных текстов, философскую традицию. Интерпретируя, как функционируют выделенные нами жанры, мы обращались в том числе к жанрам и нарративам, описанным ранее в исследованиях гражданского дискурса в культурсоциологической парадигме: дискурсу военных конфликтов второй половины XX — начала XXI века [Smith, 2010]; аналогий, касающихся 11 сентября [Connor, 2012]. Отдельный интерес представляет изучение, в какой степени выделенные нами жанры могут сходиться с теми жанрами, что были обозначены западными исследователями. Таким образом, логика анализа была дедуктивно-индуктивной. Следует учитывать, что нарративные жанры не равны взглядам конкретных ветеранов. В своем рассказе ветераны могут прибегать к разным, иногда противоречащим нарративным жанрам, но не в одних и тех же фрагментах.

Нарративные жанры (де)легитимации Афганской войны

Нами было выделено три нарративных жанра разговора о смысле и морали войны в Афганистане, обращенных на ее легитимацию и делегитимацию: социалистический романтизм, апокалиптический и скептический жанры. Главным основанием выделения жанров были аргументы легитимации, призванные

прояснить цели войны в Афганистане. Указание целей войны обуславливало дальнейшую специфику нарратива, который разворачивал ветеран относительно Афганской войны: обращение к конкретным культурным ресурсам, их последовательность и интерпретация в рамках данного нарратива; воспроизводимые бинарные оппозиции; отношение к войне и ее результатам.

В рамках нарративных жанров (де)легитимации ветераны не только ретранслируют существующие политические аргументы (что обуславливает их высокую внутреннюю консистентность), но и обогащают их собственными представлениями о культуре и истории. Жанры находятся в иерархических отношениях в зависимости от уровня конфликта, задействованных сил и антагонизма сторон — от более низкого романтического жанра к более высокому — апокалиптическому. Вместе с тем, делегитимирующий скептический жанр обладает низкой внутренней консистентностью, поскольку в большей степени представляет собой продукт внутренней рефлексии, а не публичных политических аргументов. В гражданском дискурсе существует определенная критика по отношению к Афганской войне, но ветераны, скорее, не являются носителями этой критики, а отвечают на неё, даже когда сами относятся к этой войне критично.

Специфичными для всех нарративных жанров являются отношения антагонизма, которые в рамках войны в Афганистане можно назвать искаженными: зачастую в качестве противника СССР указываются не фактические противники на территории Афганистана в лице афганцев из противоборствующих отрядов, а американцы, поддерживавшие их.

Жанр социалистического романтизма

Жанр социалистического романтизма активно обращается к идеологическим конструкциям и ресурсам времен позднего СССР. Он имеет схожие черты с романтическим жанром повествования о военных конфликтах, выделенным Филиппом Смитом [Smith, 2010], а также близок прогрессистскому метанарративу (глобальному представлению о необходимости прогресса путем развития науки и социальных реформ) [Сопнор, 2012]. Основными характеристиками жанра социалистического романтизма являются социалистическая идеология, проявляющаяся в позитивном взгляде на Афганскую войну, в том числе в подчеркивании цивилизационной роли СССР в Афганистане, а также пониженный антагонизм между противоборствующими сторонами. Этот жанр строится вокруг официальных и неофициальных легитимаций, что давали Афганской войне во время и после нее, обращенных в первую очередь к конкретным вопросам, решаемым в рамках военного конфликта. Среди аргументов можно выделить пресечение наркотрафика, создание дружественного государства, тестирование военной техники, пресечение строительства американских баз, установки ракет.

Жанр социалистического романтизма обращается к событиям афганской истории (признанию Афганистаном СССР, коммунистической революции),

призванным продемонстрировать близость между странами и тем самым частично обосновать участие СССР во внутренних делах Афганистана:

«Во-первых, это еще и при Ленине, это первое государство, которое мы признали декретом где-то в (19)18-м году еще, по-моему» (информант 13, кадровый военный, Москва).

В рамках данного жанра ветераны подчеркивают цивилизационную роль советского присутствия в Афганистане, способствовавшего повышению там уровня жизни. Социалистическому романтизму свойственно меньшее внимание к боевым задачам Советской армии в Афганистане: войну замещает политическая и гуманитарная работа, сопровождавшая присутствие советских войск в стране.

«Там мы построили что-то около пяти тысяч объектов. Там и институт построили политехнический в Кабуле, и дороги, и Саланг — тоннель — пробрили, и домостроительный комбинат построили...» (информант 13, кадровый военный, Москва).

В рамках этого жанра Афганская война сравнивается с вооруженными конфликтами, носившими ограниченный во времени характер и не имевшими глобальных последствий: гражданской войной в Испании, участием советских советников и войск в конфликтах в Мозамбике, Анголе, Конго, Кубе, Сирии. Это сравнение может обуславливаться формулой «интернационального долга», который обретает весьма конкретные черты: поддержка демократических, социалистических, прогрессивных режимов против фашистских, реакционных, капиталистических.

«Перед войной, (19)38-й год, в Испании была война. В Испании там тоже были интернационалисты, добровольцы шли туда. Интернационал то есть, ну, социалистический строй» (информант 18, кадровый военный, Урал).

Значимым элементом жанра социалистического романтизма является пониженный антагонизм между противодействующими сторонами. «Духи», или «моджахеды», не воспринимаются как серьезные противники и даже противники в целом, а «реальный» противник (американцы) не демонизируется, встречаются сравнения ветеранов Афганистана с ветеранами Вьетнама (1965–1973), что ставит между противоборствующими сторонами знак равенства.

«Есть даже ветераны, которые участвовали в каких-то израильских, каких-то вьетнамских... <...> они к нам примыкают по этим параметрам, они... они наши кровные братья» (информант 19, кадровый военный, Москва).

Конфликт в Афганистане сравнивается и с последующими войнами в истории страны (например, Чеченской войной), однако и эти сравнения призваны продемонстрировать преимущество Афганской войны, например, большую справедливость происходившего в Афганистане.

«Любая война — дело грязное, но по каким-то параметрам Афганская война была чище последующих <...>, потому что каждый командир беспокоился, он отвечал за жизнь своих подчиненных...» (информант 19, кадровый военный, Москва).

Социалистический романтизм не драматизирует окончание кампании в Афганистане, фокусируясь на выполнении поставленных задач: *«на 10 лет мы отсрочили поток наркотиков в нашу страну»* (информант 12, солдат срочной службы, Москва). Бинарные оппозиции, воспроизводящиеся в данном жанре, можно назвать низкоуровневыми: фигурирует противопоставление воинской доблести и гуманности советских солдат и трусости и негуманности американских, СССР, строившего в Афганистане инфраструктуру, и США, не строивших ее.

«Во-первых, духи-то, ну, афганцы, они до сих пор говорят, <...> что с вами, да, и воевать-то даже было по-честному. А эти [американцы] бомбу кинули в кишлак. <...> русский, советский солдат, он как-то был более такой щадящий» (информант 7, солдат срочной службы, СЗФО);

«Американцы там ничего не строили в отличие от нас, а мы вбухали кучу нашего бюджета» (информант 19, кадровый военный, Москва).

Таким образом, выделенный нами жанр социалистического романтизма строится вокруг тех публичных аргументов, которые звучали в ходе этой войны и сразу после ее окончания. Для подкрепления данных аргументов жанр социалистического романтизма обращается к таким культурным ресурсам, как история Афганистана, цивилизационная роль Советского союза в стране, в том числе идея строительства социалистического общества. Боевые действия в стране отходят на второй план, их масштабы и значимость преуменьшаются, чему способствует пониженный антагонизм между сражающимися сторонами. На фоне подчеркнуто гуманитарного характера советского присутствия в Афганистане, бережного отношения к солдатам и местным жителям, последующее вторжение США в Афганистан и другие конфликты, в том числе в истории России, могут характеризоваться как менее «нравственные» и «чистые».

Апокалиптический жанр

Апокалиптический жанр в нарративах ветеранов Афганистана схож с апокалиптическим жанром в гражданском дискурсе западных обществ, описанном Смитом [Smith, 2010]. Апокалипсис — понятие, вошедшее в обиходный

язык из религиозной литературы и обозначающее конец света. Вместе с тем, в религиозной литературе слово «апокалипсис» обозначает не только сам конец земного существования, но и события, предшествующие ему, — катаклизмы, а также финальную битву добра и зла, победа первого в которой хоть и предопределена, но через огромные сложности и жертвы. Смит фиксирует апокалиптический жанр в религиозных и светских текстах (например, в Библии и «Властелине Колец» Дж. Толкина), изображающих заключительную битву сил добра и сил зла, где нет полутонов, и борьба носит экзистенциальный характер. По Смиуту, в западном гражданском дискурсе апокалиптический жанр разговора о войнах изображает любые, в том числе локальные военные конфликты, через такую категорическую рамку. Основными характеристиками этого жанра являются его повышенный антагонизм между противоборствующими сторонами, высокая значимость военного конфликта, апелляция к безусловным ценностям и идеалам. Это единственный жанр, в котором массовое насилие может устойчиво маркироваться как допустимое из-за повышенных ставок: на кону стоит судьба страны и даже мира. Апокалиптический жанр помещает войну в Афганистане в канву глобальной борьбы с США, смещая акцент с самого Афганистана на геополитическое противостояние между двумя гегемонами. Этот жанр состоит из легитимаций, выходящих за пределы сугубо Афганского конфликта, отсылает к геополитическим интересам, характеризующимся неконкретностью и отсутствием социалистической идеологии:

«Мы туда вломились для того, чтобы, блин, американцы туда не вошли» (информант 12, солдат срочной службы, Москва).

В рамках апокалиптического жанра разговор об основном интересе советской кампании в Афганистане базируется на его геополитическом значении, исходящем из географического положения. Это значение обосновывается давней историей попыток великих держав контролировать эту страну:

«Афганистан никто не мог завоевать, он воюет триста лет. Вопрос: почему воюет? Потому что это всегда была стратегическая страна. Англичане ее не завоевали, французы ее не завоевали, америкосы ее не завоевали, и никто не завоевал» (информант 1, солдат срочной службы, Урал).

Культурные ресурсы, фигурирующие в этом нарративе, более драматичны и значимы для российской истории. В рамках данного жанра можно отметить тенденцию рассмотрения выхода из Афганистана как поражения, предваряющего главную драму в истории страны — распад СССР.

«Мы вбухали кучу нашего бюджета, и потом, когда нефть понизилась в стоимости, это явилось одной из причин распада Советского Союза. То есть фактически афганская эпопея косвенно повлияла. Распад огромной империи» (информант 19, кадровый военный, Москва).

Поддержка американцами моджахедов рассматривается как политическая экспансия США, имевшая целью дестабилизировать СССР, а затем и Россию. Это подтверждается и последующим присутствием США в Афганистане до 2020 года:

«Американцы ж не зря после нас сразу туда пришли, то есть это [Афганская война] вполне было... целесообразно» (информант 20, кадровый военный, Центральная Россия).

Таким образом, Афганский конфликт помещается в широкий ряд геополитических рисков глобальной экспансии мирового гегемона.

«Они Россию... хотят обессилить. Чтобы враг не сильный был, если возможно, его разделить по кускам. Россия, там, Ростов отдельно, Рязань отдельно, скажем, там, Московская область, Санкт-Петербург, Петроград, — все разделить. Они как и стали, вот, Узбекистан, Таджикистан, Кавказ, Осетия, Ингуше[тия]» (информант 2, солдат срочной службы, Узбекистан).

Особую роль в апокалиптическом жанре занимают конфликты, в которых участвовала Россия после Афганистана: Чеченская война, вооруженный конфликт на Донбассе, СВО. Все они рассматриваются как конфликты, где России опосредованно противостоят США. Это отличает апокалиптический жанр от жанра романтизма. Если в апокалиптическом жанре последующие войны логически связаны с Афганской войной и как бы подтверждают повестку масштабных геополитических рисков, то в романтизме они оцениваются, скорее, в негативном ключе, не дотягивают до военной, цивилизационной и гуманитарной миссии Советского союза в Афганистане.

«Чечня тоже, ее тоже хотели захватить исламисты, конкретно — американцы. Американцы все это делают и западные страны» (информант 18, кадровый военный, Урал).

Бинарные оппозиции, воспроизводящиеся в этом жанре, можно назвать более значимыми относительно бинарных оппозиций в жанре социалистического романтизма. Выстраиваются следующие противопоставления (от более значимых к менее): конструктивная (объединяющая) роль СССР/России в мировой политике против деструктивной (разъединяющей) роли США; гуманистический способ ведения войны СССР и впоследствии России против негуманистического способа ведения войны американцами; уважение СССР традиционного уклада жизни местных против неуважения к традициям у американцев.

«Американцы, они же на женскую половину, туда... Мы не заходили на женскую половину. Вот. То есть если бы даже что-то такое происходило, допустим, у нас там реально ребят и под суд отдавали, и все это...» (информант 6, солдат срочной службы, Москва).

Отметим, что в рамках апокалиптического жанра формула «интернационального долга» обычно не находит отклика, разговор о нем инициируется исследователем, а не возникает в собственном нарративе ветерана. Это отличает апокалиптический жанр от романтического, где данная политическая формула ретранслируется.

«Ну что такое интернациональный долг? Мы и тогда как-то к нему так... воин-интернационалист там... Ну, это было все громко сказано, это было все для политиков. Здесь, внутри, там этого не было» (информант 1, солдат срочной службы, Урал).

В рамках апокалиптического жанра необходимость войны в Афганистане обосновывается географическим положением этой страны и ее геополитической значимостью. Это подтверждает и история Афганистана, становившегося ареной борьбы сразу трех великих держав в течение двух столетий. Геополитическое противостояние характеризуется предельно завышенными ставками: поражение в локальном конфликте в итоге связывается с распадом СССР. Афганистан включается в череду последующих конфликтов, где России руками третьих сил противостоят те же противники, чьи цели остались неизменными. Этих противников характеризует деструктивная роль в мировой политике, негуманные способы ведения войны и неуважение к локальным традициям.

Скептический жанр

Скептический жанр представляет собой жанр делегитимации афганской войны и частично схож с ироническим жанром в описании терактов 11 сентября [Сопног, 2012]. В отличие от прочих, для этого жанра не характерна внутренняя консистентность. Несмотря на эклектичность, скептический жанр объединяет в себе обращение к иным культурным ресурсам и реинтерпретацию того, как остальные жанры обращаются к собственным ресурсам.

Важнейшим ресурсом скептического нарратива является сравнение с Великой Отечественной войной. Эта война занимает особое символическое место в российском контексте [Malinova, 2018; Дубин, 2004] — война-ориентир, война-идеал. Таким образом, она представляет собой культурный ресурс, который можно ожидать в представлениях о том, какой должна быть правильная война:

«Справедливая война — та, когда топчут твою землю и ты защищаешься в пределах этой территории. А остальные все — это вот искусственные доктрины» (информант 19, кадровый военный, Центральная Россия).

Вместе с тем, легитимации Афганской войны, в отличие от делегитимаций, скорее, не могут строиться на сравнениях с Великой Отечественной

войной из-за значительных отличий между этими конфликтами. В рамках скептического жанра характеристики Великой Отечественной войны (оборонительная, всенародная) сильно отдалают ее от Афганской (ведется на чужой территории, ограниченная).

«Великую Отечественную я бы вообще ни с чем не сравнивал. Великая Отечественная — это война, которую нельзя ни с чем сравнить, и будет это даже неприлично <...> И то, что перенесли люди и весь народ, весь народ, не только те, кто погибли, и те, кто воевали, а это дети, женщины, старики, то есть все. Это вся страна...» (информант 5, солдат срочной службы, Сибирь).

Сравнения с Великой Отечественной могут доходить до смены ролей:

«Так-то я понимаю, они же не душманы, они же такие партизаны, как наши [в ВОВ] были. Мы к ним пришли со своей верой, мы их заставили, хотели научить своему» (информант 7, солдат срочной службы, СЗФО)

В остальном жанр строится на критике описанных выше обоснований и их обращении к различным историческим событиям. Одним из наиболее распространенных аргументов в критике Афганской войны является безуспешность попыток построить в Афганистане цивилизованное (демократическое, социалистическое) общество в том виде, в каком его представлял Советский Союз. Утверждаются архаичность и неизменность образа жизни афганцев, преобладающие над любыми попытками их «цивилизовать».

«А то, что там 90% неграмотных и 99% верующих, — об этом некоторые иногда и забывали <...> Хотели их то же самое [как у нас], чтобы все то же самое было — и комсомолы, и пионеры. И стали колхозы делать. А как колхозы делать? Если они вот на сохе пашут: два быка и вот соха такая деревянная. Начали им давать комбайны, а чтобы на комбайне, на тракторе ездить, нужно еще научиться. Ну, много там было проблем» (информант 17, кадровый военный, Москва).

Отчасти как и апокалиптический, скептический жанр не принимает формулу «интернационального долга», но ожидаемо в более критическом русле рассматривает участие в войне:

«Я... не понимаю определения. Вот этого... слова — интернациональный долг. Кому я? Я афганцам должен был? Я не должен» (информант 16, кадровый военный, Москва).

Выход СССР из Афганистана оценивается более негативно, чем в апокалиптическом жанре и, тем более, в жанре социалистического романтизма. Если апокалиптический жанр указывает на относительную неуспешность

Афганского конфликта, в скептическом встречаются оценки выхода как предательства поддерживающих СССР афганцев:

«Ну, я думаю, что мы тоже вышли плохо, поскольку мы поддерживали определенных людей, а... Наджибулла, вот которого поддерживали, повесили в центре Кабула, поэтому речь о том, что, ну... Мы предали тех, кого мы (неразб.)» (информант 19, кадровый военный, Москва).

Это же касается и присутствия США в Афганистане. Легитимирующие нарративы указывают на то, что последующий после СССР вход США в Афганистан подтверждает их намерения по представлению угрозы СССР, тогда как делегитимирующий нарратив упирает на безосновательность этой аргументации:

«Как показала история (история-то все равно чему-то учит), американцы были в Афганистане. Мы были десять лет, а они пятнадцать, да. Ну и где эти базы? Где эти ракеты?» (информант 16, кадровый военный, Москва);

«Но мы же не пошли защищать афганский народ. Все равно мы туда пошли со своей политикой. Интернациональный долг — это, я понимаю, вот Сирию когда освобождали сейчас, <...> вот до [19]41 года в Испании была война. Там как бы да, они интернационалисты, они ехали в Испанию, там, испанцам помогать от фашизма. <...> Когда десантура наша вот тогда в Югославию, в Белград-то приехали — вот это да <...> Осетию — вот это, наверное, больше интернационалисты, которые побыли, навели порядок — и ушли» (информант 7, солдат срочной службы, СЗФО).

Как итог, скептический жанр строится вокруг обращения к альтернативному спектру культурных ресурсов и реинтерпретации того, как иные жанры обращаются к собственным культурным ресурсам. Основным ресурсом этого жанра является Великая Отечественная война, являющаяся примером «идеальной войны» и задающая недостижимые стандарты для всех остальных войн. В рамках скептического жанра с опорой на послевоенную историю Афганистана критикуются как апелляции к цивилизационной роли СССР в Афганистане (распространенные в жанре социалистического романтизма), так и разговоры о глобальных рисках (характерные для апокалиптического жанра). Эта критическая работа по реинтерпретации позволяет продемонстрировать, как с точки зрения общепринятых представлений о правильном и неправильном войны могут делегитимироваться в обыденном восприятии.

Заключение и дискуссия

В рамках исследования обыденных обоснований мы описали три нарративных жанра разговора о смысле и морали Афганской войны, обращенных на ее легитимацию и делегитимацию: социалистический романтизм,

апокалиптический и скептический жанры. Каждому из них свойственен собственный культурный репертуар, нацеленный на создание определенной перспективы войны в Афганистане. Если социалистический романтизм выстраивает фокус на успехе Афганской войны как гуманистического проекта по расширению советской зоны влияния, помощи дружественному народу и предотвращению притока наркотиков в СССР, то в рамках апокалиптического жанра Афганистан помещается в ряд других глобальных конфликтов, где ставки повышаются до безопасности и целостности страны. В скептическом жанре возникает эксклюзивное обращение к наиболее значимому культурному ресурсу (Великой Отечественной войне), а также предлагаются альтернативные интерпретации иных событий афганской и российской истории. Этот жанр демонстрирует, как в обыденном сознании могут реконструироваться аргументы, касающиеся делегитимации войн.

Выделенные нами жанры легитимаций войн демонстрируют сильную схожесть с теми жанрами, что были описаны ранее западными исследователями: апокалиптический жанр и социалистический романтизм в нарративах ветеранов Афганистана имеют схожесть с апокалиптическим и романтическим жанрами в западном гражданском дискурсе, описанными Смитом [Smith, 2010], последний также с прогрессистским метанарративом [Connor, 2012]. Это подтверждает, что схожесть культурного контекста действительно способствует схожим способам разговора о войне. Вместе с тем Смит считал, что устойчиво на легитимацию конфликта может работать лишь апокалиптический жанр, тогда как мы можем резюмировать, что жанр социалистического романтизма также распространен в разговорах о военном конфликте. Важную роль в легитимации Афганской войны в рамках этого жанра играет преуменьшение военного аспекта советского присутствия и негативных последствий войны в Афганистане. То есть обоснования военных конфликтов могут базироваться не только на преувеличении их значимости (как это устроено в апокалиптическом жанре), но и на демонстрации ограниченного характера конфликта — преуменьшении масштабов боевых действий, целей и результатов.

Мы пришли к выводу, что обыденные обоснования войн, которые воспроизводят ветераны, не конструируются исключительно из публичных легитимаций, а опираются на представления ветеранов о должном, историю страны, представления о самих себе и других, то есть на различные культурные ресурсы. Это демонстрирует релевантность критики существующих исследований легитимаций (как публичных, так и обыденных), ограниченных дедуктивной логикой анализа и утилитаристской логикой.

Мы предполагаем, что нарративные жанры обоснования войны в Афганистане могут быть применены и к другим военным конфликтам с участием России. Специфика выбранной группы и ее малый размер указывают на пилотажный характер проведенного исследования относительно массовых обыденных обоснований военных конфликтов. Дальнейшая работа по исследованию обыденных обоснований войн в российском контексте могла бы сосредоточиться на изучении нарративных жанров об участии в иных военных

конфликтах, а также могла бы строиться на других выборках для сравнения жанров обоснований и специфики их обращения к культурным ресурсам. Однако и на данном этапе показательны, с одной стороны, почти универсальная схожесть жанров в легитимации различных войн и других драматических событий, а с другой — их культурная специфичность, что в большей степени демонстрирует жанр социалистического романтизма.

Ограничением нашего исследования является избранный эмпирический материал. В дальнейшем следует изучить, существует ли в более широком гражданском дискурсе иной, более распространенный жанр делегитимации Афганской войны, который ветераны не воспроизводят, но которому оппонировать. Исследование этого жанра позволит уточнить особенности функционирования нарративов делегитимации войн.

Литература / References

- Александр Дж., Смит Ф. Сильная программа в культуросоциологии // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2. С. 11–30. EDN: [NTYQKH](#)
- Alexander J., Smith P. (2010) Strong Program in Cultural Sociology. *Sosiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 9. No. 2. P. 11–30. (In Russ.)
- Бахтин М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. Том 5. М.: Русские словари, 1996. С. 159–206.
- Bakhtin M. (1996) Problema rechevyh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. In: *Sobranie Sochinenij. Tom 5.* [Collected Edition. Volume 5]. Moscow: Russkie slovari. P. 159–206. (In Russ.)
- Данилова Н. Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989 годы) // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 262–281.
- Danilova N. (2005) Memorialnaya versiya Afganskoj vojny (1979–1989 gody) [Memorial Version of the Afghan War (1979–1989)]. In: *Pamyat o vojne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [Memory of the War 60 Years Later: Russia, Germany, Europe]. Moscow: Novee literaturnoe obozrenie. P. 262–281. (In Russ.)
- Даутова Т. Е., Рождественская Е. Ю. Репертуар биографических выборов ветеранов Афганской войны // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 114–140. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2542>
- Dautova T. E., Rozhdestvenskaya E. Yu. (2024) Repertoire of Biographical Choices of the Afghan War Veterans. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3. P. 114–140. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2542>
- Дубин Б. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечественные записки. 2004. Т. 5. № 20. С. 82–89.
- Dubin B. (2004) The “Bloody” War and the “Great” Victory. *Otechestvennyye zapiski* [Patriotic Notes]. Vol. 5. No. 20. P. 82–89. (In Russ.)
- Страусс А., Корбин Д. Основы качественного исследования / Пер. с англ. Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Strauss A., Corbin J. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya* [Basics of Qualitative Research]. Transl. form Eng. by T. S. Vasileva. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Тарасенко А., Кулмала М. Представительство интересов и социальная политика в России: ветеранские организации как посредники между обществом и государством // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 551–568. EDN: [XHFLWB](#)

Tarasenko A., Kulmala M. (2016) Representing Interests and the Crafting of Social Policy: Viewing Russian Veterans' Organisations as Brokers between State and Society. *Zhurnal issledovanij socialnoj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 14. No. 4. P. 551–568. (In Russ.)

Baiocchi G. (2006) The Civilizing Force of Social Movements: Corporate and Liberal Codes in Brazil's Public Sphere. *Sociological theory*. Vol. 24. No. 4. P. 285–311. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2006.00292.x>

Baum M.A., Groeling T. (2010) Reality Asserts Itself: Public Opinion on Iraq and the Elasticity of Reality. *International Organization*. Vol. 64. No. 3. P. 443–479. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818310000172>

Bloch-Elkon Y. (2007) Studying the Media, Public Opinion, and Foreign Policy in International Crises: The United States and the Bosnian crisis, 1992–1995. *Harvard International Journal of Press/Politics*. Vol. 12. No. 4. P. 20–51. DOI: <https://doi.org/10.1177/1081180X07307184>

Carpenter C., Montgomery A.H., Nylen A. (2021) Breaking Bad? How Survey Experiments Prime Americans for War Crimes. *Perspectives on Politics*. Vol. 19. No. 3. P. 912–924. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1537592720002376>

Connor B.T. (2012) 9/11—A New Pearl Harbor? Analogies, Narratives, and Meanings of 9/11 in Civil Society. *Cultural Sociology*. Vol. 6. No. 1. P. 3–25. DOI: <https://doi.org/10.1177/1749975511427809>

Cooper D.A., Marvin O.L., Ang A., Li Y. (2010) “Pretty Prudent” or Rhetorically Responsive? The American Public's Support for Military Action. *Political Research Quarterly*. Vol. 63. No. 1. P. 83–96. DOI: <https://doi.org/10.1177/1065912908327230>

Danilova N. (2007) Veterans' Policy in Russia: A Puzzle of Creation. *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. No. 6/7. P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.4000/pipss.873>

Dexter H. (2008) The “New War” on Terror, Cosmopolitanism and the “Just War” Revival. *Government and Opposition*. Vol. 43. No. 1. P. 55–78. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2007.00243.x>

Dill J., Schubiger L.I. (2021) Attitudes toward the Use of Force: Instrumental Imperatives, Moral Principles, and International Law. *American Journal of Political Science*. Vol. 65. No. 3. P. 612–633. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12635>

Hiebert R.E. (2003) Public Relations and Propaganda in Framing the Iraq War: A Preliminary Review. *Public Relations Review*. Vol. 29. No. 3. P. 243–255. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0363-8111\(03\)00047-X](https://doi.org/10.1016/S0363-8111(03)00047-X)

Hollander P. (2009) Contemporary Political Violence and Its Legitimation. *Society*. Vol. 46. No. 3. P. 267–274. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12115-009-9204-y>

Jacobs R.N. (2000) *Race, Media, and the Crisis of Civil Society. From Watts to Rodney King*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511489211>

Jacobs R.N., Smith P. (1997) Romance, Irony, and Solidarity. *Sociological Theory*. Vol. 15. No. 1. P. 60–80. DOI: <https://doi.org/10.1111/0735-2751.00023>

Kalyvas S.N. (2006) *The Logic of Violence in Civil War*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511818462>

Kornprobst M. (2014) From Political Judgements to Public Justifications (and vice versa): How Communities Generate Reasons upon Which to Act. *European Journal of International Relations*. Vol. 20. No. 1. P. 192–216. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066112439218>

Laitin D. (2007) *Nations, States, and Violence*. Oxford; New York: Oxford University Press.

Lamont M., Thévenot L. (2013) *Rethinking Comparative Cultural Sociology: Repertoires of Evaluation in France and the United States*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511628108>

Liu D., Shao L. (2024) Nationalist Propaganda and Support for War in an Authoritarian Context: Evidence from China. *Journal of Peace Research*. Vol. 61. No. 6. P. 985–1001. DOI: <https://doi.org/10.1177/00223433231178849>

Malinova O.Y. (2018) Constructing the “Usable Past”: the Evolution of the Official Historical Narrative in Post-Soviet Russia. In: N. Bernsand, B. Tornquist-Plewa (eds.)

Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia. Boston; Leiden: Brill. P. 85–104. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004366671_006

Maxey S. (2020) The Power of Humanitarian Narratives: A Domestic Coalition Theory of Justifications for Military Action. *Political Research Quarterly*. Vol. 73. No. 3. P. 680–695. DOI: <https://doi.org/10.1177/1065912919852169>

McIntosh J. (2021) Language and the Military: Necropolitical Legitimation, Embodied Semiotics, and Ineffable Suffering. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 50. No. 1. P. 241–258. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-101819-110258>

Mirhosseini S. A. (2017) Discursive Double-legitimation of (Avoiding) Another War in Obama's 2013 Address on Syria. *Journal of Language and Politics*. Vol. 16. No. 5. P. 706–730. DOI: <https://doi.org/10.1075/jlp.16016.mir>

Oddo J. (2011) War Legitimation Discourse: Representing “Us” and “Them” in Four US Presidential Addresses. *Discourse & Society*. Vol. 22. No. 3. P. 287–314. DOI: <https://doi.org/10.1177/0957926510395442>

Sagan S. D., Valentino B. A. (2018) Not Just a War Theory: American Public Opinion on Ethics in Combat. *International Studies Quarterly*. Vol. 62. No. 3. P. 548–561. DOI: <https://doi.org/10.1093/isq/sqy033>

Saito H. (2021) The Sacred and Profane of Japan's Nuclear Safety Myth: On the Cultural Logic of Framing and Overflowing. *Cultural Sociology*. Vol. 15. No. 4. P. 486–508. DOI: <https://doi.org/10.1177/17499755211001046>

Simonsen S. (2019) Discursive Legitimation Strategies: The Evolving Legitimation of War in Israeli Public Diplomacy. *Discourse & Society*. Vol. 30. No. 5. P. 503–520. DOI: <https://doi.org/10.1177/0957926519855786>

Smith P. (2010) *Why War? The Cultural Logic of Iraq, the Gulf War, and Suez*. Chicago: University of Chicago Press.

Smith P. (1991) Codes and Conflict: Toward a Theory of War as Ritual. *Theory and Society*. Vol. 20. P. 103–138. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00160735>

Scott W. J., De Angelis K. M., Segal D. R. (2018) Veterans and Veterans' Issues. In: D. Kieran, E. A. Martini (eds.) *At War: The Military and American Culture in the Twentieth Century and Beyond*. P. 127–146.

Сведения об авторах:

Гаджиев Акиф — аспирант, кафедра анализа социальных институтов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** akifka21@mail.ru. **РИНЦ Author ID:** 1080965; **ORCID ID:** 0000-0001-6273-3398.

Даутова Татьяна Евгеньевна — аспирантка, кафедра анализа социальных институтов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** te.dautova@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 1232758; **ORCID ID:** 0000-0001-9380-7505; **ResearcherID:** GYV-5843-2022.

Статья поступила в редакцию: 23.12.2024

Принята к публикации: 23.02.2025

Narrative Genres and Cultural Resources of Ordinary Justification of the Soviet War in Afghanistan (1979–1989)

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.3

Akif Gajiyev HSE University, Moscow, Russia
E-mail: akifka21@mail.ru

Tatiana E. Dautova HSE University, Moscow, Russia
E-mail: te.dautova@gmail.com

This paper examines ordinary justification of military conflicts and their cultural resources based on interviews with veterans of the 1979–1989 war in Afghanistan. We begin by reviewing studies of public justifications and ordinary perception of wars. Based on the review of studies of the relationship between public opinion and decisions to initiate and terminate military conflicts, we conclude that ordinary perceptions of military conflicts have a prescriptive force. We criticize the utilitarian focus characteristic of studies of public justifications, as well as the limited consideration of cultural resources and beliefs about what is proper in the study of ordinary perception. To overcome these limitations, we turn to the strong program in cultural sociology that postulates the thesis of the autonomy of culture and offers tools for studying justifications — narrative genres and cultural resources. Ordinary justifications of military conflicts are examined using interviews with veterans of Afghanistan as an example. Based on the analysis of 22 interviews with veterans of the war in Afghanistan, three narrative genres of ordinary legitimation and delegitimation of this conflict are identified: social realism, apocalyptic, and skeptical. Each narrative genre is characterized by its own approach engaging cultural resources, different views on the war in Afghanistan and some of its particular events, such as the withdrawal from Afghanistan of the Soviet troops. Ordinary justifications demonstrate relative autonomy from public justifications, the ability of independent work with an extensive cultural repertoire within the Russian historical context.

Keywords: ordinary justification, legitimation, narrative, cultural sociology, Afghan war, war veteran

Acknowledgement. The research was supported as part of the project “Experience of local conflicts: processing, resocialization, disability” (HSE University).

Authors Bio:

Akif Gajiyev — Graduate Student, Department of Analysis of Social Institutions, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** akifka21@mail.ru. **RSCI Author ID:** 1080965; **ORCID ID:** 0000-0001-6273-3398.

Tatiana E. Dautova — Graduate Student, Department of Analysis of Social Institutions, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** te.dautova@gmail.com. **RSCI Author ID:** 1232758; **ORCID ID:** 0000-0001-9380-7505; **ResearcherID:** GYV-5843-2022.

Received: 23.12.2024

Accepted: 23.02.2025

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.4
EDN: ATOZBC

Репрезентация солдатской смерти: дискурс-анализ военных некрологов в контексте СВО

Ссылка для цитирования:

Матвеевко Р. О. Репрезентация солдатской смерти: дискурс-анализ военных некрологов в контексте СВО // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 1. С. 63–86. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.4> EDN: ATOZBC

For citation:

Matveenko R. O. (2025) Representation of Soldiers' Death: Discourse Analysis of Military Obituaries in the Context of the Special Military Operation. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 1. P. 63–86. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.4>

Матвеевко Регина Олеговна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия

E-mail: romatveenko@edu.hse.ru

Статья посвящена критическому анализу военных некрологов, опубликованных в контексте СВО. Основное внимание уделено тому, как некрологи репрезентируют солдатскую гибель и какие идеологические нарративы поддерживаются через эти тексты. В рамках исследования анализируются жанр, структура и дискурс некрологов, участвующие нарративы и стратегии легитимации гибели на поле боя, героизации солдат и утешения скорбящих. С помощью качественного дискурс-анализа было проведено исследование 50 некрологов, опубликованных до мая 2024 года в региональных медиа. В качестве результатов представлены стратегии репрезентации дискурса гибели солдата через концепты самопожертвования, социального тела и смерти как символического обмена, а также способы конструирования идентичности и ценности жизни солдата. Показано, что некрологи функционируют как важный инструмент властного дискурса в формировании коллективной памяти и общественного мнения о локальных конфликтах.

Ключевые слова: дискурс-анализ; военный дискурс; некрологи; солдатская гибель; репрезентация смерти

Введение

Представления людей о смерти сопровождаются социальными и культурными осмыслениями, которые находят свое проявление в мемориальных практиках, одной из которых является некролог — жизнеописание умершего. Некролог как социальный феномен выступает носителем коллективной памяти и частью публичной коммеморативной культуры, основной функционал его заключается в публичной демонстрации и институционализации скорби [Fowler, 2007]. В свою очередь, военный некролог отражает и одновременно формирует отношение социума к солдатской жизни и смерти [Frisk, 2018]. Жанр, структура и содержание некролога определяются и регламентируются спецификой времени, конкретного военного конфликта, в который вовлечено общество, а также господствующими идеологическими представлениями и ценностными ориентациями различных социальных групп по отношению к солдатским смертям [Taussig, 2017]. Так как военный некролог, опубликованный в медиа, является дискурсивной репрезентацией образа солдата и его гибели, его изучение позволяет выявить восприятие жизни и смерти участников боевых действий и, кроме того, понять формирование системы легитимации военных потерь в рамках присутствующих дискурсов. Находясь на переднем крае публичной сферы, публицистический жанр военного некролога имплицитно содержит в себе конфликт между частным осмыслением солдатской гибели и институциональным, строго регламентированным дискурсом репрезентации. На основе смысловых конструкций поддерживается позитивный нарратив о ненасильственной гибели солдата, что является попыткой скомпенсировать индивидуальную скорбь и может расходиться с вариативностью частных оценок этого феномена [Acton, 2007: 5].

Текущее вовлечение общества и отдельных граждан в специальную военную операцию (далее — СВО) актуализирует тему репрезентации солдатской гибели и ее восприятия разными группами акторов. В литературе рассматривалась специфика военных некрологов из разных стран в связи с различными военными конфликтами [Askildson, 2007; Danilova, 2015; Frisk, 2018; Рождественская, 2014]. Однако мемориальные материалы, посвященные российским солдатам СВО, еще не получили исследовательского внимания. Поскольку некролог, будучи встроенным в легитимирующую коммуникативную медиасистему, отражает сложное совокупное авторство (социальный институт армии порождает свои законы жанра, адаптируемого в случае использования медиарепрезентации), он представляет собой важный инструмент формирования общественного мнения и конструирования ценностно-идеологических нарративов [Frisk, 2018]. Как меняется этот институциональный жанр в случае использования не официального пресс-релиза министерства обороны, а региональной медиаплатформы? Что привносят в структуру и язык военного некролога журналисты, готовя репортаж с похорон или транслируя речь местного политика о гибели земляка?

В исследовании осуществляется дискурсивный анализ некрологов погибшим на СВО солдатам как одного из жанров публичного и институционального дискурса, демонстрирующего отношение государства к смерти солдата.

Теоретическая основа исследования

Коммеморативная культура, частью которой является в том числе и феномен некролога, связана с осмыслением смерти в целом, а также с культурными значениями и практиками прощания и горевания, захоронения и памятования. Согласно теории управления страхом смерти, человека преследует перманентный экзистенциальный страх конечности собственной жизни [Greenberg et al., 1986; Rosenblatt et al., 1989]. Для купирования этого страха индивид стремится воссоздать для себя иллюзию фактического или же символического бессмертия в форме продолжения своего существования через культуру, религию, деторождение и другие формы закрепления своей идентичности. Некролог можно рассматривать как дискурсивный пакт между живущими относительно императива помнить ушедшего.

Рассматривая дискурсивную репрезентацию солдатской гибели в военном контексте, нужно учитывать, что отношение к жизни и смерти солдата в исторической динамике принимало различные формы. Так, от периода полного пренебрежения к жизни и смерти солдата западная цивилизация сначала перешла к индивидуализации и героизированию смерти на поле боя [Mosse, 1990], а в середине XX века от культа героизма и славной смерти — к нарративу потери смысла и жертвенной, страдальческой смерти на войне [Zambenardi, 2022; Gorsky, 2012]. Касательно онтологии образа солдата Замбернарди выделял смертное физическое тело и (бессмертное) социальное, институциональное тело, которое героизируется и наделяется политическим смыслом, становясь объектом идеологического интереса. Поминование, во многом реализуемое через создание и использование социального тела, было необходимо для утешения скорбящих и носило характер политического инструмента, направленного на конструирование групповой идентичности и прославление жертвенной смерти на войне. Согласно Лебелю, отношение скорбящих по погибшим солдатам к государству и военным порождает разные модели скорби: гегемонистская модель утраты подразумевает позитивное отношение к войне и правительству, политическая — негативное эмоциональное отношение к государству, гражданская — негативное отношение к военным и институту армии. В гегемонистской модели скорбящие выступают базой поддержки господствующего социального и политического порядка. Личное переживание утраты становится полем для достижения идеологических целей [Лебел, 2011]. Каким образом? Приватное горе на глубинном уровне управляется внешними доминирующими нарративами в отношении войны, исходящими обычно из властных интересов, однако, полагает Эктон, это влияние скорее взаимно, а не односторонне [Acton, 2007: 2–4]. Солдатская жертва имеет символическое значение — постоянное и осознанное самопожертвование отдельных индивидов ради блага общества [King, 2001; Pajari, 2014]. Часто погибший на войне солдат перестает быть просто человеком и посмертно становится исключительно солдатом; весь образ человека сводится к его последней идентичности. Бауман объясняет это тем, что, лишь сливаясь

воедино, индивидуальные смерти становятся вкладом в жизнь нации и коллективное бессмертие [Бауман, 2002].

Дискурс, ориентированный на легитимирующую репрезентацию войны и боевых потерь, может конструировать целые идеологические системы для работы над установками и интересами масс [Hodges, 2015]. Одной из них является логика самопожертвования, формирующая оправдательные конструкции, обосновывающие солдатские смерти и делающие их осмысленными как для самих солдат, так и для их родственников, что работает на утешение скорбящих семей [Pajari, 2015]. Логика самопожертвования имеет четыре постулата: необходимость жертв для существования нации, нация как первостепенный объект любви, война как доказательство зрелости нации и права на ее существование, а также ранжирование мужчин на основе их вклада в конфликт (лучшие умирают первыми).

Иной аспект темы — некрологи как отражение коллективной памяти. Они способствуют конструированию образа воина и предоставляют общественному сознанию мемориальный нарратив о нем [Рождественская, 2014]. С помощью задействования коллективных ценностей и представлений о прошлом социальной группы происходит фильтрация смыслов, фреймирование сценариев и путей того, как будет рассказана история [Taussig, 2017]. Это служит формированию образа солдата через удерживание внимания читателя на значимых семантических и символических стимулах, в качестве которых могут выступать, например, исторические фигуры или отсылки к событиям прошлого, которые были задействованы в коммеморации и строительстве коллективной идентичности [Hume, 2000]. Некрологи демонстрируют, что идентичность человека не перестает развиваться после смерти; наоборот, она активно восстанавливается или даже конструируется заново [Bonsu, 2002]. Это означает, что социальное тело солдата остается идеологическим инструментом и предметом дискурсивных усилий. На основе некрологов можно эксплицировать стратегии легитимации, ценности и идеалы, в соответствии с которыми оценивается жизнь и смерть военных относительно конфликта. Фриск при исследовании афганских некрологов выделял несколько стратегий легитимации, придающих военным смертям моральный смысл: дискурс патриотического самопожертвования; гуманитарная жертва, в рамках которой смерть рассматривается как свидетельство альтруистических установок; профессиональное самопожертвование; братская жертва [Frisk, 2018]. В некрологах варьируются и структура описания, и репрезентация смерти, и легитимация потери. Отечественная коммеморация советских солдат в рамках Афганской войны несла в себе некий элемент индивидуализации, рисуя подробный и иногда нарративизируемый образ, однако идентичность солдата сводилась к «основной» функции — армейской службе [Рождественская, 2014]. При этом солдаты в репрезентации представлены профессионалами и одновременно с этим добровольными жертвами, что позволяет обществу видеть в их смерти не только личную трагедию и страдание, но и героизм [Danilova, 2015].

Методологические основы исследования

Выборка

Мы собрали и проанализировали 50 некрологов, опубликованных в интернете на медийных порталах, сайтах и каналах муниципальных администраций, а также в социальных сетях (см. Приложение 1. Выборка некрологов). После 10–15 проанализированных некрологов было достигнуто насыщение, поскольку достаточно быстро в ходе сбора материала стали повторяться характеристики жанра, структуры и основные элементы аналитического рассмотрения. Однако мы выбрали стратегию как можно большего отбора, чтобы обеспечить полноту и охват материала: так как максимально необходимая граница выборки для качественного исследования достигает 50 кейсов (хотя зачастую исследователям достаточно и гораздо меньшей выборки) [Штейнберг, 2014; Рождественская, 2012], было принято решение остановиться именно на этом количестве. Предпринималась попытка диверсифицировать источники и сам формат публикаций: были представлены как короткие официальные сводки, так и объемные некрологи, написанные в художественном стиле профессиональными журналистами или частными пользователями (однако последних было обнаружено очень мало). Таким образом, анализируемые некрологи можно разделить на две основные группы текстов: выложенные на порталах администрации и опубликованные на неформальных медиаресурсах. Эти группы являются достаточно гомогенными и внутри себя демонстрируют схожую логику организации текста.

Стоит отметить, что наше исследовательское поле ограничено. Все рассмотренные некрологи являются в разной степени медийно опосредованными. Министерство обороны приняло решение не публиковать некрологи и рекомендовало властям регионов с наибольшими потерями поступать так же¹. Это осложняет понимание того, как в действительности относятся централизованные власти к феномену гибели солдат. Включенные в анализ некрологи были опубликованы до 5 мая 2024 года, и практически все из них были размещены на государственных, муниципальных или частных медиа-порталах.

Метод

Для анализа текстов применен критический дискурс-анализ (КДА), позволяющий исследовать, как язык и структура текста влияют на восприятие и интерпретацию содержания и что они говорят о выражаемой через текст интенции автора. Этот метод подчеркивает взаимосвязь между использованием речи и инкорпорированием в нее символично-идеологических конструкций. Согласно КДА, тексты часто предполагают наличие у читателя определенных социокультурных знаний и представлений о мире, необходимых для правильной интерпретации текста. Это создает семантический

¹ Владимир Путин о потерях ВС России в ходе СВО. Вести Приморья 6.06.2024. <https://vestiprim.ru/news/ptrnews/151163-vladimir-putin-ozvuchil-poteri-vs-rossii-v-hode-svo.html> (дата обращения: 10.10.2024).

айсберг — дискурсивный прием, подразумевающий репрезентацию части информации, которая затем достраивается читателем до более полной для него картины, то есть связи между подразумеваемыми концептами и вербальными утверждениями не выражены напрямую, а реконструируются читателем на основе его предыдущего опыта и знаний [Сычева, 2011]. Это делает важным не только анализ непосредственно сказанного, но и контекстуальную рефлексию.

Подход к КДА Нормана Фэркло состоит в детальном изучении взаимосвязи между языком, властью и обществом. Основной акцент делается на том, как дискурсы, т.е. способы использования языка, формируют и отражают социальные структуры, тенденции, отношения власти и идеологии [Fairclough, 2015]. КДА фокусируется на анализе лексики, синтаксиса, риторических приемов и других языковых особенностей текста, чтобы рассмотреть, как определенные слова и фразы используются для передачи идеологически насыщенных значений.

Процедура анализа

В ходе анализа проводилось подробное рассмотрение как отдельных речевых конструкций (цитат, речевых оборотов и словоформ, отражающих описание солдата и размышления о гибели), так и общих структур текста, то есть набора тематических блоков и взаимосвязей между ними. Внимание также уделялось языковому стилю, подробности и полноте описания, визуальному материалу. На первичном этапе использовались внутритекстовая деконструкция и открытое кодирование — выделение единиц анализа непосредственно из объекта (отдельных цитат или частей текста) и присвоение им кодов. Далее в исследовательских заметках происходила экспликация смыслов первичных кодов и тезауруса через авторскую интерпретацию символических обозначений и категорий с опорой на выделенные ранее теоретические концепты.

Первичные коды при возможности объединялись в категории более высокого порядка, также реконструировалась типичная структура некрологов (инвариативные элементы и свойства) и отслеживались вариативные черты, что позволило на основе материала выделить два основных мемориально-сетевых дискурса: *формальный административный* и *«переходный», журналистский*.

Результаты эмпирического исследования

Структура некролога

В формате некролога создается комплексное и многоуровневое повествование, которое одновременно информирует, вдохновляет и утешает читателей, представляя их вниманию «легенду о герое», в которой излагается путь военного от рождения до смерти. Основные структурные элементы, чаще всего встречающиеся в некрологах о павших на СВО, включают в себя заголовки, биографическую сводку, личностную характеристику, обстоятельства

вовлечения в службу и гибели, описание ритуала прощания, выражение соболезнования семье и короткое, эмоционально окрашенное изречение, как правило, завершающее фабулу: «Вечная память Герою!» [Приложение 1. Некролог 28].

Текст некролога складывается из трех основных составляющих. Каркасом является сюжетный нарратив — набор фактов о жизни героя, его смерти и связанных с ней событиях. Нарратив включает вариативный набор оценок (*невыносимо тяжелая потеря, отличный пацан*), идеологических концептов (*герой, отдал жизнь за...*), нормативных диспозиций (*мы обязательно должны победить*) и прочих конструкций, представляющих в определенном свете военный конфликт и личность солдата и делающих описание аффективно и ценностно насыщенным. Еще одним элементом описания, при этом не включенным непосредственно в текст, является семантический мост, подоплека, косвенно подразумеваемая на основе ограниченно поданной информации. Сюда включаются значения и смыслы, которые читатели конструируют на основе связки данного некролога и своего социокультурного бэкграунда, касающегося, например, представлений о значимых исторических событиях и связанных с ними идентичностях: «Вечная память солдатам, отдавшим жизнь за суверенитет страны, за победу над нацизмом» [Приложение 1. Некролог 22]. В данном примере слово «нацизм», которым характеризуется враждебный режим, имплицитно, то есть без прямой референции вызывает у читателя ассоциацию с Великой Отечественной войной.

Помимо общих принципов структурной организации и ее уровней, в рассмотренных некрологах используются расхожие словоформы и смыслопорождающие метафоры, которые можно назвать нормативно ориентированным внутренним институциональным языком. Они относятся к оценочному уровню повествования. Приведем некоторые примеры таких обобщенных и часто встречающихся символических конструкций, которые можно разделить на следующие группы:

- описывающие и характеризующие в положительном ключе поступок, результатом которого стала гибель: *самопожертвование, отвага, воинский долг, мужество, героизм, великая честь, отдал жизнь за...*;
- описывающие в положительном ключе погибшего (посмертное нарицательное имя, исходящее из подвига): *герой, защитник, патриот, настоящий мужчина*;
- характеризующие оценочное восприятие гибели: *невыносимо тяжелая трагедия, утрата, скорбим всем городом, скорбная весть, боль*;
- показывающие связь с социумом, эхо гибели, влияние на коллективное сознание: *показал настоящий пример..., сотни жителей пришли проводить, оставил неувядаемый след в истории, продолжают жить в нашей памяти*.

Страна, имеющая особый морально-метафизический статус, чаще всего номинализируется через слова «Отечество» и «Родина», то есть через семантику родительских фигур. Она представляется как абстрактный метародитель; страна — не просто группа людей, а надындивидуальная сущность,

проявляющая родительские функции по отношению к индивиду, дающая жизнь, но априори имеющая право эту жизнь забрать, потребовать ее жертвы. Это является дискурсивной реализацией второго постулата логики самопожертвования о превалировании государства или нации над интересами, связями и жизнями индивидов [Pajari, 2015].

Обозначенные конструкции и лексемы свойственны как административным, так и публицистическим некрологам, что наталкивает на вывод об общей логике использования языка независимо от источника. Все эти компоненты (тезаурус, логика повествования, разноуровневость), инвариативно прослеживаемые почти во всех представленных некрологах, в совокупности можно назвать структурными универсалиями. Будучи встроенным в контекст (то есть создавая семантические мосты), этот тезаурус рисует образ великой жертвы во благо отечества.

Стратегия легитимации

Отраженное в некрологах морально-положительное объяснение смерти комбатантов в целях утешения и мотивации читателей является легитимацией потери. Легитимирующая функция проявляется в обосновании осмысленности и необходимости потери. Объяснение важности жертвы опирается на несколько стратегий легитимации; так, в некрологах часто можно проследить использование некоторых постулатов логики самопожертвования² [Pajari, 2015]. Например, участие человека в боевых действиях представляется как экзистенциальная необходимость для Родины, ее будущего и суверенитета: *«Он отдал свою жизнь ради обеспечения безопасности своей Родины»* [Приложение 1. Некролог 13]. Четвертый постулат логики самопожертвования гласит, что смерти на войне удостоиваются лучшие сыны нации: *«Отдать жизнь на поле боя за родную землю, за идеи справедливости и добра — на это способен только сильный духом человек»* [Приложение 1. Некролог 3]. Возможность пожертвовать жизнью доступна только мужчинам, характер и поведение которых маркируется положительными моральными характеристиками: *«Вновь уходят парни, честен кто и смел»* [Приложение 1. Некролог 23]. Отражение положительных черт и отсутствие репрезентации негативно оцениваемых, неприглядных характеристик тоже работают на четвертый постулат логики самопожертвования. Кроме того, можно обнаружить три из четырех стратегий легитимации³ [Frisk, 2018]. Дискурс патриотического самопожертвования фокусируется на необходимости жертвы как вклада в экзистенциальную и символическую защиту Родины. Стратегия гуманитарной жертвы отсылает к населению ДНР и ЛНР как объекту защиты: *«При проведении спецоперации, направленной на защиту мирного населения»* [Приложение 1. Некролог 2].

² Напомним эти четыре постулата: необходимость жертв для существования нации; нация как первостепенный объект любви; война как доказательство зрелости нации и права на ее существование; ранжирование мужчин на основе их вклада в конфликт (лучшие умирают первыми).

³ Напомним стратегии легитимации согласно исследованию К. Фриска: дискурс патриотического самопожертвования; гуманитарная жертва, в рамках которой смерть рассматривается как свидетельство альтруистических установок; профессиональное самопожертвование; братская жертва.

Братское самопожертвование является демонстрацией значимости маскулинного боевого братства, социальных связей, образованных на фронте. В некоторых некрологах происходило совмещение разных стратегий легитимации, например, братского и гуманитарного самопожертвования: «... капитан Селютин погиб, спасая жизни своих боевых товарищей и мирных жителей Донбасса» [Приложение 1. Некролог 14].

Помимо категоризированных в научной литературе способов оправдания, в некрологах можно обнаружить легитимацию через апелляцию к социально и экзистенциально важным для читателей «якорям» — ценностям, символам, страхам, элементам исторической памяти. Одним из таких «якорей» являются понятия вечности и бессмертия — они занимают верхушку семантического айсберга, описанного в теории управления страхом смерти [Greenberg et al., 1986]. Социальное тело солдата в текстах удостаивается символического бессмертия: *«До тех пор, пока мы чтим и помним, герои будут живы. <...> Герои не умирают, они продолжают жить в нашей памяти»* [Приложение 1. Некролог 8]. Метафорическое бессмертие ставится выше жизни, социальное тело — выше физического; в конце концов, смерть настигнет всех, но именно гибель в бою позволит продолжить свое символическое существование и обрести высокую посмертную субъектность: *«Его самопожертвование и отвага всегда будут служить примером для всех нас»* [Приложение 1. Некролог 35]. Описывающие гибель конструкции, такие как «смерть храбрых», также присваивают событию положительные коннотации, которые должны воздействовать на горе скорбящих близких. Человек погиб не зря, не просто так, а ради высшего блага, и он достоин высокого морального статуса: *«И одно только может смягчить горечь утраты — наша память, понимание, что эта жертва была не напрасна»* [Приложение 1. Некролог 29].

Формирование образа павшего солдата

Рассматриваемый формат онлайн-мемориализации отражает дуализм существования солдата, рассмотренный Замбернарди [Zambernardi, 2022]: прослеживаются не только сведения о погибшем физическом теле, но и контуры социального тела — совокупности институционализированных представлений о покойном, сложенных в его идеализированный, культурно значимый образ. Воссоздание социального тела умершего входит в зону ответственности некролога как формы поминовения. Очерченные ранее приемы и формы существования некролога — структурные универсалии — создают достаточно конкретный институциональный шаблон, предопределяющий политизацию образа умершего и закрепление его идентичности в представлениях читателей.

Личность героя характеризуется через различные сферы его биографии, что порождает множественную идентичность погибшего. Чем больше биографических сфер задействуется в описании и, соответственно, чем больше идентичностей отражено в тексте, тем целостнее, глубже и подробнее составлен общий портрет героя. В современной российской онлайн-мемориализации

погибших на СВО сохраняются 3 типа идентичности образа павшего, выделенные ранее Н. Даниловой [Danilova, 2015]: национальная, личностная и служебная.

Национальная идентичность строится на чувстве принадлежности к России и моральной привязанности к ней, что отражается через использование аффективно насыщенных ярлыков: *герой, отважный, пример патриотизма*. Данная плоскость идентификации воссоздается в том числе через физическое вовлечение национальных символов в ритуалы прощания: *«флаг России свернули над телом и отдали на хранение матери, погребение прошло под залп ружей и гимн страны»* [Приложение 1. Некролог 21]. Стоит отметить, что в рамках выстраивания этого типа идентификации практически не делались отсылки к ярлыку «русский» как этнической/национальной принадлежности. Этот подход способствует созданию образа единства и солидарности на более широком уровне, акцентируя внимание на общегражданских, а не на этнических ценностях. В целом онлайн-мемориализация участников СВО этнически инклюзивна, что говорит о поддержании идеала многонационального государства, унаследованного от СССР. Это способствует внутригрупповой сплоченности и, соответственно, повышает общий мобилизационный потенциал населения. Межэтнический метанарратив, однако, не становится интернациональным, поскольку культура и гражданство все еще выступают фактором разделения на «своих» и «чужих» и представляются как один из предметов конфликта: *«А они, за други, умирать идут, За дедов могилы, за родной язык»* [Приложение 1. Некролог 23].

Второй тип идентичности — личностный — прослеживается в текстах через воссоздание психологического портрета погибшего, его социальных связей и неформальных ролей, предпочтений, увлечений, внешности и всего прочего из того, что используется для индивидуализации погибшего и придания ему и его жертве уникальной ценности. Значимым смысловым блоком многих некрологов является акцентирование на сильных социальных связях погибшего как важной части его жизни и идентичности: *«Коля был необыкновенным сыном, заботливым братом, любящим мужем»* [Приложение 1. Некролог 22]. Семейные узы играют двойственную роль по отношению к репрезентации солдатской смерти. С одной стороны, они воспринимаются как сдерживающий фактор для готовности пожертвовать жизнью. В таком случае семейные узы противопоставляются лейтмотиву некролога, согласно которому агентность военного положительно оценивается в связи с экзистенциальными рисками. Семейные связи не превалируют над Родиной или нацией; несмотря на их важность, ими можно и нужно пренебречь во имя интересов другого порядка. С другой стороны, семья иногда представлена как побуждающий фактор для самопожертвования и защищаемый в конфликте объект: *«встав на защиту светлого будущего Родины и своей семьи»* [Приложение 1. Некролог 24]. Возможно, акцент на семейных ценностях должен еще сильнее побудить мужчин рискнуть своей жизнью, потому что подразумевается, что интересы семьи совпадают с интересами нации.

Служебная идентичность фиксируется в упоминаниях о добросовестной службе и награде за нее, что подкрепляет образ солдата как высокопрофессионального и преданного своему долгу человека: «*Воевал умело, инициативно выполняя все задачи, поставленные командованием*» [Приложение 1. Некролог 34]. В некрологах участников СВО служебная идентичность выстраивается в основном согласно моральным категориям военного габитуса, в первую очередь, на понятиях воинского долга и солдатской чести. Хотя в текстах и приводятся косвенные свидетельства профессионализма героев (например, перечисляются их награды), все же лексика, описывающей погибшего в категориях профессионализма и военной карьеры, мало. Служба в армии скорее репрезентируется как моральный долг, нежели как карьера.

Помимо перечисленных типов идентификации погибшего комбатанта можно также выделить гражданскую профессиональную идентичность, важную в случае мобилизации и контракта с невоенными. Часто в текстах присутствует фабула об обучении, профессиональном становлении и карьере гражданского человека как важной части его идентичности, которая иногда даже находит отражение в названии: «*Волгоград прощается с погибшим на СВО тренером Алексеем Сигитовым*» [Приложение 1. Некролог 10]. Освещение гражданских ролей способствует большей индивидуализации и диверсификации образа героя. Присутствует и идентичность малой родины, формирующая связь между погибшим и его местом проживания, городом. Малая родина является большим сообществом, но не обладает ни близостью семейных уз, ни сложностью и абстрактностью концепта Родины. Этот тип идентификации описывается в терминах «житель города», «тюменец», «земляк», а также в выражении горя от лица общественности и властей города, что свидетельствует о важности в репрезентации локальной идентичности и эмоционально-моральной причастности горожан: «*Бердск скорбит*» [Приложение 1. Некролог 4].

В коммеморативных практиках образ солдата часто приобретает сакральные черты. Это происходит не через прямые вербальные указания на святость или мученичество, а через символические образы, характеристики и архетипы, глубоко укорененные в культурной и религиозной памяти общества. К ним можно отнести упоминание символического бессмертия и посмертное влияние погибшего на коллективное сознание, а также образ гибели за праведное дело. Сакрализация солдата служит имплицитным семантическим мостом, связывающим религиозно-культурные представления людей с современными коммеморативными практиками. Эта тенденция выражается через визуальные и текстовые элементы мемориализации, такие как фотографии мемориалов, ритуалов прощания, иллюстрирующие тексты некрологов в медиа. Например, в некоторых статьях можно увидеть фотографии шествия на церемонии прощания, что выглядит аналогично крестному ходу с привлечением культурно-религиозных атрибутов и символики: иконообразно оформленных фотографий погибших, венков, мемориальных досок и прочего.

Фото 1, 2. Визуальный ряд из некрологов [Приложение 1. Некрологи 26, 31]

В целом в некрологах мы обнаруживаем попытку дифференциации и углубления образа погибшего через многоуровневое повествование и наслоение привлеченных типов идентичности. Однако, как будет показано далее, степень дифференциации и расставление акцентов в репрезентации образа погибшего имеют значительные различия в разных источниках.

Различия дискурсов

В рамках онлайн-освещения и обсуждения военных смертей можно выделить два основополагающих типа дискурса: институционализированный некролог, то есть инициированный через СМИ региональной администрацией («сверху вниз»), и социально-групповой, или частный, формирующийся на персонализированных платформах (таких как сообщества взаимной поддержки,

новостей СВО или группы по выплатам в социальных сетях). Частный дискурс замкнут преимущественно сам на себя, то есть циркулирование информации происходит внутри него: индивиды в рамках сообществ и отдельных обсуждений обмениваются информацией и мнениями. Рассмотренные нами некрологи относятся преимущественно к институциональному типу дискурса. Хотя социальное тело солдата и является продуктом коллективного реконструирования [Zambenardi, 2022; Рождественская, 2014], в то же время наблюдается асимметрия и однонаправленность институционального дискурса: он создается и транслируется группами, осуществляющими легитимацию потерь в медиапространстве, в то время как стороне потери дается очерченная строгими рамками роль. Носители социально-группового дискурса не стремятся политизировать и идеологизировать образ погибшего; как правило, их дискурсивные притязания ограничиваются отдельными аспектами биографии комбатанта:

*«Друзей Данила Александрович заводил легко, рассказывает его старшая сестра — Юлия:
— Он был очень веселым, общительным, увлекался спортом»* [Приложение 1. Некролог 39].

Два подвида военных некрологов — административного авторства и написанные профессиональными журналистами — по-разному раскрывают личность солдата и в целом демонстрируют разный стиль изложения. Тексты от лица администраций написаны более шаблонно, интонационно ровно и сухо, следуют жанровым предписаниям; по объему они обычно сжаты. В них либо вовсе не приводятся личностные особенности погибшего, либо они излагаются абстрактно и поверхностно, не выделяя индивидуальности и уникальности героя. Основная цель таких текстов — подчеркнуть героизм, преданность и жертву погибшего, однако при этом они мало затрагивают более обыденные аспекты его жизни, находящиеся вне контекста службы. В попытке создать вдохновляющий образ героя получается отдаленная и несколько нереалистичная фигура, сведенная к символу.

На контрасте с иницированными властью, некрологи, написанные профессиональными журналистами, обычно более многослойны и детализированы: в них конструируется образ павших на основе множественных идентичностей и ролей, без редуцирования биографии героя лишь к роли солдата. В данном случае акцент делается на действительно индивидуальных, конкретизированных характеристиках, иногда, казалось бы, незначительных деталях, придающих уникальность личности погибшего: *«Любимый цвет — темно-синий. ... Любимый предмет — история»* [Приложение 1. Некролог 3].

Несмотря на ограничения публикаций некрологов со стороны Минобороны, у людей все еще сохраняется потребность в публичном поминовении, что, вероятно, и породило следующий, промежуточный, тип дискурса. В коммерческих медийных источниках некролог претерпевает изменение

Получил орден Мужества посмертно: в Оренбургском районе простились с погибшим бойцом

26 августа 2023, 08:52

В Оренбургском районе простились с погибшим бойцом СВО

Боец Алексей Ситмамутов погиб в ходе выполнения боевых задач в зоне специальной военной операции, об этом рассказали в администрации Оренбургского района.

Алексей Ситмамутов родился в Оренбурге в 1978 году. Здесь же он окончил школу №71. Затем мужчина отправился проходить срочную службу в армии.

После этого Алексей работал водителем-экспедитором, слесарем локомотиворемонтного завода.

— Служил в зоне проведения специальной военной операции Российской Федерации. Погиб 9 августа 2023 года при выполнении боевой задачи, — рассказали в администрации Оренбургского района.

Погибший боец был награжден орденом Мужества посмертно. Прощание с Алексеем состоялось в Подгородней Покровке. Церемония прошла со всеми воинскими почестями, на ней присутствовали родные и близкие погибшего воина.

Фото 3. Пример административного некролога [Приложение 1. Некролог 38].

от формализованного, сжатого и однонаправленного описания в сторону более многослойной и эмоционально насыщенной формы. В этих текстах стали фигурировать частные, эмоциональные аспекты описания: отводится место семье и близким солдата, их эмоциям и непосредственному взгляду на личность погибшего и произошедшие с ним события; при этом в тексты инкорпорирован легитимирующий институциональный язык. Это сохраняет функцию некролога как средства обоснования смерти, одновременно делая его более эффективным в выполнении функции поминовения.

Таким образом, структурная вариация между разными группами дискурсов выражается в степени внимания к мемориализации, то есть работе над социальным телом: в публицистических некрологах делается ставка не только на легитимирующие аспекты гибели, но и на попытки осмысления биографии ввиду ценности частного социального мира погибшего. Тем не менее отражение частных настроений является неглубоким и селективно отобранным; оно не противопоставляется обоснованию, положительной валидации гибели героя. Вместе с возвышенной, абстрактной и направленной институционально «сверху вниз» скорбью появляется «горизонтальная» оценка гибели.

Социальные значения гибели солдата

Повествование о солдате выстраивается в некрологе вокруг его главного биографического события — гибели на поле боя. Все указанное в некрологе либо подводит к ней, либо исходит из нее.

Гибель в некрологах часто рассматривается через призму символического обмена, что часто можно проследить на примере формулировок «отдать жизнь за родную землю/Родину/свободу/...». Происходит символическая трансформация жизни солдата, отдающего жизнь в обмен на еще более важные и глобальные моральные ценности. С одной стороны, жизнь и физическое тело солдата сами по себе ценны, что демонстрируется через индивидуализацию и выражение скорби, однако интересы Родины представляются как что-то настолько неизмеримо более ценное и важное (фактически бесценное), что беспрекословно превосходят даже человеческую жизнь. Особой ценностью обладают добровольный обмен и высокая агентность в отношении собственной смерти; это наполняет образ жертвы решимостью и самоотверженностью. Смерть каждого солдата становится символом бескорыстия. Герои некрологов нередко представлены как самостоятельно и осознанно выбравшие свой путь в отношении военной службы и собственной гибели: *«Стремился уйти на специальную военную операцию»* [Приложение 1. Некролог 3].

Отношение к гибели солдата можно рассмотреть через две дополняющие друг друга призмы оценок, являющиеся по сути осями дискурсивного измерения смерти: героизм, то есть наделение смерти осмысленностью, торжественностью и положительными моральными коннотациями, и трагизм — наделение смерти негативными аффективными и моральными оценками, сожаление о жертве. В посвященных СВО некрологах гибель осмысляется, используя терминологию К. Фриска [Frisk, 2018], как патриотический героизм, где акцент делается на высоких моральных стандартах, сопряженных с патриотической риторикой и ставших мотивом жертвы. Смерть в бою описывается в категориях подвига и долга, которым солдат был связан и который должен был отдать, и если человек погиб, значит, он вернул долг, расплатился, и все встало на свои места: *«мужественно защищал Родину и с честью выполнил свой воинский долг»* [Приложение 1. Некролог 28].

Героизация образа человека и самого события достигается через положительную коннотацию и выстраивание в тексте связей со значимыми коллективными культурными символами и событиями, например, Великой Отечественной войны: *«Боль от потери Кирилла останется с нами вечно. Так же, как боль от каждой потери в Великой Отечественной войне. Наши воины продолжают бой, начатый почти век назад, бой с нацизмом»* [Приложение 1. Некролог 3]. Текущие события рассматриваются как продолжение другого конфликта, закрепленного в коллективной памяти и являющегося символическим воплощением истории народа. Этот коллективный опыт не завершен и не законсервирован как далекое «легендарное» и абстрактное событие, его символически возобновляют и продолжают. Своей жертвой солдат вносит вклад в коллективное, национальное бессмертие, а в качестве

компенсации смерть описывается в категориях подвига, достойного запечатления в коллективной памяти: *«Мы всегда будем помнить этот подвиг»* [Приложение 1. Некролог 2].

В отличие от сложносоставного трагизма, сопровождаемого потерей смысла гибели и обесцениванием идеалов, в данном исследовании трагизм рассматривается как более простая перспектива, не отрицающая положительного. Трагизм в некрологах выражается через репрезентацию потери как тяжелой, эмоционально насыщенной и удручающей, но в сочетании с героизмом он является осмысленным, не пассивно-жертвенным, а, напротив, достойным. При всем трагизме утрата и ее аффективно-моральная тяжесть не обесцениваются: *«Невыносимо тяжелая потеря легла на плечи...»* [Приложение 1. Некролог 9]. Напротив, на фоне актуализации тяжести потери героизм обретает еще большую ценность и осмысленность. Индивидуализация погибшего и акцент на «молодой» смерти работает как инструмент интенсификации трагизма потери: *«Жизнь нашего земляка-воина оборвалась слишком рано»* [Приложение 1. Некролог 26]. Таким образом происходит органичное сплетение трагизма и героизма в дискурсе героизации и идеализации солдат, усиливая эффективность легитимации: *«Разделяя боль утраты, мы испытываем чувство гордости за стойкость и мужество нашего земляка»* [Приложение 1. Некролог 25].

Репрезентацию гибели солдат можно также рассмотреть через утешающие перспективы, часто сочетающиеся между собой: легитимацию, эстетизацию и сентиментализацию. Эти перспективы фокусируются на различных аспектах гибели, создавая сложную структуру ее представления и восприятия.

Легитимация, подробно рассмотренная ранее, освещает нормативно-этический аспект потерь, обосновывая их целесообразность и необходимость. Эстетизация — это представление смерти в поэтическом и облагороженном виде, часто через использование символических и метафорических элементов, что превращает некролог в романтизированный эпос, легенду. Эффект достигается с помощью поэтического языка, метафор, литературных оборотов, превращающих сообщение о смерти в художественное отображение жертвы: *«Кто-то встретит грудью пуль горячих рой»* [Приложение 1. Некролог 23]. Используются также лексемы, представляющие смерть солдата как нечто торжественное: *«героически погиб воин»* [Приложение 1. Некролог 5]. Сентиментализация обращает внимание на эмоциональные аспекты потери и проявляется через трагическую линзу восприятия, вовлекая читателя в потерю и скорбь. Мотивы службы и ведения боевых действий представляются драматически, как призвание: *«он по зову сердца поехал на СВО»* [Приложение 1. Некролог 35]. Сентиментализация облика выражается через эмоциональные описания подробностей биографии героя; такие положительные характеристики усиливают его жертвенность. Этот подход укрепляет эмпатию со стороны читателя и придает смерти более глубокий, персонализированный контекст, выходящий за рамки обычной военной сводки.

Скорбь, память и эмоции

Отдельные абзацы некрологов посвящены выражению соболезнования и описанию ритуалов прощания: *«похоронен под залпы почетного караула на воинском захоронении нового городского кладбища»* [Приложение 1. Некролог 16]. Церемонии прощания, как и их отражение в некрологах, обеспечивают ритуализацию коллективного признания жертвы, укрепляют связи между армией и гражданским населением, а также между властью и населением, поскольку демонстрируют солидарность власти с носителями экзистенциальных рисков и вовлеченность в скорбь. Ритуалы по увековечиванию памяти играют важную роль в формировании групповой идентичности и коллективной памяти.

В некрологах часто выражается морально-эмоциональная причастность административной власти к потере и демонстрируется позиция власти, согласно которой жизнь и физическое тело солдата — это что-то важное, несущее в себе моральную ценность: *«Глава города Абакана Алексей Лемин разделяет невыносимую тяжесть потери Кирилла с его родными, близкими, друзьями, сослуживцами»* [Приложение 1. Некролог 3]. Сочувствие близким через некролог выражается для того, чтобы подчеркнуть вовлеченность в горе и вывести потерю из статуса локально-семейного события, придав ей коллективную значимость. Масштаб трагизма и скорби — еще одно подтверждение ценности жизни, а также репрезентация солидарности: *«Скорбим всем городом, республикой, страной»* [Приложение 1. Некролог 8].

В большинстве проанализированных некрологов выражаются соболезнования, причем зачастую обезличенно, будто нет субъекта скорби и соболезнования в лице конкретных людей, что проявляется в конструкциях «мы скорбим», «город скорбит». При этом почти не отражаются эмоции встречной скорбящей стороны. Приводятся цитаты близких со сведениями о солдатах, но цитат, в которых выражался бы аффект самих близких по отношению к потере, обнаружено не было.

Можно сделать вывод, что в некрологах доминирует институциональная дискурсивная модель, в ее логике траур проникает в медийное пространство и становится элементом публичного дискурса, воздействуя посредством усиления героизма жертвы через трагизм. При этом в такой дискурсивной репрезентации смерти солдат наблюдается тенденция к управлению аффектами: некрологи составлены таким образом, чтобы сформировать определенное эмоциональное восприятие потери у читателей и выразить вовлеченность в скорбь близких погибшему людей. Однако эмоции, исходящие непосредственно от «пострадавшей» стороны, не демонстрируются и не обсуждаются, дискурсивно для них нет места.

В некрологах конструируется обязательство коллективной ответственности общества по сохранению памяти о погибших, что подчеркивает стремление к увековечиванию жертв и гарантию символического бессмертия, превращая их в символы национальной гордости и морального долга: *«Чтить бессмертную память об участниках СВО и передавать ее из поколения*

в поколение — наш общий долг» [Приложение 1. Некролог 22]. Этот прием усиливает идеологию патриотического самопожертвования, делая память о погибших частью публичной памяти.

Выводы

Некролог представляет собой многоуровневый дискурсивный документ, состоящий из сюжетного нарратива, системы оценок и имплицитного семантического моста. Эти взаимосвязанные уровни некролога как текста формируют у читателя комплексное и оценочное восприятие личности солдата и его гибели, концептуально выделенных феноменов, которые логически и символически связываются друг с другом в дискурсивном предъявлении: личность солдата и его военная служба подводят к его смерти, органично связываясь с ней в единый нарратив. Для этого личность героя должна быть идеализирована, представлена в положительном ключе, поскольку оценка образа солдата распространяется на оценку его гибели.

В кейсе СВО властный дискурс проходит фильтрацию и дифференциацию, будучи опосредованным платформой размещения. В рамках онлайн-некрологов можно выделить два субдискурса: официальный, или административный, представленный на медиаканалах и онлайн-порталах региональных властей, и публицистический, воспроизводимый профессиональными журналистами в связанных с администрациями медийных источниках. Им обоим свойственна монополизация и однонаправленность информации и оценок, однако во втором обнаруживается влияние частного дискурса на институциональные практики предъявления гибели, что порождает промежуточные дискурсивные формы. Степень индивидуализации погибших варьируется между источниками. Публицистический дискурс фокусируется на сентиментализации и диверсификации образа павшего солдата, предоставляя многоаспектную и подробную идентичность, не сводимую к функции воина и/или жертвы. Тексты некрологов, создаваемые в рамках административного дискурса, демонстрируют отстраненность и сильное сужение аспектов идентичности. Журналистский дискурс представляет собой неглубокое и селективное отображение обыденного дискурса для публичной репрезентации.

Смерть солдата в институционализированной онлайн-мемориализации репрезентируется через две оси дискурсивного измерения: героизм и трагизм; оба этих социальных аспекта гибели представлены в высокой степени и органично сплетаются между собой в единую систему оправдания, формирующую нарратив о ценности жизни и идеалов, за которые была отдана эта жизнь. Смерть солдата рассматривается как символический обмен. Помимо этого, гибель обзревается из трех утешающих перспектив: легитимации (морального освещения), эстетизации (художественного освещения) и сентиментализации (эмоционального освещения), — представляющих гибель солдата многомерным и патетическим событием. Таким образом, некрологи представляют собой явление (пере)присвоения смыслов, связанных с идентичностью и гибелью

солдата, ее важностью и осмысленностью. Воссоздавая институциональную модель скорби, доминирующий дискурс некрологов обретает монополию на репрезентацию гибели, горя и прочих сопутствующих феноменов. Некрологи — это не единственный, но важный канал для донесения обществу, почему в боевых действиях гибнут солдаты и в чем оправдывающая целесообразность этих жертв. Институты, выступающие через этот дискурсивный канал, призваны утешать и мотивировать читателей, придавая смысл утратам. Для этого инстанции производства некрологов порождают и воспроизводят язык, делающий возможным это объяснение.

Литература / References

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.

Bauman Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society]. Moscow: Logos. (In Russ.)

Лебел У. Паноптикум смерти: институциональные формы потерь близкого человека // Acta Sociologica. 2011. Т. 54. № 4. С. 351–366.

Lebel U. (2011) Panopticon of Death: Institutional Design of Bereavement. *Acta Sociologica* [Acta Sociologica]. Vol. 54. No. 4. P. 351–366. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Размер выборки в качественном исследовании // Современная социология — современной России. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 271–277.

Rozhdestvenskaya Ye. Yu. (2012) Razmer vyborki v kachestvennom issledovanii [Sample Size in a Qualitative Study]. *Sovremennaya sotsiologiya — sovremennoj Rossii* [Modern Sociology in Modern Russia]. Moscow: NIU VShE. P. 271–277. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Энграмма Афгана: что предпочитают помнить ветераны Афгана и общество о погибших «афганцах» // Право на имя: Биографика XX века. Одиннадцатые чтения памяти Вениамина Иофе. СПб.: Норма, 2014. С. 80–96.

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2014) Engramma Afgana: chto predpochitayut pomnit veterany Afgana i obshchestvo o pogibshih "afgancah" [The Engram of Afghanistan: What Do Afghan Veterans and Society Prefer to Remember about the Dead "Afghans"]. *Pravo na imya: Biografika XX veka. Odinnadtsatye chteniya pamyati Veniamina Iofe* [Right to a Name: Biographies of the 20th Century. Eleventh Readings in Memory of Veniamin Iofe]. SPb.: Norma. P. 80–96. (In Russ.)

Сычева Е. В. Понятие дискурса масс-медиа и методы его изучения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 3. С. 261–267. EDN: NYCAKP

Sycheva Ye.V. (2011) The Concept of Mass Media Discourse and Methods of Its Study. *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i meditsinskikh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences]. No. 3. P. 261–267. (In Russ.)

Штейнберг И. Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 38. С. 38–71. EDN: SZSTPJ

Steinberg I. E. (2014) A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling]. No. 38. P. 38–71. (In Russ.)

Acton C. (2007) *Grief in Wartime. Private Pain, Public Discourse*. New York: Palgrave Macmillan.

Askildson L. (2007) Discoursal & Generic Features of US Army Obituaries. *Language, Meaning and Society*. No. 1. P. 77–105.

Bonsu S. K. (2002) Advertising Death and Identity through Obituaries in Ghana. *Advances in Consumer Research*. Vol. 29. P. 510–536.

Danilova N. (2015) The Politics of Mourning: The Virtual Memorialisation of British Fatalities in Iraq and Afghanistan. *Memory Studies*. Vol. 8. No. 3. P. 267–281. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698014563874>

Fairclough N. (2015) *Language and Power (3rd ed.)*. New York: Routledge.

Fowler B. (2007) *The Obituary as Collective Memory*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203015964>

Frisk K. (2018) Post-Heroic Warfare Revisited: Meaning and Legitimation of Military Losses. *Sociology*. Vol. 52. No. 5. P. 898–914. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038516680313>

Gorsky M. (2012) Death in War and Peace: A History of Loss and Grief in England, 1914–1970. *The Journal of Modern History*. Vol. 84. No. 4. P. 965–967. DOI: <https://doi.org/10.1086/667643>

Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. (1986) The Causes and Consequences of a Need for Self-Esteem: A Terror Management Theory. In: Baumeister R. F. (ed.) *Public Self and Private Self*. New York: Springer-Verlag. P. 189–212.

Hodges A. (2015) *War Discourse. The International Encyclopedia of Language and Social Interaction*. Ed. by K. Tracy, C. Ilie, T. Sandel. Boston: Wiley-Blackwell. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118611463.wbielsi026>

Hume J. (2000) *Obituaries in American Culture*. Mississippi: University Press of Mississippi.

King C. R. (2001) Blood Sacrifice and the Nation: Totem Rituals and the American Flag. *American Ethnologist*. Vol. 28. No. 1. P. 223–225. DOI: <https://doi.org/10.1525/ae.2001.28.1.223>

Mosse G. L. (1990) *Fallen Soldiers. Reshaping the Memory of the World Wars*. New York: Oxford University Press.

Pajari I. (2015) Soldier's Death and the Logic of Sacrifice. *Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences*. Vol. 19. P. 179–201.

Pajari I. (2014) "Us", "Them" and the Fallen — The Burial of Fallen Soldiers and the Image of the Enemy. *Binaries in Battle*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing. P. 16–48.

Rosenblatt A., Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T., Lyon D. (1989) Evidence for Terror Management Theory I: The Effects of Mortality Salience on Reactions to Those Who Violate or Uphold Cultural Values. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 57. P. 681–690. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.4.681>

Taussig D. (2017) Your Story Is Our Story: Collective Memory in Obituaries of US Military Veterans. *Memory Studies*. Vol. 10. No. 4. P. 459–473. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698016653441>

Zambernardi L. (2022) Western Attitudes toward Soldiers' Death: From the Early Modern Period to the Present. *Mortality*. Vol. 27. No. 3. P. 272–288. DOI: <https://doi.org/10.1080/13576275.2020.1864723>

Сведения об авторе:

Матвеенко Регина Олеговна — магистр социологии, магистерская программа «Комплексный социальный анализ», «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** romatveenko@edu.hse.ru

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

Принята к публикации: 23.02.2025

.....

Representation of Soldiers' Death: Discourse Analysis of Military Obituaries in the Context of the Special Military Operation

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.4

Regina O. Matveenko HSE University, Moscow, Russia
E-mail: romatveenko@edu.hse.ru

The article is dedicated to a critical analysis of military obituaries published in the context of the Special Military Operation. The focus is on how obituaries shape public perceptions of soldiers' deaths and which ideological narratives are supported through these texts. The study examines the structures and discursive affiliations of the obituaries, the narratives they represent, and the strategies of war legitimation, soldier heroization, and comforting the grieving. Using qualitative discourse analysis, 50 obituaries published by May 2024 were analyzed. The results highlight strategies for presenting and discursively measuring soldiers' deaths through the concepts of self-sacrifice, the social body, and death as symbolic exchange, as well as methods for constructing soldiers' identities and the value of their lives. The findings demonstrate that obituaries function as an important tool of dominant discourse in shaping collective memory and public opinion.

Keywords: discourse analysis, military discourse, obituaries, soldier's death, representation of death

Author Bio:

Regina O. Matveenko — MA in Sociology, Master's Programme "Complex Social Analysis", HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** romatveenko@edu.hse.ru

Received: 15.10.2024

Accepted: 23.02.2025

Выборка некрологов

Порядковый номер некролога	Ссылка на некролог
1	URL: https://ok.ru/tanguyfore/topic/156083750560705 (дата обращения: 18.04.2024)
2	URL: https://stepnoe-adm.ru/news/nekrolog2810/ (дата обращения: 18.04.2024)
3	URL: https://shansonline.ru/index.php/novosti/item/26992-u-nego-byl-osobennyj-sklad-kharaktera-nekrolog-pamyati-pogibshego-v-zone-svo-kirilla-aleksandrovicha-ponomareva (дата обращения: 18.04.2024)
4	URL: https://svidetel24.info/archives/111562 (дата обращения: 19.04.2024)
5	URL: https://svidetel24.info/archives/103175 (дата обращения: 19.04.2024)
6	URL: https://svidetel24.info/archives/111588 (дата обращения: 19.04.2024)
7	URL: https://krsk.aif.ru/society/lyubil-muzyku-i-semyu-pohoronili-uchastnika-svo-aleksandra-pinkfloyda (дата обращения: 20.04.2024)
8	URL: https://krsk.aif.ru/society/nash_angel-hranitel_hakasiya_prostilas_s_pogibshim_v_dnr_geroem_bykasovym?from_inject=1 (дата обращения: 20.04.2024)
9	URL: https://vk.com/wall-166300240_14951 (дата обращения: 21.04.2024)
10	URL: https://dzen.ru/a/ZjIEOZ6gTieKrerL (дата обращения: 21.04.2024)
11	URL: https://stepnoe.bezformata.com/listnews/nekrolog/119628448 (дата обращения: 22.04.2024)
12	URL: https://gazetamordovo.ru/news/society/2024-05-02/v-posledniy-put-provodili-uchastnika-svo-iz-mordovskogo-okruga-232424 (дата обращения: 22.04.2024)
13	URL: https://заря-яны.рф/48958-2/ (дата обращения: 23.04.2024)
14	URL: https://победаипамять.рф/hero8293 (дата обращения: 23.04.2024)
15	URL: https://megatyumen.ru/proisshestiya/otlichnyj-byl-pacan-na-svo-pogib-zhitel-tobolska-yurij-fomin/ (дата обращения: 24.04.2024)
16	URL: https://tikhvin.org/about/info/news/index.php?ELEMENT_ID=32001 (дата обращения: 24.04.2024)
17	URL: https://sakh.online/news/18/2023-02-07/uchitel-pogibshego-na-svo-sahalintsa-podelilas-vozpominaniyami-o-nem-358689 (дата обращения: 25.04.2024)
18	URL: https://vk.com/wall-50332460_6027660 (дата обращения: 25.04.2024)
19	URL: https://vk.com/wall-58801394_911951 (дата обращения: 26.04.2024)
20	URL: https://vk.com/wall-58801394_913574 (дата обращения: 26.04.2024)
21	URL: https://vk.com/wall-58801394_908083 (дата обращения: 27.04.2024)

Порядковый номер некролога	Ссылка на некролог
22	URL: https://gazetanikiforovka.ru/articles/society/2023-08-29/on-prozhil-korotkuyu-no-dostoyuyu-zhizn-v-nikiforovskom-okruge-prostilis-s-pogibshim-uchastnikom-svo-202025 (дата обращения: 27.04.2024)
23	URL: https://vk.com/wall-216160169_161581 (дата обращения: 28.04.2024)
24	URL: https://bgtrk.ru/news/society/247895/ (дата обращения: 28.04.2024)
25	URL: https://vk.com/wall-198934919_19725?hash=bb4399b9c12f196bac (дата обращения: 29.04.2024)
26	URL: https://ashzori.ru/news/novosti-rayona/2024-05-06/geroi-ne-umirayut-a-v-nashih-serdtsah-zhivut-3755452 (дата обращения: 29.04.2024)
27	URL: https://arigus.tv/news/society/146094-v-buryatii-prostilis-s-mobilizovannym-pogibshim-na-svo/ (дата обращения: 30.04.2024)
28	URL: https://t.me/admkam34/18957 (дата обращения: 30.04.2024)
29	URL: https://gazetapetrovka.ru/articles/society/2024-04-08/za-spiny-pryatatsya-ne-mogu-v-petrovskom-okruge-provodili-v-posledniy-put-uchastnika-svo-229253 (дата обращения: 01.05.2024)
30	URL: https://tvrtambov.ru/news/v-tambovskoj-oblasti-prostilis-s-uchastnikom-svo-12/2024/04/10/ (дата обращения: 01.05.2024)
31	URL: https://www.zg66.ru/publications/societys/12933-2022-05-27-11-27-02.html (дата обращения: 02.05.2024)
32	URL: https://omskgazeta.ru/all-news/dva-omicha-pogibli-na-svo/ (дата обращения: 02.05.2024)
33	URL: https://gorod55.ru/news/2024-05-11/na-svo-pogib-molodoy-omich-viktor-kapralov-5079060 (дата обращения: 03.05.2024)
34	URL: https://crimea.ria.ru/20240511/v-sevastopole-prostilis-s-uchastnikom-svo-andreem-chervonenko-1137198394.html (дата обращения: 03.05.2024)
35	URL: https://m.ok.ru/group/68725433434170/topic/156483144917818?opncmnt дата обращения: 04.05.2024)
36	URL: https://kzgazeta.ru/news/Z/2024-05-10/neftekamsk-prostilsya-s-uchastnikom-svo-valeriem-borisovichem-sokolovym-3760324 (дата обращения: 04.05.2024)
37	URL: https://gus-info.ru/obituaries/121-v-rezultate-voennyx-deistvii-v-xode-specoperacii-po-demilitariz (дата обращения: 04.05.2024)
38	URL: https://56orb.ru/news/2023-08-26/poluchil-orden-muzhestva-posmertno-v-orenburgskom-rayone-prostili-s-pogibshim-boysom-3023086 (дата обращения: 05.05.2024)
39	URL: https://shansonline.ru/index.php/novosti/item/20405-kazalos-что-emu-vsjo-dajotsya-legko-pamyati-pogibshhego-v-khode-svo-danila-svobodina (дата обращения: 05.05.2024)

Порядковый номер некролога	Ссылка на некролог
40	URL: https://t.me/kniga_pamyati_SVO/392 (дата обращения: 05.05.2024)
41	URL: https://герои-сво.рф/ (дата обращения: 05.05.2024)
42	URL: https://msk.kprf.ru/2023/10/29/244398/ (дата обращения: 05.05.2024)
43	URL: https://izhetskij-r11.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_770.html (дата обращения: 05.05.2024)
44	URL: https://bgtrk.ru/news/incidents/245621/ (дата обращения: 05.05.2024)
45	URL: https://www.d-kvadrat.ru/novosti/28381 (дата обращения: 05.05.2024)
46	URL: https://vsluh.ru/novosti/obshchestvo/na-svo-pogib-lesopozharnyy-iz-tyumenskoy-oblasti-artem-dolgikh_402775/ (дата обращения: 05.05.2024)
47	URL: https://gazeta-n1.ru/news/politics/129505/ (дата обращения: 05.05.2024)
48	URL: https://oboz.info/u-sotrudnitsy-samarskogo-oblastnogo-suda-pogib-muzh-v-zone-svo/ (дата обращения: 05.05.2024)
49	URL: https://gorvesti.ru/society/maksim-belov-s-pozyvnyim-belyy-iz-volgogradskoy-oblasti-pogib-v-svo-157492.html (дата обращения: 05.05.2024)
50	URL: https://www.d-kvadrat.ru/novosti/28526 (дата обращения: 05.05.2024)

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.5
EDN: ENGDQX

Дискурс социальной политики как фрейм нового репертуара гендерных контрактов жен мобилизованных

Ссылка для цитирования:

Осокина Д. А. Дискурс социальной политики как фрейм нового репертуара гендерных контрактов жен мобилизованных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 1. С. 87–107. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.5> EDN: ENGDQX

For citation:

Osokina D. A. (2025) Social Policy Discourse as a Frame of a New Repertoire of Gender Contracts for Wives of the Mobilized. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 1. P. 87–107. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.5>

Осокина Дарья Александровна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: dosokina@hse.ru

Статья посвящена изучению модели социальной политики, направленной на поддержку семей мобилизованных в России, как инструмента продвижения предпочитаемого гендерного контракта. Семьи мобилизованных, не имея опыта взаимодействия с институтом армии, в условиях военного конфликта вынуждены в короткий срок адаптироваться к мерам социальной политики. Контекст исследования: семейная политика становится приоритетной в РФ не только как поддержка социально уязвимых семей участников СВО, но и как идеологический инструмент для формирования нового баланса властных гендерных отношений в российских семьях, которых коснулась милитаризация. В исследовании используется критический дискурс-анализ, который позволяет изучить дискурс социальной поддержки в риторике законодателей, а также оценку этих мер женами мобилизованных в коллективных дискурсах тематических онлайн-чатов. В результате анализа семейная политика в отношении семей мобилизованных характеризуется как традиционно направленная и патерналистская, показано, что сохраняется разрыв между нормативными

представлениями о социальной адресной помощи и реализуемыми мерами. Жены мобилизованных отмечают удовлетворенность монетарным уровнем поддержки, но также и трудности в получении косвенных льгот, неповоротливость системы в оказании персонализированной помощи. Репертуар женских гендерных контрактов дифференцируется, возникает специфическая нагрузка на жен мобилизованных: помимо занятости на рынке труда, ведения домашнего хозяйства и воспитания детей, на женщину возлагаются заботы по частичному обеспечению мужа — участника СВО — и маскулинные домашние обязанности, замещающие вклад отсутствующего главы семейства.

Ключевые слова: социальная политика; гендерный контракт; семьи мобилизованных; критический дискурс-анализ

Благодарность. Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Введение

Проведенное исследование посвящено изучению дискурса социальной политики относительно гендерных контрактов в семьях мобилизованных к участию в специальной военной операции (СВО). Актуальность исследования обусловлена тем, что к участию в СВО привлечены не только профессиональные военные, по частичной мобилизации на военную службу были призваны граждане, пребывающие в запасе и не имеющие права на отсрочку, а также добровольцы. Хотя в указе о частичной мобилизации не прописано, какие именно группы подпадают под нее, заявления официальных лиц указывают на то, что в первую очередь призывают «граждан в возрасте до 35 лет (первый разряд запаса), прошедших военную подготовку по конкретным военно-учетным специальностям (срочную или контрактную службу) и уволенных в запас»¹. Из доклада Минобороны² следует, что «57% мобилизованных россиян женаты, 56,3% имеют детей. У 31% в семье один ребенок, у 25% — два, трое детей есть только у 0,3%», и большинство мобилизованных получили только среднее образование. Таким образом, как показывают статистические данные, мобилизованный на СВО — преимущественно семейный человек с детьми. Уйдя на СВО, он оставил дома близких, чья повседневность теперь обусловлена этими обстоятельствами, но они должны работать, зарабатывать на жизнь, воспитывать детей, выполнять рутинные внутрисемейные обязанности. И не только.

¹ Как поддерживают участников СВО и членов их семей в 2023 году // Государственная Дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/56145/> (дата обращения: 16.11.2023).

² Минобороны составило социальный портрет мобилизованного // Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/society/503479-minoborony-sostavilo-social-nij-portret-mobilizovannogo> (дата обращения: 03.03.2024).

Наш интерес заключается в том, чтобы узнать, как фреймирована на уровне социальной политики жизнь жен мобилизованных, что изменилось, наложилось или добавилось к тому негласному гендерному контракту как совокупности социальных ожиданий, который стоит за ролевыми распределениями в семье у мужчин и женщин и претерпевает изменения в контексте СВО.

В России основной гендерный контракт таков: мужчина — кормилец и защитник, женщина — работающая мать [Айвазова, 2001; Роткирх, Темкина, 2007]. Женская часть гендерного контракта заключается в «сочетании женщиной производственной деятельности с материнством и заботой о семье», а со стороны государства обеспечивается социальная поддержка в воспитании детей [Роткирх, Темкина, 2007]. Важным инструментом изменения гендерных режимов является семейная политика [Чернова, 2013], которая оформляет нормативную базу для повседневного гендерного контракта, обеспечивает его государственную идеологию, расставляет приоритеты поддержки. В отношении семей участников СВО обозначен их приоритет в семейной политике, судя по публичным высказываниям государственных деятелей и трендам бюджетной политики РФ на 2024 год^{3,4}.

Адаптация советских гендерных контрактов к военным и социально-трансформационным периодам характеризуется как «пассивное приспособление к изменяющейся гендерной политике», которое обеспечивается женщинами через гомосоциальные связи и более традиционное гендерное разделение труда [Здравомыслова, Темкина, 2003: 314]. Так, прикладное исследование гендерных контрактов в семьях военнослужащих Дальневосточного военного округа, проведенное в 2006 году, выделяет характерные условия адаптации контрактов в постсоветский период: в зависимости от того, как члены семьи перераспределяют обязанности в приватной и публичной жизни, формируются варианты гендерных контрактов [Кривцова, 2006].

В контексте внезапности СВО семьи не могли заранее подготовиться к мобилизации⁵. В отличие от семей профессиональных военных, семьи мобилизованных в большинстве своем не имели опыта организации образа жизни, тесно связанного с институтом вооруженных сил в условиях военного конфликта, и им приходится адаптироваться к вынужденной милитаризации в короткие сроки. Это означает, что сложившаяся в мирное время система гендерных контрактов как ролей и взаимных ожиданий или предписаний претерпевает напряжение и видоизменяется, расширяя репертуар существующих гендерных контрактов на фоне меняющихся требований государства к семье. В этой статье мы ответим на вопрос, какой гендерный контракт для семей мобилизованных нормативно продвигает государственный дискурс, как ретранслирует его в социальной политике, наконец, как он дифференцирован в дискурсивных практиках жен мобилизованных.

³ Там же.

⁴ В Москве в 2024–2026 годах продолжат комплексную поддержку участников СВО // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18970987> (дата обращения: 16.11.2023).

⁵ Песков ответил на вопрос о мобилизации в России // ФОНТАНКА — новости Санкт-Петербурга. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/09/13/71650955/> (дата обращения: 15.03.2024).

Институциональная поддержка семей профессиональных военных за рубежом

Исследования гендерных контрактов в контексте взаимодействия с институтом армии и опытом вооруженных конфликтов практически не ведутся. Тем интереснее, как раскрывается эта тематика в зарубежной научной сфере. Как отмечают исследователи в глобальном контексте, милитарный эффект проявляется не только как распространение военных практик на гражданскую сферу, но и через более сложные процессы, связанные с идеологическим формированием гендерных установок, что приводит к усилению гендерного неравенства и долгосрочным изменениям в гендерном режиме страны [Sjoberg, Via, 2010: 8]. Семьи профессиональных военных, как показывают результаты исследований, испытывают высокий уровень стресса, связанный не только со страхом за жизнь близких, но и с повышенными рисками долгосрочных последствий для физического и ментального здоровья своих близких, сужающих их перспективы на рынке труда и зачастую приводящих к безресурсности военнослужащего [Zinn, 2011]. В то же время жены военнослужащих берут на себя дополнительную эмоциональную работу по поддержке мужей и других членов семьи [Segal, 1986]. На них также ложится приспособление гендерных контрактов к изменениям в понимании собственных ролей в семье: зачастую от них требуется существенная уступка собственных профессиональных амбиций в пользу карьеры мужа и представлений института армии об их месте в обществе [Ziff, Garland-Jackson, 2020]. Это субординирование женщины в пользу ее зависимости от мужа результирует в «ограниченные карьерные пути, более низкие доходы, подавленные амбиции» [Kleykamp, 2012: 144]. Особенно сложным для жен военных становится поддержание баланса жизни и труда в условиях масштабных военных конфликтов [Enloe, 2000].

Отдельным фокусом работы социального института армии, например, в США, является целевая гендерная социализация семей военных, которая важна для сохранения лояльности солдат и эффективности в бою, поэтому исследования семей военных (*military families*) получают институциональную поддержку [Horn, 2010]. Эти исследования фокусируются на проблеме конфликта приватной и публичных сфер в лице «ненасытных» институтов (*greedy institutions*) семьи и армии в борьбе за ресурсы военного [Moelker, Andres, Rones, 2019; Segal, 1986]. Как известно, институт армии построен на «гегемонной маскулинности» [Connell, 2013], которая предполагает полную субординацию женщины по отношению к мужу и армии, ее жизнь привязана к службе мужа [Eran-Jona, 2011; Segal, 1986; Truusa, Kasearu, Strömpl, 2021; Ziff, Garland-Jackson, 2020]. Ожидается, что женщины «держат семью на себе» и участвуют в милитаризованном социальном воспроизводстве (*militarized social reproduction*) [Hedström, 2022]. В гендерном разделении труда жены военных полностью забирают на себя сферу частного, что выливается в проблемы с физическим и ментальным здоровьем, приводит к ощущению себя

единственным родителем, к большим объемам неоплачиваемого и невидимого труда на нужды армии и мужа-военного, к ограниченности личных карьерных возможностей [Harrison, Laliberté, 1994; Moelker, Andres, Rones, 2019; Hedström, 2022].

В 1980-х годах исследователи этой темы предсказывали, что с увеличением числа двухкарьерных семей и более сбалансированным распределением власти в семье конфликт между семьей и армией будет нарастать [Bourg, Segal, 1999; Segal, 1986], что сбылось лишь частично. Институты армии в западных странах действительно в большей степени переходят к модели профессиональной занятости военного (occupational model), менее требовательной к полной вовлеченности семей военных в их поддержку [Moskos, 1986], что, в свою очередь, приводит к диверсификации гендерных контрактов. Некоторые эгалитарные семьи для сохранения баланса жизни и труда отказываются от военной службы мужчины, обсуждая внутри семьи альтернативную занятость. Но более распространено выделение из традиционного контракта «идеальной жены военного» контракта «стойких предприимчивых жен военных», которые, сохраняя традиционные обязанности, находят в отсутствии мужа в семье источник независимости и самореализуются в публичной сфере благодаря собственной работе [Harrison, Laliberté, 1994; Hedström, 2022; Johnson, Ames, Lawson, 2022; Truusa, Kasearu, Strömpl, 2021; Ziff, Garland-Jackson, 2020]. Контракты формируются и легитимируются, в том числе благодаря социализации в сообществах военных и отдельных сообществах жен военных. В них производится персональная идентичность, которая основана на первостепенности задач и потребностей мужа-военного и понимании своего статуса как представительницы мужа-военного в обществе, оказывается взаимопомощь, складываются паттерны поведения относительно других институтов [Johnson, Ames, Lawson, 2022]. Во взаимодействии друг с другом они воссоздают стереотип идеальной жены военного, равно как и отстраиваются от стигматизируемого образа. Последний основан на чрезмерных жалобах на трудности своего положения или на требовании особого отношения к себе и большего количества льгот от армии и государства; считается неприемлемым для жены военного и полное неучастие в военной жизни мужа [Ziff, Garland-Jackson, 2020].

Социальная политика в отношении семей военных зачастую заключается в финансовой поддержке, рекреации, услугах по уходу за детьми, образовательных квотах, медицинских услугах в области физического и ментального здоровья [Bell, Stevens, Segal, 1996; Bourg, Segal, 1999; Huebner et al., 2009]. Исследователи делают вывод, что в неолиберальных системах основная задача государства в семейной политике — предоставить женам военных возможности и дополнительные силы для заботы о семье, которые позволили ли бы ей продолжать обслуживать институт армии и развивать навыки для независимого заработка [Spanner, 2022].

Социальная политика и гендерные контракты в современной России

Итак, еще раз вернемся к определению гендерного контракта. Он понимается как совокупность гендерных ролей и практик, задаваемых экономическими структурами, государственной политикой, нормами и идеологией [Здравомыслова, Темкина, 2015]. Нас особенно интересует структурный уровень гендерного контракта на пересечении социальной политики государства, рынка труда и семьи [Айвазова, 2011, 2001; Российский гендерный порядок..., 2007; Роткирх, Темкина, 2007], а также социального института армии.

Доминирующий гендерный контракт (его женская половина) как контракт «работающей матери» определился еще в СССР. В 1980-е годы контракты стали все больше дифференцироваться в неподконтрольных государству областях, а впоследствии начали разрушаться и институты социальной и идеологической поддержки материнства [Liljestrom, 1993]. Адаптация к рыночным условиям и снижение социальной поддержки привели к появлению новых контрактов карьерно ориентированной (профессионально работающей) женщины и (матери-)домохозяйки [Арутюнян, Здравомыслова, 1998]. Динамика последних лет в ориентациях социальной политики отражает скорее встречное движение на сокращение разнообразия гендерных контрактов и тренд на консервативный поворот, поддержку более традиционных контрактов [Айвазова, 2011; Savinskaya, 2024]. Так, несмотря на социальную многовариантность послеперестроечного времени, контракт «работающей матери» остается основным для России, особенно закрепляясь за более низкими доходными группами [Айвазова, 2011; Российский гендерный порядок..., 2007].

Гендерные контракты в России варьируются также по возрастным когортам [Чернова, Шпаковская, 2021] и классу (или классовым ориентациям) [Ukhova, 2022], а для мужского гендерного контракта, построенного на ведущей роли кормильца, тем не менее характерен и «побег от отцовства» (fatherhood escape) [Kashina, Tkach, 2020]. Семейная политика, как прямая, так и косвенная (например, налоговые льготы): денежная поддержка семей, институт декретного отпуска и институциональные услуги по уходу и воспитанию детей, — напрямую влияет на конфигурации гендерных контрактов, так как подталкивает граждан к предпочтительному гендерному порядку [Чернова, 2013]. Но на предложение можно ответить или отклонить его, что зависит от установок населения в отношении предпринимаемых мер социального стимулирования. В современной России семейная политика носит выраженный патерналистский характер, т.е. основана в большей степени на монетарных вознаграждениях, а функция социальной поддержки воспитания переходит на ближайшую социальную сеть и рыночные механизмы [Чернова, 2013, 2011]. В борьбе с затяжным демографическим кризисом государству предпочтительны многодетные семьи, а дешевая рабочая сила предоставляется трудовыми мигрантами, поэтому контракт «работающей матери» уже не выглядит столь желательным [Айвазова, 2011]. Перенаправление монетарной социальной помощи в поддержку материнства, но не на баланс жизни и труда

работающих матерей подпитывает разрыв между нормативными представлениями государства и экономическими возможностями населения следовать им [Borozdina et al., 2016; Morris, Garibyan, 2021].

Систематизировав литературу по теме, мы можем перейти к эмпирическому исследованию — выявлению дискурсов реализации социальной политики РФ по поддержке семей мобилизованных, корреспондирующих с поддержанным официально гендерным контрактом, и дифференциации гендерных контрактов в практиках жен мобилизованных.

Методология

В качестве рабочего инструмента анализа был выбран критический дискурс-анализ (КДА). Он используется для анализа текстов с целью выявления того, какие «структуры, стратегии или другие свойства текста, разговора, вербального взаимодействия или коммуникативных событий играют роль» в производстве или воспроизведении неравноправных властных отношений [Van Dijk, 1993: 250]. То есть в основу подхода положено такое понимание дискурса, которое указывает на его конститутивную природу: он создает, поддерживает и воспроизводит статус-кво [Wodak, Meyer, 2001]. В рамках нашей работы мы используем понятие гендерного контракта или его вариаций как выстроенную систему баланса взаимоотношений и ролей участников этой семейно-партнерской композиции — мужчин и женщин. Разумеется, и этот баланс может отражать воспроизводимые неравноправные властные отношения, конфликты интересов и т.д. Но совмещая концептуальное видение гендерной контрактации и неизбежную ее милитаризацию для семей участников СВО, мы ожидаем усложнение властной коллизии, поскольку здесь появляется новый властный институциональный актор — армия. Далее, в основе КДА лежит положение о необходимости учета контекстуальности разворачивания дискурса как *социальной практики*: в условиях стремительных социальных изменений дискурс гендерных контрактов в семьях участников СВО реконтекстуализируется через встраивание в новые институциональные и повседневные гендерные практики [Wodak, Meyer, 2001: 122–136]. В этом смысле обмен вербальными описаниями своей жизненной ситуации в связи с СВО в профильных онлайнах жен мобилизованных создает плотно репрезентируемый контекст для воспроизводимых гендерных контрактов и их вариаций.

Аналитическая модель КДА, по Н. Фэркло, также позволяет внести различия в порядок дискурса с помощью трех аналитических категорий: доминантного дискурса, дифференцирующего дискурса и противоборствующего дискурса [Wodak, Meyer, 2001; Mullet, 2018]. С этим корреспондирует идея Роткирх и Темкиной о том, что советский и российский гендерный порядок репрезентирован тремя основными типами контрактов, дополняющих друг друга: основной контракт «работающей матери», дополнительные повседневные контракты и нелегитимные контракты (попадающие в разрыв между декларативной идеологией государства и реальным положением дел в экономике

и социальной сфере) [Роткирх, Темкина, 2007]. Адаптируя эту методологию к нашим задачам, мы стремимся оценить, как социальная политика формирует доминантный дискурс и как воспринимается в дифференцирующем дискурсе:

1. В доминантном дискурсе государство предлагает свой предпочтительный гендерный контракт. Этот дискурс отражается в риторике официальных лиц и в мерах семейной политики по поддержке семей мобилизованных. Мы выделили 16 фрагментов из Посланий президента Федеральному собранию в 2023⁶ и 2024⁷ годах и 37 новостей с портала Государственной думы⁸, связанных с семьями мобилизованных.
2. В дифференцирующем дискурсе воспроизводятся повседневные контракты, которые в данной работе анализируются на структурном уровне взаимодействия жен мобилизованных с государством: мы рассматриваем их через кейсы 497 публичных сообщений из чата жен мобилизованных в Телеграме (12.10.22–31.12.23), которые были отобраны через сетку предварительных кодов, сформированных на этапе литературного обзора и обработки результатов пяти биографических разведывательных интервью.
3. Противоборствующий дискурс в контексте текущей политики государства проявляется через отвержение предлагаемого социальной политикой гендерного контракта и попытки достичь демобилизации мужчины, однако его рассмотрение не входит в фокус нашей работы.

Анализ данных

Сначала мы обратимся к доминантному дискурсу в формировании повестки социальной политики на фоне милитаризации, затем проследим, как он проявляется на уровне реализации мер социальной политики, уделив особое внимание мерам поддержки жен мобилизованных, и, наконец, обратимся к тому, как дискурс дифференцируется в практиках женских гендерных контрактов в ответ на эти меры.

Доминантный дискурс социальной политики милитаризованного общества

С началом СВО на семью возлагается задача воспроизводства населения и поддержания в нем традиционных ценностей, центральное место среди которых занимает патриотизм. Декларируется укорененность патриотизма российского народа — исторически присущая ему черта. Проблема ценностного конфликта России и Запада транслируется россиянами как необходимость

⁶ Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г. б/н // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 17.02.2025).

⁷ Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024 г. б/н // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения: 17.02.2025).

⁸ Портал Государственной думы. URL: <http://duma.gov.ru/news/duma/> (дата обращения: 21.09.22–20.02.24).

защиты их собственных детей. Важнейшим аспектом этой риторики становится взаимозаменяемость понятий «Родина», «Россия» и «семья», «дети», которая достигается как с помощью лингвистических средств (перечислений, метонимии и «правила трех»), так и с помощью прямого связывания личной судьбы и судьбы Отечества.

«Мы — одна большая семья, мы вместе, и потому сделаем все так, как планируем, и хотим сделать, как мечтаем» (Владимир Путин, президент РФ, Послание ФС, 2023)⁹;

«Свободное развитие общества — это готовность брать ответственность за себя и за близких, за свою страну. Такие качества закладываются с детских лет, в семье. И конечно, для укрепления наших общих ценностей, национальной идентичности крайне важны система образования, отечественная культура» (Владимир Путин, президент РФ, Послание ФС, 2024)¹⁰;

«Сегодня все мы все понимаем, что задача каждого — в силу своих профессиональных и человеческих возможностей, гражданской ответственности быть полезными в деле защиты нашей страны, наших детей!» (Ольга Казакова, депутат «Единой России», член Комитета по просвещению, 2022)¹¹.

В этом проявляется основное изменение в мужском гендерном контракте, которое российские власти формулируют в официальном дискурсе, на авансцену выходит мужская роль защитника. Так как милитаризация — гендеризованный процесс, в котором главное место занимает мужчина, участие в его частной жизни института армии обосновывается через личную угрозу его семье и детям со стороны Запада.

Ценность патриотизма уравнивается с поддержкой СВО, что лингвистически достигается через обобщения и выделение единой ингруппы по признаку поддержки СВО («все мы», «каждый из нас», «абсолютное большинство», «весь народ», «наши общие ценности», «все это понимают», «мы вместе»), а также через использование эпитетов, отражающих силу декларируемой поддержки:

*«Горжусь, думаю, что все мы гордимся, что наш многонациональный народ, абсолютное большинство граждан заняли **принципиальную** позицию в отношении специальной военной операции, поняли, в чем смысл*

⁹ Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г. б/н // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁰ Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024 г. б/н // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения: 17.02.2025).

¹¹ Ольга Казакова: «Детям из семей мобилизованных бойцов, должна быть обеспечена забота как в образовательных учреждениях, так и в организациях детского отдыха и оздоровления» // Комитет Государственной Думы по просвещению. URL: <http://komitet4-8.km.duma.gov.ru/Novosti/item/28487599> (дата обращения: 17.02.2025).

действий, которые мы делаем, поддержали наши действия по защите Донбасса. В этой поддержке прежде всего проявился **настоящий патриотизм** — чувство, которое исторически присуще нашему народу. Оно потрясает своим **достоинством, глубоким осознанием** каждым, я подчеркну, каждым неразрывной своей собственной судьбы с судьбой Отечества» (Владимир Путин, президент РФ, Послание ФС, 2023)¹².

Государство признает высокий риск участия в СВО и тяжелое положение жен и семей участников боевых действий, поэтому для компенсации ушедшего на СВО кормильца разворачивает патерналистскую политику по поддержке участников СВО, в частности мобилизованных. На идеологическом уровне она проводится через декларацию высокого социального статуса и почета, выделяет героизм, мужество участников СВО, гордость за них и благодарность государства. Кроме того, особое внимание уделяется проведению единой политики по поддержке участников СВО в любом статусе, это закрепляется как идеологически, так и законодательно.

«Забота о семьях военнослужащих, добровольцев, мобилизованных граждан, которые участвуют в специальной военной операции, — это прямая обязанность государства и вместе с тем глубокая признательность за то, что они защищают людей на наших исторических территориях, сражаются мужественно, героически» (Игорь Антропенко, депутат «Единой России», член Комитета по промышленности и торговле, 2024)¹³;

«Наши мобилизованные мужчины говорят: мы сделаем все, выполним поставленную задачу, но вы, пожалуйста, помогите нашим семьям, детям, чтобы мы были спокойны за них» (Ольга Казакова, депутат «Единой России», член Комитета по просвещению, 2022)¹⁴.

Новый официальный мужской гендерный контракт переписывается со стороны государства, которое как бы замещает мужчину, фокусируется на выполнении обязательств по поддержке и защите семей мобилизованных в их отсутствие. Интересная особенность этого дискурса заключается в том, что в данном случае устанавливается контракт между женщиной и государством, а не между семьей и государством: мужчина защищает интересы страны, а государство защищает интересы его семьи.

¹² Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г. б/н // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 17.02.2025).

¹³ Игорь Антропенко: законопроект о защите вдов участников СВО от увольнения даст возможность нормализовать жизнь в такой непростой ситуации // Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/58849/> (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁴ Ольга Казакова: «Детям из семей мобилизованных бойцов, должна быть обеспечена забота как в образовательных учреждениях, так и в организациях детского отдыха и оздоровления» // Комитет Государственной Думы по просвещению. URL: <http://komitet4-8.km.duma.gov.ru/Novosti/item/28487599> (дата обращения: 17.02.2025).

Патернализм официального дискурса и место женщины в нем

Этот обновленный милитарный контракт государственной заботы закладывается в основные принципы социальной политики в отношении мобилизованных и их семей. На данном этапе развертывания дискурса происходит переход от нормативных представлений, которые озвучены президентом РФ, к их реализации в законотворческой деятельности Государственной думы. Важно отметить, что проводится единая политика по поддержке семей участников СВО, то есть делается упор на приоритете этих мер для всех фракций, однако главными инициаторами в текстах новостей выступают депутаты от «Единой России». Так, в Послании Федеральному собранию 2023 года¹⁵ декларируется приоритет семей мобилизованных в социальной политике на всех уровнях власти, необходимость персонального внимания к каждой семье, взятие государством на себя задач «кормильца» и воспитания детей в случае гибели мобилизованных, недопустимость бюрократизированности поддержки, необходимость поддержки семей гражданским обществом. На законодательном уровне эти принципы ретранслирует в первую очередь Председатель Государственной думы Вячеслав Володин, который использует в своих комментариях к законопроектам фразы, фокусирующиеся на обеспечении уверенности в надежном тыле:

*«Солдаты и офицеры обеспечивают безопасность нашей страны и **должны быть уверены: о них позаботятся**» (Вячеслав Володин, депутат «Единой России», Председатель Государственной думы, 2022)¹⁶;*

*«Председатель Государственной думы подчеркнул, что военные **должны быть уверены: тыл у них крепкий, надежный, дома все хорошо**»¹⁷;*

*«Тот, кто пошел защищать Родину, **должен знать: Родина за ним, она и его защитит, она защитит членов семей, она сделает все для того, чтобы он получил образование, потом профессию, был востребован. Ребята возвращаются. Они **должны быть уверены, что будут востребованы**» (Вячеслав Володин, депутат «Единой России», Председатель Государственной думы, 2023)¹⁸.***

Основной способ заботы со стороны государства состоит в распространении большинства льгот, получаемых участниками СВО, на их семьи. При этом задачей семьи в этом контракте становится поддержка мобилизованного: они

¹⁵ . Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г. б/н // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁶ Вячеслав Володин: солдаты и офицеры обеспечивают безопасность нашей страны и должны быть уверены — о них позаботятся // Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/55361/> (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁷ Вячеслав Володин рассказал, что делает ГД для поддержки наших солдат и офицеров // Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/56142/> (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁸ Председатель ГД призвал создать для участников СВО систему преференций при поступлении в вузы // Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/56990/> (дата обращения: 17.02.2025).

становятся «крепким, надежным тылом», который отвечает за моральный дух мобилизованных.

Стоит обратить внимание и на то, как в текстах определяются благополучатели социальной поддержки: в основном используются словосочетания «семьи мобилизованных/участников СВО» или «дети мобилизованных/участников СВО». Упор на детей мобилизованных становится особенно заметным и благодаря одному из наиболее ярких направлений немонетарной социальной политики: образовательным льготам по бюджетному поступлению в вузы, поступлению в детские сады и школы без очередей и предоставлению бесплатных детских лагерей. Важно, что если большинство монетарных льгот распространяются на всю семью в целом, то образовательные льготы на поступление в вуз ограничиваются именно участниками СВО и их детьми, то есть государство не учитывает жен мобилизованных как возможных благополучателей культурного капитала в отсутствие их мужей.

«В частности, в образовательной сфере были расширены возможности льготного поступления как для самих ветеранов боевых действий — участников СВО, так и для их детей во все образовательные учреждения, детские сады, школы и вузы, и уже сейчас тысячи и тысячи ребяташек, чьи отцы защищают нашу Родину на фронте, борются с фашизмом, получили возможность льготного поступления в образовательные учреждения» (Дмитрий Вяткин, первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия», 2023)¹⁹.

Жены если и упоминаются, то в контексте скорби и при перечислении других причастных членов семьи (например, *«как невыносимо тяжело сейчас женам, сыновьям, дочерям павших воинов, их родителям»*). Интересно, что меры поддержки именно жен мобилизованных направлены на дополнительную защиту их трудовых прав:

«Их нельзя будет без согласия привлечь для особого режима работы: направить в служебные командировки, привлечь сверхурочно, в ночное время, в выходные и праздничные дни... Кроме того, для них предусматривается преимущественное право сохранения работы при сокращении численности или штата сотрудников» (Ярослав Нилов, депутат ЛДПР, 2022)²⁰.

Таким образом, ядро определяемой новым милитарным контрактом женской роли — материнство, забота по отношению к семье и оплачиваемый труд как источник благополучия. Но если в официальных высказываниях речь

¹⁹ Дмитрий Вяткин: в весеннюю сессию приняты около полутора десятков законопроектов, направленных на поддержку участников СВО и их семей // Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/57695/> (дата обращения: 17.02.2025).

²⁰ Принят закон о дополнительных гарантиях трудовых прав мобилизованных // Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/55351/> (дата обращения: 17.02.2025).

идет о любых женах, то законодательно эта защита закрепляется только при наличии в семье несовершеннолетних детей. Невозможность увольнения, которая гарантируется мобилизованным, распространяется на их жен только в случае их гибели в течение года, для «нормализации жизни». Приостановление судопроизводства в отношении мобилизованных не распространяется на вопросы по выплате алиментов.

Монетарная социальная политика в отношении мобилизованных и их семей тоже широка: помимо установления единого уровня выплат для всех участников СВО (превышающего среднюю зарплату по стране в четыре раза), закрепляются «кредитные каникулы», освобождение от НДФЛ по выплатам, освобождение от пеней за просроченные платежи за ЖКХ, компенсации за неиспользование туристических путевок. При этом получение большинства этих льгот не гарантировано автоматически, и они направлены, скорее, на семьи с низким доходом, которые полностью зависят от доходов мужчины-кормильца. Для того, чтобы получить эту поддержку, семьям мобилизованных необходимо взаимодействовать с разными социальными ведомствами. Проблема затрат на получение социальной поддержки признается государством, предлагаются меры, по которым *«семьи участников специальной военной операции и сами участники СВО при обращении в центры оказания бесплатной юридической помощи не должны будут нести никаких расходов»* (Дмитрий Вяткин, первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия», 2023)²¹. Однако опять же учитываются только монетарные затраты на поддержку мобилизованных, а не наличие или отсутствие личных ресурсов их жен, на которых ложатся эти обязанности. Интересно, что на проблему невозможности оказания немонетарной помощи каждой семье указывают Комитет по развитию гражданского общества и Уполномоченный по правам человека, т.е. признается разрыв между нормативным уровнем поддержки и реальными возможностями системы, особенно в регионах:

«Практически везде потоки обращений выросли. Семьи участников СВО, мобилизованные, беженцы, вопросы по выплатам... Правозащитники на местах должны быть активными. Но аппараты у них маленькие. В 16 территориях по 1–3 человека. Еще около 20 уполномоченных не имеют своего штата. За ними закреплены отдельные сотрудники региональных администраций и учреждений. Такая модель тоже не очень эффективна... Поэтому мы призываем глав регионов проанализировать ситуацию и по возможности усилить аппараты» (Ольга Тимофеева, депутат «Единой России», председатель Комитета по развитию гражданского общества, 2023)²².

²¹ Участники и ветераны СВО, а также члены их семей смогут получить бесплатную юридическую помощь // Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/56797/> (дата обращения: 17.02.2025).

²² Комитет по развитию гражданского общества обратился к губернаторам с просьбой усилить работу региональных правозащитников // Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/57239/> (дата обращения: 17.02.2025).

Получается, что жены мобилизованных в официальном дискурсе невидимы: социальная поддержка хоть и распространяется на них, но считает своей задачей поддержку семьи в целом с акцентом на детях и предполагает сохранение женщин как рабочей силы, несмотря на высокий уровень выплат, получаемых мужем. Более того, государство на данном этапе может наиболее эффективно обеспечивать монетарные прямые и косвенные виды поддержки семье. Если раньше женщины выполняли двойную функцию: оплачиваемый труд на рынке труда, неоплачиваемый невидимый труд в семье, — то теперь она стала тройной, к ней добавилась невидимая работа по заботе о муже — участнике СВО (снаряжение, посылки) и возросшие обязанности за двоих в домохозяйстве.

Дифференциация милитаризованного дискурса в практиках женского гендерного контракта

Социальная поддержка

В эмпирическом фокусе этой части работы — профильные форумы жен мобилизованных. Так как основная декларируемая цель чата — взаимопомощь жен мобилизованных, участницы также делятся друг с другом информацией о доступных льготах, а также опытом взаимодействия с государственными органами и даже «закрепляют» сообщения с инструкциями, как получить государственную поддержку. Так, многие смогли получить детские пособия и выплаты из-за малого дохода, которые изначально предполагались для семей военных, но распространились теперь и на семьи мобилизованных.

Кроме того, большинство участниц чата получают косвенные льготы на детей (бесплатные путевки в детские лагеря, льготы на бюджетное поступление в вузы, поступление в детские сады и школы без очередей), а некоторые воспользовались кредитными каникулами, а также получили психологическую и юридическую помощь в одном из восьми открытых в стране Центров помощи семьям мобилизованных.

В то же время участницы форума зачастую сталкиваются с бюрократизацией и безразличием системы. Удовлетворенность социальной поддержкой варьируется исходя из опыта индивидуального взаимодействия с региональными социальными работниками: некоторые отмечали, что ощущают, будто государство забыло о них (в официальном дискурсе Уполномоченный по правам человека отмечает слишком малое количество социальных работников в регионах), другие сталкивались с безразличием.

«Уверена, что для меня было бы лучше, если никто не трогал меня с псевдопоздравлениями из соцслужб. Это так унижительно для меня, когда пришла соцработник, которая закреплена за семьей, и молча через порог сунула мне открытку и так же молча ушла. Зачем? Потому что сказали? А самим же можно подумать... Не нужна мне такая забота. Когда ты на самом деле безразличен. Я сама справлюсь» (жена контрактника).

Из-за неясностей в законодательстве дети от предыдущих браков не всегда получают поддержку. Это, с одной стороны, можно считать недочетом проведения поддержки, с другой — примером направленности социальной политики на удовлетворение обязательств именно мужского гендерного контракта, предложенного мобилизованным. Если льготы, установленные для военнослужащих еще до СВО, распространялись на всех детей, то в мерах поддержки после 2022 года проявляется некая «патрилинейность», адресность помощи детям участников СВО, но не более, несмотря на то, что уход за всеми детьми в любом случае требует ресурсов домохозяйства.

Рынок труда

Контракт «работающей матери» остается наиболее распространенным, но произошли некоторые изменения. Взятие тройной нагрузки (работа, труд в семье и материальная забота о муже) предполагает выполнение неоплачиваемого труда по заботе о муже: отправку продуктов питания, обмундирования и военного снаряжения на фронт, эмоциональный труд по поддержке, оформление полагаемых семье льгот и контроль за выплатами.

Женщины берут на себя задачу обеспечить мужа всем необходимым для службы, неосознанно принимая на себя обслуживание института армии.

«Но после того, как мы поняли, что без толку отговаривать, человек уже настроен, он не готов слушать и принимать какие-то возражения насчет того, что он уходит, задача была — собрать туда, купить максимально то, что ему понадобится. Соответственно, мониторился интернет, все знакомые перелопатили информацию по поводу того, что нужно купить. Ну и все, собрались» (жена контрактника).

Актуален и переход маскулинного домашнего труда в обязанности женщины: починка техники, обслуживание семейного автомобиля, уборка снега и другие хозяйственные работы, требующие физической силы при жизни в селе, а также (для многих) необходимость воспроизводить прежде отцовскую роль авторитета для детей и управлять семейным бюджетом.

«Ну, пришло понимание, что... Я могу. Я сама все могу. Ну и с другой стороны, понимаю, какую колоссальную работу выполнял он здесь. И, соответственно, что отсутствует сейчас. Понятно, что я могу, но тут еще вот это тут делал, это делал он, это делал он, это делал он. Тут меня могли подстраховать с детьми» (жена контрактника с двумя детьми).

В начальный период адаптации несколько карьерно ориентированных матерей (женщины, которые видели работу как важный способ самореализации) уходят с рынка труда вследствие возросшей нагрузки. Так как до мобилизации муж выполнял больше обязанностей по дому, то его «выпадение» из семьи становится более критичным, баланс карьеры и семьи резко нарушается.

Наиболее распространенной практикой среди работающих матерей в чате была попытка использовать работу как способ отвлечения от эмоциональных переживаний. Для этих целей использовались также учеба и повышение квалификации. Женщины были замотивированы на большее вкладывание ресурсов в профессию как осознание потенциальных рисков, с которыми связано участие в СВО для их мужей. Эти риски включают понижение спроса на услуги мужа на рынке труда в связи с потенциальными ограничениями здоровья, возможность гибели мужа, а также нежелание оказаться в финансовой зависимости от мужа в случае его психологической нестабильности после опыта боевых действий.

Интересны и случаи некоторых домохозяек в чате. Для них перераспределение обязанностей в семье проблематично, поэтому они также заинтересовываются тем, чтобы вернуться на рынок труда. Отсутствие мужа становится возможностью стать более независимыми, особенно если до мобилизации они уже находились в декрете. В этих условиях женщины полагаются либо на поддержку своей социальной сети в уходе за детьми и выполнении «мужских» обязанностей, либо, благодаря появившимся собственным ресурсам, проводят «раздомашнивание» через рыночные механизмы: имея ресурсы, нанимают няню, вызывают специалистов по технике, хотя оценки качества этих услуг разнятся и «не заменяют рук мужа».

Несмотря на тройную нагрузку, женщины все равно не готовы отказаться от собственной карьеры, что отражает устойчивость контракта «работающей матери» в российском обществе. Даже уход с работы рассматривается как вынужденная временная мера, а домохозяйки переходят на рыночные услуги, чтобы использовать собственный доход для снижения затрат на неоплачиваемый труд. Более того, если одни также направляют дополнительный заработок на помощь мужу, воспроизводя распространенную для жен военных полную субординацию армейским нуждам, то другие фокусируются на достижении независимости от мужа и повышении социального капитала детей через открывшиеся возможности обучения, становясь новой главой семьи.

Заключение

Итак, милитарный гендерный контракт, поддерживаемый государством в социальной политике, направлен прежде всего на мужчин как «защитников семьи и Родины», а не на женщин (или на тех и других вместе), которые рассматриваются исключительно как члены семьи мужчины и «сильный и надежный тыл» [Enloe, 2000]. Это становится аргументом в пользу милитаризации как маскулинного процесса, приводящего к усилению гендерного неравенства [Sjoberg, Via, 2010: 8].

Социальная политика в отношении семей мобилизованных показывает их высокий социальный статус и готовность государства тратить ресурсы на их семьи как свое обязательство в мужском гендерном контракте (или его мужской части), но женщины в этом дискурсе скорее невидимы. Эта забота

продолжает общий подход к семейной политике в России, где государство предлагает традиционалистскую и патерналистскую монетарную поддержку, но не решает проблему разрыва между декларируемой ценностью благополучия семей и недостаточностью средств немонетарной помощи им [Borozdina et al., 2016; Morris, Garibyan, 2021]. Для жен мобилизованных это амбивалентно проявляется, с одной стороны, в общей удовлетворенности монетарными льготами, с другой — в трудности получения не менее важных косвенных мер поддержки.

Женский гендерный контракт сконтурирован негласным взятием тройной нагрузки, характерной для жен военных: помимо участия на рынке труда и воспитания детей, на женщину перекладывается неоплачиваемый труд по заботе о муже [Enloe, 2000; Hedström, 2022] и маскулинный домашний труд. В семьях военных за рубежом предпочитаемый гендерный контракт продвигается через высокий уровень институциональной социализации в военных сообществах и сообществах жен военных [Ziff, Garland-Jackson, 2020]. Дискурс социальной политики идеологически мобилизует личное решение мужчины как «защитника семьи и Родины», что создает условия для появления обновленного дифференцированного репертуара женских гендерных контрактов. Практики нового гендерного контракта определяются через перераспределение нагрузки в обсуждениях с мужем, использование доступных ресурсов бюджетов времени, социальных связей и платных услуг, а также через оценку потенциальных рисков для финансового положения семьи.

В этом свете важнейшей особенностью адаптации гендерных контрактов российских жен мобилизованных является защита своих карьерных возможностей, т.е. сохранение или даже усиление роли рынка труда в гендерном контракте. Российские жены мобилизованных закрепляют важность карьеры даже при высокой нагрузке и не готовы отказаться от оплачиваемого труда, что соответствует тезису о стабильности контракта «работающей матери» в российском обществе [Айвазова, 2011; Рождественская, 2011; Savinskaya, 2024]. Для них работа — это инвестиция в благополучие семьи при ограниченной перспективе военного контракта мобилизованного, а также как отвлечение от эмоционального стресса и способ сохранения гражданской идентичности.

Таким образом, жены мобилизованных берут на себя тройную нагрузку, совмещая оплачиваемую работу, заботу о детях и поддержание домашнего хозяйства, заботу о мобилизованном члене семьи. Хотя они активно используют монетарные меры поддержки, отсутствие эффективной немонетарной социальной политики приводит к большей дифференциации милитаризованных гендерных контрактов. Эта дифференциация определяется доступностью ресурсов перераспределения нагрузки, таких как социальные связи, время и платные услуги, и усиленной опорой на рынок труда. Это создает условия, в которых готовность женщин обслуживать нужды института армии определяется в большей степени их личными стратегиями и ресурсами, чем вкладом государства. Будущие исследования сосредоточатся на детальной концептуализации форм милитаризованных гендерных контрактов среди жен мобилизованных.

Литература / References

Айвазова С. Г. Контракт «работающей матери»: советский вариант // Гендерный калейдоскоп. М.: Academia, 2001. С. 291–309. EDN: [TIVNTT](#)

Ayvazova S. G. (2001) The Contract of a "Working Mother": the Soviet Version. In: *Gendernyy kaleydoskop* [The Kaleidoscope of Gender]. Moscow: Akademiya. P. 291–309. (In Russ.)

Айвазова С. Г. Контракт «работающей матери»: нарушения или расторжение? (К вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 13–22. EDN: [OJMXIN](#)

Ayvazova S. G. (2011) The Contract of a "Working Mother": Violations or Termination? (On the Issue of the Specifics of Gender Policy in Modern Russia). *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 3. P. 13–22. (In Russ.)

Арутюнян М. Ю., Здравомыслова О. М. Российская семья на европейском фоне. М.: Эдиториал, 1998.

Arutyunyan M. Yu., Zdravomyslova O. M. (1998) *Rossiyskaya semya na yevropeyskom fone* [Russian Family against a European Background]. Moscow: Editorial. (In Russ.)

Здравомыслова Е., Темкина А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3–4. С. 299–321. EDN: [IARNYH](#)

Zdravomyslova E., Temkina A. (2003) The Public Construction of Gender in Soviet Society. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 1. No. 3–4. P. 299–321. (In Russ.)

Здравомыслова Е., Темкина А. 12 лекций по гендерной социологии: Учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2015) *12 lektsiy po gendernoy sotsiologii: Uchebnoye posobiye* [12 Lectures on Gender Sociology: A Textbook]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Кривцова И. Гендерный контракт в семьях военнослужащих Дальневосточного военного округа // Вестник Евразии. 2006. № 2. С. 95–113. EDN: [HVGADH](#)

Krivtsova I. (2006) Gender Contract in the Families of Servicemen of the Far Eastern Military District. *Vestnik Yevrazii* [Acta Eurasica]. No. 2. P. 95–113. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Концепция баланса жизни и труда: уроки европейской социальной политики и российские перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 4. С. 439–454. EDN: [OOWZRH](#)

Rozhdestvenskaya E. Yu (2011) The Concept of Balance of Life and Work: Lessons from European Social Policy and Russian Perspectives. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 9. No. 4. P. 439–454. (In Russ.)

Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. EDN: [RPWLWR](#)

Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) (2007) *Rossiyskiy geneticheskiy poryadok: sotsiologicheskii podkhod* [The Russian Gender Order: A Sociological Approach]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Роткирх А., Темкина А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 169–200. EDN [DUDXLO](#)

Rotkirkh A., Temkina A. (2007) Sovetskiye geograficheskiye kontrakty i ih transformatsiya v sovremennoy Rossii [Soviet Gender Contracts and Their Transformation in Contemporary Russia]. In: *Rossiyskiy geograficheskiy poryadok: sotsiologicheskii podkhod* [The Russian Gender Order: A Sociological Approach]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. P. 169–200. (In Russ.)

Чернова Ж. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. EDN: [DSFMKY](#)

Chernova Zh. (2013) *Semya kak politicheskiy vopros: gosudarstvennyy proyekt i praktika privatnosti* [Family as a Political Issue: A Government Project and Privacy Practices]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburg. (In Russ.)

Чернова Ж. В. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 3. С. 295–318. EDN: OIVUJR

Chernova Zh.V. (2011) Who, about Whom and Under What Conditions Should Care? A Gender Analysis of Care Regimes and Family Policy. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 9. No. 3. P. 295–318. (In Russ.)

Чернова Ж. В. Шпаковская Л. Л. Три режима гендерного гражданства: опыт восприятия социальной политики российскими женщинами трех поколений // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 12–43. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.1> EDN: CUNXOL

Chernova Zh.V. Shpakovskaya L.L. (2021) Three Regimes of Gender Citizenship: Social Policy Experience of Three Generations of Russian Women. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 13. No. 3. P. 12–43. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.1>

Bell D.B., Stevens M.L., Segal M.W. (1996) *How to Support Families During Overseas Deployments: A Sourcebook for Service Providers*. Alexandria: U. S. Army Research Institute for the Behavioral and Social Sciences.

Borozdina E., Rotkirch A., Temkina A., Zdravomyslova E. (2016) Using Maternity Capital: Citizen Distrust of Russian Family Policy. *European Journal of Women's Studies*. Vol. 23. No. 1. P. 60–75. DOI: <https://doi.org/10.1177/1350506814543838>

Bourg C., Segal M.W. (1999) The Impact of Family Supportive Policies and Practices on Organizational Commitment to the Army. *Armed Forces & Society*. Vol. 25. № 4. P. 633–652. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X9902500406>

Connell R. (2013) *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Cambridge: Polity Press. Enloe C. (2000) *Maneuvers: The International Politics of Militarizing Women's Lives*. Berkeley: University of California Press.

Eran-Jona M. (2011) Married to the Military: Military-Family Relations in the Israel Defense Forces. *Armed Forces & Society*. Vol. 37. No. 1. P. 19–41. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X10379729>

Sjoberg L., Via S. (eds.) (2010) *Gender, War, and Militarism: Feminist Perspectives*. Santa Barbara; Denver; Oxford: Praeger.

Harrison D. (1994) *La liberté No Life Like it: Military Wives in Canada*. Toronto: J. Lorimer.

Hedström J. (2022) Militarized Social Reproduction: Women's Labour and Parastate Armed Conflict. *Critical Military Studies*. Vol. 8. No. 1. P. 58–76. DOI: <https://doi.org/10.1080/23337486.2020.1715056>

Horn D.M. (2010) Boots and Bedsheets: Constructing the Military Support System in a Time of War. In: L. Sjoberg, S. Via (eds.) *Gender, War, and Militarism: Feminist Perspectives*. Santa Barbara; Denver; Oxford: Praeger. P. 57–68.

Huebner A.J., Mancini J.A., Bowen G.L., Orthner D.K. (2009) Shadowed by War: Building Community Capacity to Support Military Families. *Family Relations*. Vol. 58. No. 2. P. 216–228. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2008.00548.x>

Johnson A., Ames K., Lawson C. (2022) Archetype Profiles of Military Spouses in Australia — Identifying Perfect Partners and Mean Girls. *Armed Forces & Society*. Vol. 48. No. 4. P. 828–848. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X211029318>

Kashina M., Tkach S. (2020) Fatherhood Escape as a Significant Feature of the Gender Contract of Russian Men. *International Journal of Sociology and Social Policy*. Vol. 41. No. 9/10. P. 1058–1071. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJSSP-09-2020-0426>

Kleykamp M. (2012) Labor Market Outcomes among Veterans and Military Spouses. In: *Life Course Perspectives on Military Service*. New York: Routledge. P. 144–164.

Liljestrom M. (1993) The Soviet Gender System: The Ideological Construction of Femininity and Masculinity in the 70's. In: M. Liljestrom, E. Mantysaari, A. Rosenholm (eds.) *Gender Restructuring in Russian Studies*. Tampere: Slavica Tamperensia II. P. 163–174.

Moelker R., Andres M., Ronés N. (2019) The Politics of Military Families: State, Work Organizations, and the Rise of the Negotiation Household. In: R. Moelker, M. Andres, N. Ronés (eds.) *The Politics of Military Families. State, Work Organizations*. New York: Routledge. P. 1–16.

Morris J., Garibyan M. (2021) Russian Cultural Conservatism Critiqued: Translating the Tropes of “Gayropa” and “Juvenile Justice” in Everyday Life. *Europe-Asia Studies*. Vol. 73. No. 8. P. 1487–1507. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2021.1887088>

Moskos C. C. (1986) Institutional/Occupational Trends in Armed Forces: An Update. *Armed Forces & Society*. Vol. 12. No. 3. P. 377–382. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X8601200303>

Mullet D. R. (2018) A General Critical Discourse Analysis Framework for Educational Research. *Journal of Advanced Academics*. Vol. 29. No. 2. P. 116–142. DOI: <https://doi.org/10.1177/1932202X18758260>

Savinskaya O. B. (2024) The Diversification of the Russian Gender Contract and the Conservative Turn. *Europe-Asia Studies*. Vol. 76. No. 2. P. 265–283. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2024.2323115>

Segal M. W. (1986) The Military and the Family as Greedy Institutions. *Armed Forces & Society*. Vol. 13. No. 1. P. 9–38. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X8601300101>

Spanner L. (2022) Resilient and Entrepreneurial Military Spouses: Neoliberalization Meets Militarization. *Critical Military Studies*. Vol. 8. No. 3. P. 233–253. DOI: <https://doi.org/10.1080/23337486.2020.1815385>

Truusa T. T., Kasearu K., Strömpl J. (2021) Military Spouses in Contemporary Estonia: Meaning Making in the Stories of the Wives and Partners of Active Servicemen. *Journal of Baltic Studies*. Vol. 52. No. 3. P. 307–325. DOI: <https://doi.org/10.1080/01629778.2021.1915830>

Ukhova D. (2022) Doing Gender with Class: Gender Division of Unpaid Work in Russian Middle-Class Dual Earner Heterosexual Households. *Journal of Family Issues*. Vol. 43. No. 12. P. 3244–3270. DOI: <https://doi.org/10.1177/0192513X211042846>

Van Dijk T. A. (1993) Principles of Critical Discourse Analysis. *Discourse & Society*. Vol. 4. No. 2. P. 249–283. DOI: <https://doi.org/10.1177/0957926593004002006>

Wodak R., Meyer M. (2001) Methods of Critical Discourse Analysis In: *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage. DOI: <https://doi.org/10.4135/9780857028020>

Ziff E., Garland-Jackson F. (2020) “I’m Not Your “Typical” Military Wife”: The Construction of Gender and Agency Through Stereotypes. *Armed Forces & Society*. Vol. 46. No. 3. P. 376–396. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X19875488>

Zinn J. O. (2011) The Biographical Management of Risk and Uncertainty — British Veterans. *Historical Social Research/ Historische Sozialforschung*. Vol. 36. No. 3. P. 237–269. DOI: <https://doi.org/10.17169/FQS-11.1.1457>

Сведения об авторе:

Осокина Дарья Александровна — бакалавр социологии, стажер-исследователь Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** dosokina@hse.ru. **ORCID ID:** 0009-0009-2041-401X.

Статья поступила в редакцию: 12.11.2024

Принята к публикации: 23.02.2025

.....

Social Policy Discourse as a Frame of a New Repertoire of Gender Contracts for Wives of the Mobilized

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.5

Daria A. Osokina

HSE University, Moscow, Russia
E-mail: dosokina@hse.ru

The article studies a model of social policy aimed at supporting families of the mobilized in Russia as a tool for promoting a preferred gender contract. Families of the mobilized, having no experience of interacting with the institute of the army in conditions of military conflict, are forced to adapt to the requirements of the state in a short time. The context of the study: family policy is becoming a priority in the Russian Federation not only as support for socially vulnerable families of SVO participants, but also as an ideological tool for forming a new balance of power and gender relations in Russian families affected by militarization. The study uses critical discourse analysis that allows us to research the discourse of social support measures in the official statements of lawmakers, evaluating these measures from the perspective of the wives in thematic online chats mobilized as collective discourses. As a result of the analysis, family policy in relation to families of the mobilized is characterized as traditional and paternalistic, it is shown that there remains a gap between the normative concepts of state aid and the measures being implemented. The wives of those mobilized note their satisfaction with the monetary level of support as well as the difficulty of obtaining indirect benefits, and the system's inability to provide personalized assistance. The repertoire of women's gender contracts is differentiated on an interactive level, the importance of market participation for Russian women is consolidated, and the role of the state in a woman's willingness to serve the army institute is small.

Keywords: social policy, gender contract, families of the mobilized, critical discourse analysis

Acknowledgements. The publication was prepared during the research of the Project Group "Social Order in the transforming social sphere: Macro and Micro Analysis" of the Faculty of Social Sciences of the Higher School of Economics University (HSE) in 2024–2025.

Author Bio:

Daria A. Osokina — Bachelor in Sociology, Trainee-Researcher, International Laboratory for Applied Network Research, HSE University, Moscow, Russia.
E-mail: dosokina@hse.ru. **ORCID ID:** 0009-0009-2041-401X.

Received: 12.11.2024

Accepted: 23.02.2025

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.6

EDN: LADMQI

Рефотография как документация и осмысление «грязной войны» в Аргентине: фотопроjekt Г. Джермано «Отсутствие»

Ссылка для цитирования:

Мещеркина (Рождественская) Е. Ю. Рефотография как документация и осмысление «грязной войны» в Аргентине: фотопроjekt Г. Джермано «Отсутствие» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 1. С. 108–125. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.6> EDN: LADMQI

For citation:

Meshcherkina (Rozhdestvenskaya) E. Yu. (2025) Re-Photography as Documentation and Understanding of the “Dirty War” in Argentina: G. Germano’s Photo Project “Absence”. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 1. P. 108–125. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.6>

Мещеркина (Рождественская) Елена Юрьевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: erozhdestvenskaya@hse.ru

В статье рассматривается особая форма фотографической практики, которая может быть востребована в социологии, — повторная фотография, или рефотография. Это акт повтора фотографии одного и того же места/персонажа/практики с временным лагом между двумя изображениями, взгляд на определенный объект «тогда и сейчас». Рефотографию можно рассматривать: 1) как повседневную фотопрактику; 2) как художественную практику, обыгрывающую прием смещения; 3) как метод научного исследования. Возможностями рефотографии в первую очередь воспользовались исследователи урбанистической среды, демонстрирующей яркую изменчивость. В социальных науках рефотография объектов и субъектов может служить целям обучения, политики, практики и адвокации. Формат рефотографии может быть эвристичен в направлении инструментализации темпоральности и социальных изменений. Практика рефотографии обнаруживает рефлексивный потенциал процедурной последовательности приемов: от-рефлексированного и социально означенного фокуса сравнения; архивных

подтверждений; технически оправданного standpoint; представления о прикладной задаче. Но также присутствуют этические проблемы, которые возникают при рефотогографировании индивидов. Полевые исследования с помощью рефотогографии в социальных науках преследуют множественные цели — документировать ритм изменений конкретной локации на основе первичного изображения, инструментализировать взаимодействия с вещной средой в повседневности, генерировать социальные смыслы в разорванной ткани социальных событий и т.д. В отношении последних в статье анализируется аргентинский фотопроjekt Г. Джермано «Отсутствие», тематизирующий последствия диктатуры военной хунты (1976–1983) в Аргентине. Используемый Джермано в серии диптихов прием рефотогографии производит (а)эффект разорванного травматическим событием времени, в котором кому-то суждено исчезнуть и не состариться вместе с близкими. Диптихи потенциально вызывают не только индивидуальный «пунктум», они также предоставляют формат открытой культурной сцены, через которую зрители могут получить доступ к коллективным формам горевания и сочувствия. Проект рефотогографии Джермано вписывается в разнообразные стратегии художественной практики как сопротивления, отыгрывающие избывание коллективной травмы посредством создания новых эстетических предложений. Искусство фотографии реполитизируется, стремясь подорвать социальные и культурные репрезентации поставторитарного дискурса, так и не предоставившего аргентинскому обществу исчерпывающий исторический гранд-нарратив.

Ключевые слова: рефотогография; повторная съемка; визуализация исторической травмы; Г. Джермано; темпоральность; социальные изменения

Благодарность. Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках проекта «Опыт локальных конфликтов: переработка, ресоциализация, инвалидность».

Введение

Военная фотография XX и XXI веков внесла значительный вклад в документирование исторических событий, разворачивая визуальное повествование о военных конфликтах и их влиянии на общества. Яркие аффективные снимки военных фотографов с поля боя, из освобожденных концлагерей, кадры руинированных городов, сожженных деревень, оставленных жителями, или военные портреты, снятые с близкой дистанции, влияли на умонастроения, мобилизовывали и фиксировали социальные изменения. Роль фотографии с фокусом на войне и пост-войне выходит за рамки простого документирования,

она обнаруживает социальные измерения конфликтов, их персонифицируя. Свидетельствуя об экзистенциально сложном человеческом опыте, стоящем за военными конфликтами, фотография создает визуальное повествование вокруг захваченного и взятого в «пунктум» момента времени, передающего опыт войны иногда более эффективно, чем слова. В золотом фонде мировой военной фотографии «Поцелуй матроса и медсестры на Таймс-сквер, празднующих окончание Второй мировой войны 4 августа 1945 года» фотографа Альфреда Эйзенштадта, «22 июня 1941 года на Никольской улице в Москве», когда Евгений Халдей заснял москвичей, слушающих по радио сообщение о начале войны, его же «Знамя Победы над рейхстагом» (1945), «Смерть республиканца» Роберта Капы (1936), «Комбат» Макса Альперта (1942), «Горе» Дмитрия Бальтерманца (1942), «Фонтан „Дети“» в Сталинграде Эммануила Евзерихина (1942), «Обритые женщины-коллаборантки в Париже» Ли Миллер (1944), «Освобождение Освенцима» Ольги Игнатович (1945), «Казнь в Сайгоне» Эдди Адамса (1968), «Напалм во Вьетнаме» Ника Ута (1972), «Освобожденные заложники, женщины и дети, покидают в сопровождении военных больницу в Буденновске, где они удерживались террористами Шамиля Басаева» Эдди Оппа (1995)... Фотографии, документирующие человеческую цену за пережитый опыт, ставшие символом своего времени, отражают также экспрессивный личный способ запечатления фотографом-документалистом тяжелого опыта войны и послевоенной разрухи.

Но последующие поколения рассматривают эти фотографии в других контекстах, вглядываются в лица, распознавая их субъектность, размышляют об этике невмешательства, перепроверяют авторство, дискутируют постановочность.

Как пишет Мелисса Майлз, беспрецедентное значение, которое сегодня приписывается свидетелям событий и их показаниям в различных аспектах современной культуры, смещает фокус с идеи истории как объективного отчета о прошлых событиях на личные повествования [Miles, 2016]. Это происходит ввиду проявленных эмоций и личной памяти, резонирующих с хабитусом рассматривающих. Возникает, а вернее, конструируется усилиями наделенного социальной позицией фотографа *фотосвидетель* — практически новое понятие в публичной истории и *memory studies*, отражающее запрос в современной культуре на ценностно и политически окрашенную работу с фотосвидетельствами, приглашающую к мобилизации социальной памяти и переосмыслению недавнего военного и паравоенного прошлого.

Итак, в центре рассмотрения — теоретический сюжет визуальной социологии, связанный с методологией рефотографии как возможностью вовлечения в публичный дискурс документирующих прошлое фотоматериалов, узнаваемо переснятых и обнаруживающих новые смыслы. Эмпирическим объектом статьи выступает художественный коммеморативный проект как серия семейных рефотографий Густаво Джермано «Отсутствие» (*"Ausencias"*) (Аргентина, 2006). Фотосерия Джермано использует рефотографию как инструмент для вопрошания о роли фотографии в социальной истории страны, более того,

одной из ее самых темных страниц в связи с исчезновением десятков тысяч граждан Аргентины во время военной диктатуры (1976–1983), о смысловой нагруженности зияющих фигур в фотосвидетельствах. Анализируя этот фотопроект, мы намереваемся раскрыть связь между методологическими возможностями рефотোগрафии и социальными эффектами усилий Густаво Джермано, что в совокупности обогащает методический арсенал визуальной социологии и публичной истории.

Рефотোগрафия как документация изменений

Но что же такое — рефотোগрафия? Как объясняется в Энциклопедии визуальных методов исследования, рефотোগрафия — это акт повтора фотографии одного и того же места с временным лагом между двумя изображениями, взгляд на определенный объект «тогда и сейчас». Некоторые из снимков случайны, обычно делаются с одной и той же точки съемки, но без учета времени года, линз объектива или кадрирования. Некоторые из них очень точны и требуют тщательного изучения исходного изображения [Rieger, 2011: 132]. Рефотогографирование было востребовано там, где производились точные измерения на основе триангуляции точек по фотографиям, сделанным для отслеживания изменений в экологических системах, а также для фотохроники нарастающих или циклических событий. Идет ли речь об эрозии почв или таянии ледников, движении песчаных отмелей или сокращении лесных массивов, рефотогография, фотосъемка, например, из космоса, показывает, как явление меняется со временем. К ландшафтным изменениям и роли человека в них привлек внимание современный геолог и художник Марк Клетт, который разработал метод визуального исследования рефотогографии. Его ранние работы связаны с национальным парком Йосемити и Гранд Каньоном в 1980-х годах, а затем он сфокусировался на городском ландшафте, претерпевшем разрушение. Так возникли проект «После руин», кадры землетрясения и пожара в Сан-Франциско в 1906 году и рефотогография города в 2006 году [Klett, Lundgren, 2006]. Ключевым элементом работы М. Клетта является тщательно выбранная точка съемки для современной фотографии, но при этом максимально точное следование историческому образу [Klett, 2011: 116].

Для разъяснения техники рефотогографии полезны методологические работы Клетта, Ригера и Смита [Klett, 2010; Rieger, 2011; Smith, 2007]. Ригер перечислил следующие шаги для визуального исследования изменений:

1. Выбор предмета, который станет фокусом исследования, и разработка теоретической основы, которая предполагает, какие изменения могут быть ожидаемыми.
2. Определение и идентификация визуальных индикаторов для съемки.
3. Поиск существующей документации или создание такой документации для начального («момент времени 1») измерения.

4. Проведение контрольной съемки («момент времени 2») как соответствующей документации.
5. Анализ накопленных свидетельств [Rieger, 2011: 147–148].

Как только прояснены общая тема и теоретическая перспектива, следует отбор изображений. Ригер [Rieger 2011] отмечает, что есть два пути рассмотреть временной порядок рефотографии: проспективная и ретроспективная. Проспективные исследования начинаются в «момент времени 1» по инициативе исследователя изображения и продлеваются на определенные даты на «момент времени 2» и далее. Этот метод обеспечивает максимальный контроль над исследовательским процессом. Ретроспективные исследования начинаются с «момента времени 1» в прошлом, и этот момент можно определить по наличию архивного изображения искомого объекта. Более поздние изображения, сделанные исследователем в «момент времени 2» и т.д., поставлены в отношение к первичному изображению («моменту времени 1»). Этот метод предлагает меньший контроль над всем процессом исследования. Многие повторные фотопроекты — это ретроспективные исследования, которые начинались с просмотра нескольких онлайн-архивов, как у Клетта и Лундгрена [Klett, Lundgren, 2006].

Как пишет Меткалфе, как только время и его конструкт определены, рефотография переходит в полевую стадию, где исследователь знакомится с условиями окружающей среды оригинальной фотографии [Metcalfе, 2016: 161]. Собственный проект А. С. Меткалфе «Образы академической науки: фотографические свидетельства» (2007–2012) посвящен Университету Британской Колумбии (UBC), который был выбран из-за его богатой истории — от учебного заведения, ориентированного на сельское хозяйство, до современного ведущего научно-исследовательского университета с ассоциированной медицинской школой и множеством лабораторий. Технически этот проект решен методом коллажа при совмещении архивных фотографий и рефотографии главной библиотеки Университета 1925 и 2016 годов¹.

Важной отправной точкой рефотографии является выбор раннего изображения. Представим здесь триангуляцию Храма Христа Спасителя дореволюционной версии, бассейн «Москва» на том же месте и воссозданный Храм Христа Спасителя, сфотографированные с одного и того же ракурса. Чтобы показать непрерывность между двумя или тремя изображениями, фотографы обычно включают в кадр здание, башню или другой объект, который присутствует во всех версиях. В этом случае производимое впечатление может достигать сильного (э)аффекта. Так, в экспозиции музея Варшавского восстания в одном из залов присутствуют довоенные фотографии Варшавы, контрастирующие с фотографиями разрушенного, но все же узнаваемого города. Но если на фотографиях «тогда и сейчас» нет ничего архитектурно общего, какой-либо архитектурной константы, то эффекта рефотографии не возникает.

¹ Rephotography. *The Difficult Knowledge Project*. URL: <https://blogs.ubc.ca/difficultknowledge/rephotography/> (дата обращения: 08.10.2024).

В целях рефотографирования важно учесть не только контекстуальную совместимость и эффект узнаваемости, но и технологическую переоснащенность с учетом цифровой техники, ведь современные фотообъективы существенно отличаются от старых объективов, нужно также учитывать площадь, которую покрывает объектив, и доступную тогда и сегодня глубину резкости. Кроме того, время года, суток, свет и тени, — эти параметры также подлежат учету при наличии той же исходной точки обзора, что и на дублируемой фотографии.

Неудивительно, что возможностями рефотографии в первую очередь воспользовались исследователи урбанистической среды, демонстрирующей яркую изменчивость. Известны реализованные в этом русле проекты, например, «Городская жизнь сквозь две линзы» в Музее истории Канады. На этой виртуальной выставке совмещены городские виды Монреаля XIX века, снятые Уильямом Нотманом, а затем рефотографированные Анджеем Мацеевским в 2002 году². Другой известный проект под названием «Нью-Йорк меняется» принадлежит Дугласу Левеу³. Здесь принципу рефотографирования были подвергнуты 114 снимков известного фотографа Беренис Эбботт на ту же тему, но сделанные в период, получивший название Интербеллум (между Первой и Второй мировыми войнами). Французский репортер Винсент Зенон Риго сравнивает виды Реймса в Шампани до и после почти полного разрушения города бомбардировками времен Первой мировой войны⁴.

Рефотোগрафия как ресурс визуальной социологии

Но изменения со временем демонстрируют и социальные явления. Поэтому рефотোগрафия может быть полезным визуальным методом фиксации изменений и преемственности уже в области социологии, демонстрируя три распространенных основных подхода — фотографии мест, участников или действий, функций или процессов [Guu, 2012: 43]. Что же рефотографирование может дать визуальной социологии? Следуя логике визуальной социологии, частью которой является производство и использование фотографий, «привлечение визуальных документов может служить целям обучения, политики, практики и адвокации» [Pauwels, 2010: 549]. Это разнообразие возможностей открывает перспективу работы со *смещением*, которое стоит в центре рефотографии. Смещение — это пространственно-временное изменение изображения, которое было удалено, стерто⁵ или исчезло из его контекстной истории, фиксируемое с возможно более полной точностью [Smith, 2007; Rieger, 2011]. Так,

² After Notman Photographic Views of Montreal, A Century Apart. McCord Stewart Museum. URL: <https://www.musee-mccord-stewart.ca/en/exhibitions/after-notman-2/> (дата обращения: 08.10.2024).

³ New York Changing: Revisiting Berenice Abbott's New York by Douglas Levere. PrintCollection. URL: <http://www.newyorkchanging.com/index.html> (дата обращения: 08.10.2024).

⁴ Vincent Zénon RIGAUD. URL: <https://www.vincentzenon.com/> (дата обращения: 08.10.2024).

⁵ Стертые лица. Центр исторической памяти. URL: <http://www.pmem.ru/5549.html> (дата обращения: 08.10.2024).

Ригер подчеркивает: «Изменение или отсутствие изменений на фотографиях, которые они показывают, мы затем интерпретируем в соответствии с нашими теоретическими ожиданиями» [Rieger, 2011: 133].

Д. Харпер, один из ведущих представителей визуальной социологии, описывает подходы к использованию фотографий в социальных науках. Три подхода, в частности, раскрывают, как фотографии могут порождать смыслы. Во-первых, феноменологический подход предполагает, что «фотограф выбирает точки зрения, которые освещают различные аспекты разворачивающейся социальной реальности» [Harper, 2003: 191]. Другими словами, опции осуществленного выбора обнаруживают пристрастность и точку зрения автора. Фотографирование объединяет как технический процесс, так и художественное самовыражение. Во-вторых, фотографии можно выбирать и упорядочивать в связные визуальные повествования. Хотя видео является наиболее распространенной формой динамического визуального повествования, сумме фотографий также можно придать упорядоченную последовательность, чтобы рассказать историю, что особенно важно в попытках создать объяснительные конструкции. Наконец, в-третьих, Д. Харпер объясняет, что фотовыявление, или фотоотклик (photo elicitation), включает в себя предоставление набора фотографий участникам для генерации их вербального отклика. Именно эти ответы представляют собой культурную работу над генерированием смысла. Метод фотоотклика не использует фотографии в качестве источника данных, напротив, скорее, интерпретатор или исследователь используют фотографии для стимулирования обсуждения в интервью, фокус-группе или публичном дискурсе. Фотографии облегчают диалог и могут генерировать широкие доказательства по сложным для припоминания или обсуждения темам [Tinkler, 2013]. Суммируя идеи Д. Харпера, Линн М. Каллмейн предлагает сосредоточиться на трех перспективах для использования фотографий: документировании социальных изменений, содействии осмыслению и воображению социальных изменений [Kallemeyn, 2018: 115].

Таким образом, рефотография в концептуальном ключе начинается с размышления о происхождении и характере визуальных эффектов, которые могут простимулировать осмысление социальных изменений. Визуальные эффекты в рефотографии берут начало из уже существующих визуальных особенностей первичного изображения, подлежащего рефотографированию. Предмет исследования может быть конкретным объектом или субъектом, поведенческой практикой или идеей. Дизайн рефотографии, вероятно, будет визуально синхронизирован со средой или выбранной техникой фиксации. Смит описывает сенсibiliзирующий эффект визуального подхода, «позволяя появиться новому взгляду на исследование благодаря конкретному и активному взаимодействию со значимым местом» [Smith, 2007: 191].

Фотопроект «Отсутствие» (“Ausencias”)

В качестве эмпирического примера рефотографирования мы представим проект «Отсутствие»⁶ Густаво Джермано, известного аргентинского фотографа. Этот проект появился в контексте многих других фоторепрезентаций политических репрессий в латиноамериканских странах, например “Nosotros no sabíamos” Леона Феррари (1976)⁷, который коллажировал газетные вырезки с сообщениями о найденных убитых после военного переворота в различных районах Буэнос-Айреса и на берегах Рио-де-ла-Плата. Эти свидетельства, собранные в книгу, а затем выставленные в музее, конфронтируют с фразой «мы не знали», которой часть граждан оправдывала свое дистанцированное молчание о жестокости, с которой военная хунта управляла страной с 1976 по 1983 год. Другой пример художественной интервенции и широкой анонимной мобилизации известен как «Силуэты» (“El Silhouettezo”). 21 сентября 1983 года по инициативе группы художников, студенческих и молодежных групп, а также при поддержке правозащитных организаций митингующие начали обрисовывать свои силуэты на плакатах, которые они позже установили в окрестностях площади Пласа-де-Майо в Буэнос-Айресе. Идея заключалась в том, чтобы представить силуэты пропавших без вести и выразить протест против военной диктатуры. Человеческие фигуры в натуральную величину распространились с этой главной площади, известной и другими политическими перформансами⁸, на весь город и с этого момента стали узнаваемым визуальным символом из репертуара различных социальных и политических мобилизаций. Арт-обозреватель Buenos Aires Herald Эдвард Шоу фотографировал эти силуэты каждый день, первым документируя историю протеста и составив по следам этой документации музейную выставку [Ryan, 2019]. Не остался в стороне и документальный кинематограф Аргентины. Через три года после возвращения страны к демократическому правлению выходит документальный фильм «Ночь карандашей» (“La noche de los lápices”, Эктор Оливера, Аргентина, 1986) о похищенных и запытаных студентах. Этот фильм наряду с другими, снятыми сразу после диктатуры, составил внутринациональный жанр, который Химена Трикель называет «киносвидетельство» (“Cine testimonio”), то есть кино, снятое в пылу момента, не для того, чтобы проанализировать, объяснить или понять, что произошло, а просто рассказать, «поместить раны в историю» [Grant, 2003: 69].

⁶ Аргентинский фотограф Густаво Джермано (Gustavo Germano) — автор фотопроекта «Отсутствие» (“Ausencias”), посвятил свой проект латиноамериканцам, которые бесследно исчезли в период военной диктатуры в Аргентине и Бразилии с 1976 по 1983 год. В этот семилетний период исчезли, были похищены, убиты более 30000 человек из-за подозрений в заговоре против правительства. Людей похищали прямо с улиц. Общества этих стран по-прежнему чувствуют трагедию того времени. Многие семьи так никогда и не узнали, что на самом деле произошло с их близкими. Персональный сайт Г. Джермано. URL: <https://www.gustavogermano.com/> (дата обращения: 08.10.2024).

⁷ Nosotros no sabíamos. MACBA. URL: <https://www.macba.cat/en/art-artists/artists/ferrari-leon/nosotros-no-sabiamos> (дата обращения 8.10.2024).

⁸ Одним из самых продолжительных и известных является протест матерей, объединившихся в организацию Madres de Plaza de Mayo (Матери площади Мая). Женщины в белых платках и с фотографиями исчезнувших близких маршировали по площади перед зданием правительства почти каждую неделю с 1977 года, требуя возвращения их сыновей и дочерей.

Рассматриваемый сквозь призму рефотографии проект Джермано «Отсутствие» явно примыкает к этой традиции визуальной репрезентации, но обращается в первую очередь к семейной фотографии. Его личный мотив — похищение и убийство старшего брата Эдуардо. Личное вписано в широкую общенациональную практику как метонимическая ссылка на масштабную трагедию и травму.

Джермано повторял снимок собственной семьи: братья Густаво, Гильермо, Диего и Эдуардо в 1969 году на фотографии слева и братья Густаво, Гильермо и Диего тридцать лет спустя на фотографии справа.

Фото 1. Источник: проект «Отсутствие» в проекте «Городские инсталляции»⁹

Джермано привлек к работе над проектом ряд исследователей, которые помогли ему проводить фотоархивные изыскания. На этом этапе продуктом коллективной работы стала подборка семейных фотографий. Затем Джермано разыскал и привлек к проекту родственников пропавших без вести, которые фигурировали в оригинале отобранных фотографий. Он отправлялся с ними в то же место, в котором были сделаны первые фотографии. Там он воспроизводил, или рефотографировал, семейную группу или оставшегося члена семьи в тех же позах, которые они занимали на исходных фотографиях. Сохранившиеся в интерьере предметы, например ваза на фото 2, подчеркивают контраст между неизменностью вещной среды и видимым отсутствием одного из персонажей, в то время как другой персонаж из числа родных повзрослел или постарел.

⁹ Развитие проекта «Отсутствие» в проекте «Городские инсталляции» как открытом экспонировании // Gustavo Germano. URL: <https://www.gustavogermano.com/portfolio/instalaciones-urbanas/> (дата обращения: 08.10.2024).

Фото 2. Источник: проект «Отсутствие» в проекте «Городские инсталляции»¹⁰

Как пишет С. Ван Дембрук, позирование родственников пропавших без вести имеет характер, отличный от постановки обычных семейных фотографий, позирование для этого проекта было частью политической активности участников по осуждению произвола властей [Van Dembroucke, 2010: 8]. Таким образом, акт рефотografiрования приобретает характер политического высказывания.

Фото 3. Источник: проект «Отсутствие» в проекте «Городские инсталляции»¹¹

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Фото 4. Источник: проект «Отсутствие» в проекте «Городские инсталляции»¹²

Рефотографии, безусловно, имеют более профессиональный характер, они выстроены с точки зрения композиции, освещения, очевиден контраст с семейной фотосъемкой, фотографии исходных версий несут печать времени. Но прежде всего рефотографии проекта «Отсутствие» обнаруживают контрасты выражений лица и направленности взглядов. Позируя для рефотографии, персонажи уже не могут позволить себе не обращать внимания на камеру. Позирование теперь приобретает характер социального взаимодействия, усиливаемый взглядом субъекта фотографии. Фотографируемые знают, какая история стоит за предложением воспроизвести позу, ради каких целей осуществляется повторная съемка. Тем не менее на ряде рефотографий Джермано экспериментирует с инсценируемой спонтанностью, например, на фото 5 немолодой мужчина, уже один, без брата, с видимым усилием сбегает с насыпи, его взгляд устремлен под ноги. Если движение еще возможно реплицировать, то настроение, веселый взгляд братьев в объектив десятилетия назад не подлежат воспроизводству, между этими снимками стоит прожитое, знание о семейной и национальной трагедии и потере, смысл которых отфильтровывают уместные эмоции.

Рассматриваемые в целом, рефотографии представляют собой общий парный объект, к которому применимы принципы гештальта, согласно которому восприятие не может быть объяснено лишь через совокупность элементарных сенсорных ощущений, но требует рефлексивного взаимодействия с ощущениями, например, когнитивного акта выделения фигуры на фоне [Schirillo, Goldstein, 2010]. В случае с рефотографиями в проекте Джермано таким когнитивным усилием становится обнаружение отсутствующей фигуры на том же фоне.

¹² Там же.

Важным условием, соблюденным Джермано, стал узнаваемый общий контекст изображения на последующих фотографиях, снятых с одной точки обозрения. В таком случае последующая визуальная проекция обнаруживает и фокусирует восприятие на изменившихся персонажах и на том новшестве, которое отличает поздние версии от первичной. Джермано, с одной стороны, использует привычный прием семейного альбома, имеющего начало для листания и визуальную последовательность располагаемых снимков от ранних к поздним. Именно это обстоятельство награждает рассматривающего эмоциональными открытиями, имеющими отношение к течению времени и ожидаемым изменениям растущих и старящихся персонажей. С другой стороны, Джермано подготавливает зрителя к аффекту разорванного травматическим событием времени, в котором кому-то суждено исчезнуть и не состариться вместе с близкими. Диптихи потенциально вызывают не только индивидуальный «пунктум» (пронзительность или остроту переживания), ту небольшую психическую травму, которую Барт описал как форму проективного горя, которую мы испытываем, в частности, когда смотрим на определенные фото-портреты и думаем: «А ведь он умрет...», — они также представляют формат открытой культурной сцены, через которую зрители могут получить доступ к коллективным формам горевания и сочувствия.

Какие принципы гештальта здесь отыграны? В первую очередь, это принцип близости: предметы, находящиеся рядом друг с другом во времени или пространстве, воспринимаются объединенными. В результате принцип близости порождает два эффекта: объединяет, или интегрирует, элементы, создавая принадлежность, но также разделяет элементы, не объединенные близостью. Рядоположенные диптихом в парном объекте фотографии одновременно обещают узнавание молодых лиц, их черт в повзрослевших персонажах и наталкивают на мысль о чьем-то исчезновении. Амбивалентность такого смещения, не вытекающая из самого изображения, предъясняется вовне, к тому же сопровождаемая взглядом свидетеля. Другой принцип гештальта — принцип схожести — заключается в том, что похожие предметы стремятся сгруппироваться. Общий контекст парных фотографий, та же природа, сохранившаяся вещная среда объединяются, несмотря на прошедшие годы. Исчезнувшая фигура на рефотопрографии превращается в ту, о которой знают, помнят, оставляют для нее *место*, которое никем другим не занято. Уместно вспомнить зинovieвскую метафору зияющих высот. Третий принцип восприятия — замкнутости — напоминает о том, что мы стремимся завершить незаконченные фигуры, заполняя существующие пробелы, в данном случае — парного объекта в направлении когнитивного воссоздания образа отсутствующего человека [Schirillo, Goldstein, 2010: 469–472].

Итак, согласно законам гештальта, мы рассматриваем рефотопрографию, упорядочивая свое восприятие, но также важно отметить, что через конструктивную форму парной рефотопрографии мы оказываемся подготовлены к встрече с амбивалентностью смещения, к когнитивному акту обнаружения того, что исчезло. Предъявленная одной, первичной, фотографией диптиха, рефотопрография такого эффекта бы не возымела, легитимируя присутствие только тех, кто на снимке.

Фото 5. Источник: проект «Отсутствие» в проекте «Городские инсталляции»¹³

Другой заметный актер рефотографии — темпоральность. Она заявляет о себе связью прошлого, когда были живы близкие, и настоящего, в котором им отведено место, не занятое никем, что подчеркивает незаменимость человека, невозможность утраты. Этот эффект торжествующей темпоральности усилен неоднократно благодаря коллекции четырнадцати пар снимков в фотопроекте Джермано, что придает индивидуальной или семейной потере характер коллективной национальной утраты. Но равным образом обнаруживается и сильный жест культурного сопротивления этой темпоральности — общая решимость помнить о травме как коллаборация носителей утраты и тех, у кого есть власть репрезентации. Ведь рефотография предъявлена в публичном контексте галереи и за ее пределами — на стенах домов, растиражирована в медиа.

За кулисами проекта обнаруживаются еще дополнительные исследовательские ракурсы. Так, С. Ван Дембрук предлагает рассматривать сотрудничество Джермано с родственниками исчезнувших с точки зрения биополитической власти в духе Фуко, утверждая, что в художественной практике телесность выступает еще и как объективированное тело. Если трагедия, связанная с жертвами диктатуры, разоблачается фактом бесследного исчезновения, то в рефотографировании художник — это тот, кто готов перенять власть с ее регулирующим контролем, чтобы манипулировать телами для своего замысла [Van Dembroucke, 2010: 18]. Но почему участники согласились на инсценировку, по сути, помещению себя в ситуацию ретравматизации? Насколько телесная манипуляция травматичным сюжетом может быть оправдана приносимыми фотографом новыми смыслами? Проект Джермано довольно

¹³ Там же.

непрост с этической точки зрения. Из интервью с Джермано Ван Дембрук извлекает этико-биографическое объяснение этой коллизии: «Тот факт, что я сам пережил потерю кого-то из членов моей семьи из-за этих же преступлений, позволил мне установить более тесные отношения с этими людьми, потому что между нами существует общее братство» [Van Dembroucke, 2010: 18–19]. Очевидно, мандат на преодоление этических препятствий Джермано получил, разделяя общие утраты и ценности той социальной группы, которая несла потери во время военной диктатуры.

Фото 6. Источник: проект «Отсутствие» в проекте «Городские инсталляции»¹⁴

Важно отметить и перформативную сторону выставки, размещенной среди домов на улицах города. Размер изображений на колористически однотонных стенах домов привлекает внимание и сокращает дистанцию с потенциальными зрителями-прохожими. Императив к привлечению взгляда может быть здесь приравнен к императиву помнить. А отсутствие надписей, с одной стороны, анонимизирует визуальный парный образ, с другой — приглашает к аналогиям, идентификациям в силу распространенности этого опыта потерь.

Заключение

Формат рефотোগрафии может быть весьма эвристичен в направлении инструментализации темпоральности и социальных изменений. Но Д. Харпер, визуальный социолог, предупреждал, что использование фотографий в качестве эмпирических доказательств не подразумевает объективной

¹⁴ Там же.

истины, поскольку фотографии представляют собой интерпретации фотографа, эмпирические фотодоказательства являются «как сконструированными, так и реальными» [Harper, 2003: 183].

Разумеется, дизайн рефотографии побуждает к методологической рефлексии, предусматривающей и процедурную последовательность предпринимаемых приемов (отрефлексированный и социально означенный фокус сравнения; архивные подтверждения; технически оправданный standpoint; представление о прикладной задаче — от изучения до адвокации). Но также присутствуют и этические проблемы, которые возникают при рефотографировании. Они могут быть скрыты, как расчет гештальт-принципов скрытой когнитивной инструментализации при восприятии парного снимка. Но также они могут быть предметом этических конвенций, договорная природа которых обнаруживает диспропорцию властных ресурсов у тех, кто имеет власть репрезентации, и у тех, кто может оправдать ее применение.

Но еще одним важным аспектом аргентинского проекта «Отсутствии» Густаво Джермано и близких к нему является тематизация невыразимого и непредставимого в контексте непроработанной национальной травмы. По признанию Наэли Морено, (ре)конструкция диктатуры все еще не завершена, постоянно переопределяется влияние, которое она оказала на аргентинское и латиноамериканское общество. Растет обширная библиография, множится корпус обнаруживаемых документов, документальная фильмография этого периода, доступные фотографии, свидетельства [Moreno, 2022: 27]. С одной стороны, сложился троп невыразимого в стилистике Шоа, как ее описывает на материале фотодокументов Холокоста Диди-Юберман [Didi-Huberman, 2008] или анализирует на примере фотографий выживших аргентинских женщин Джордана Блеймар, которая метафорично именуется размытые пятна и надписи на стенах тюрем в фотографиях жертвы диктатуры Паулы Латтрингер как своего рода «минеральную память», или память камня, метонимично замещающих образы исчезнувших [Blejmar, 2022]. Сама Паула Латтрингер не сразу нашла собственный изобразительный фотоязык для запечатления таких же, как и она, — выживших. Ее первым проектом была аргентинская скотобойня «Матадор» (“El Matadero”)¹⁵. С другой стороны, проект Г. Джермано, напрямую работающий с исчезновением, парадоксально возвращает телу его материальность, подвергает сомнению пустоту и наделяет ее символическим значением. Диптихи Джермано сталкивают полноту визуальной репрезентации когда-то присутствовавших и зияющие пустоты исчезнувших по всем известной причине как своего рода делезовскую смысловую складку, которую расправляют разнообразные стратегии художественного сопротивления, пытающиеся сместить дискурс авторитаризма посредством создания новых эстетических предложений. Актуальность реполитизации искусства избывающей травму диктатуры Аргентины, о которой писала Морено [Moreno, 2022: 30], то есть обострения мятежной огранки художественных форм и концепций, отвечает

¹⁵ Paula Luttringer: A Keeper of Memories. *Talking Pictures*. URL: <https://talking-pictures.online/2023/06/10/paula-luttringer-a-keeper-of-memories/> (дата обращения: 08.10.2024).

стремлению подорвать социальные и культурные репрезентации поставо- ритарного дискурса, так и не предоставившего обществу в исчерпывающей полноте честный исторический гранд-нарратив.

Литература / References

- Blejmar J. (2022) Mineral Memories: Photography and Disappearance in Argentina. *MAI Feminism & Visual Culture*. P. 1–20. URL: <https://maifeminism.com/mineral-memories-photography-disappearance-in-argentina/> (дата обращения: 08.10.2024).
- Didi-Huberman G. (2008) *Images in Spite of All: Four Photographs from Auschwitz*. Chicago: University of Chicago Press.
- Grant C. A. (2003) Still Moving Images: Photographs of the Disappeared in Films about the Dirty War in Argentina. In: A. Hughes, A. Noble (eds.) *Phototextualities: Intersections of Photography and Narrative*. Albuquerque: University of New Mexico Press. P. 63–86.
- Guy N. K. (2012) *The Lens: A Practical Guide for the Creative Photographer*. Sebastopol: Rocky Nook.
- Klett M. (2010) Three Methods of Presenting Repeat Photographs. In: R. H. Webb, D. E. Boyer, R. M. Turner (eds.) *Repeat Photography: Methods and Applications in the Natural Sciences*. Washington: Island Press. P. 32–45.
- Harper D. (2003). Reimaging Visual Methods: Galileo to Neuromancer. In: N. K. Denzin, Y. S. Lincoln (eds.) *Collecting and Interpreting Qualitative Materials (2nd ed.)*. Thousand Oaks: Sage. P. 176–198.
- Kallemeyn L. M. (2018) Expanding the Role of Digital Photographs in Evaluation Practice: Documenting, Sense-making, and Imagining. *Canadian Journal of Program Evaluation*. Vol. 33. No. 1. P. 114–134. DOI: <https://doi.org/10.3138/cjpe.31106>
- Klett M. (2011) Repeat Photography in Landscape Research. In: E. Margolis, L. Pauwels (eds.) *The SAGE Handbook of Visual Research Methods*. Thousand Oaks: Sage. P. 114–130.
- Klett M., Lundgren M. (2006) *After the Ruins, 1906 and 2006: Rephotographing the San Francisco Earthquake and Fire*. Berkeley: University of California Press.
- Metcalfe A. S. (2016) Repeat Photography and Educational Research. In: *Visual Research Methods in Educational Research*. London: Palgrave Macmillan. P. 153–171. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137447357_9
- Miles M. (2016). Rephotography and the Era of Witness. *Photographies*. Vol. 9. No. 1. P. 51–69. DOI: <https://doi.org/10.1080/17540763.2016.1138995>
- Moreno N. F. M. (2022). Photography and Memory. *Design, Arts, Culture*. Vol. 3. No. 1. P. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.12681/dac.31214>
- Pauwels L. (2010) Visual Sociology Reframed: An Analytical Synthesis and Discussion of Visual Methods in Social and Cultural Research. *Sociological Methods and Research*. Vol. 38. No. 4. P. 545–581. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124110366233>
- Ryan H. E. (2019) Political Street Art in Social Mobilization: A Tale of Two Protests in Argentina. In: *The Aesthetics of Global Protest*. Amsterdam: Amsterdam University Press. P. 99–120. DOI: <https://doi.org/10.1515/9789048544509-008>
- Rieger J. H. (2011) Rephotography for Documenting Social Change. In: E. Margolis, L. Pauwels (eds.) *The SAGE Handbook of Visual Research Methods*. Thousand Oaks: Sage. P. 132–149.
- Schirillo J. A., Goldstein B. (2010) Gestalt Approach. In: E. B. Goldstein (ed.) *Encyclopedia of Perception*. Thousand Oaks: Sage. P. 469–472.
- Smith T. (2007) Repeat Photography as a Method in Visual Anthropology. *Visual Anthropology*. Vol. 20. No. 2–3. P. 179–200. DOI: <https://doi.org/10.1080/08949460601152815>

Tinkler P. (2013) *Using Photographs in Social and Historical Research*. Los Angeles: Sage.

Van Dembroucke C. (2010) The Absence Made Visible: The Case of Ausenc'as, Gustavo Germano's Photographic Exhibition. *Tensions*. No. 4. P. 1–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.25071/1913-5874/37351>

Сведения об авторе:

Мещеркина (Рождественская) Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры анализа социальных институтов департамента социологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. **E-mail:** erozhdestvenskaya@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 531642; **ORCID ID:** 0000-0001-6874-2404; **ResearcherID:** B-1687-2014.

Статья поступила в редакцию: 19.01.2025

Принята к публикации: 23.02.2025

Re-Photography as Documentation and Understanding of the “Dirty War” in Argentina: G. Germano’s Photo Project “Absence”

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.6

Elena Yu. Meshcherkina (Rozhdestvenskaya) HSE University,
Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia
E-mail: erozhdestvenskaya@hse.ru

The article considers a special form of photographic practice that may be in demand in sociology — repeated photography or re-photography. This is an act of repeating a photograph of the same place/character/practice, with a time lag between the two images, a look at a certain object “then and now”. The possibilities of re-photography were primarily used by researchers of the urban environment, demonstrating vivid variability. In the social sciences, the secondary use of visual documents can serve the purposes of education, policy, practice and advocacy. The format of re-photography can be heuristic in the direction of instrumentalization of temporality and social change. It is not devoid of methodological reflection, providing for a procedural sequence of the techniques undertaken [reflected and socially designated focus of comparison; archival evidence; technically justified stand point; idea of the applied task]. But there are also ethical issues that arise when re-photographing individuals. Field research using re-photography in social sciences can have multiple purposes — to document the rhythm of changes in a specific location based on the primary image, to generate social meanings in the torn fabric of social events. In relation to the latter, the article analyzes the Argentine photo project by G. Germano “Absence”, which thematizes the consequences of the dictatorship of the military junta [1976–1983] in Argentina. The technique of re-photography used by Germano in the series of diptychs produces the affect of a time torn apart by a traumatic event, in which some are destined to disappear

and not grow old with their loved ones. The diptychs not only potentially evoke an individual “punctum”, they also provide the format of an open cultural stage through which viewers can access collective forms of mourning and empathy. Germano’s re-photography project fits into various strategies of artistic resistance that act out the elimination of collective trauma through the creation of new aesthetic proposals. The art of photography is re-politicized, seeking to undermine the social and cultural representations of the post-authoritarian discourse, which has never provided Argentine society with an exhaustive historical grand narrative.

Keywords: re-photography, re-shooting, visualization of historical trauma, G. Germano, temporality, social change

Acknowledgments. The study was carried out with the support of the Faculty of Social Sciences, National Research University — Higher School of Economics, within the framework of the project “Experience of Local Conflicts: Processing, Resocialization, Disability”.

Author Bio:

Elena Yu. Meshcherkina (Rozhdestvenskaya) — Doctor of Sociology, Professor, Department of Analysis of Social Institutions, School of Sociology, Faculty of Social Sciences, HSE University; Leading Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia. **E-mail:** erozhdestvenskaya@hse.ru. **RSCI Author ID:** [531642](#); **ORCID ID:** [0000-0001-6874-2404](#); **ResearcherID:** [B-1687-2014](#).

Received: 19.01.2025

Accepted: 23.02.2025

Интеракция. Интервью. Интерпретация

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(ЭЛ № ФС 77-73688 от 14 сентября 2018 г.)

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Главный редактор:

Виктория Владимировна Семенова

Редакция:

Александрина Владимировна Ваньке
Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Технический редактор:

Ольга Николаевна Салангина

Компьютерная верстка:

Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:

Анна Николаевна Кокарева

Журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация» включен в базу РИНЦ и перечень ВАК.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

2025. Том 17. № 1. Дата выхода в свет 28.03.2025.

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
Тел.: +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, korp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com